

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»



ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

*Издается с 1997 года
Выпуск 3 (107)*

Вологда • 2020

Решением Минобрнауки России журнал «Проблемы развития территории» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по всем научным специальностям в рамках отрасли науки 22.00.00 «Социологические науки» и по четырем научным специальностям в рамках отрасли науки 08.00.00 «Экономические науки»: 08.00.01 «Экономическая теория», 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности)», 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит», 08.00.13 «Математические и инструментальные методы экономики»

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: OCLC WorldCat, EBSCO, ROAR, BASE, OpenAIRE, RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий широкий круг вопросов социально-экономического развития территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям научной общественности и практикам работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения экономики территорий, принимать участие в обсуждении этих проблем. В числе основных тем – проблемы развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социально-экономическое развитие территорий, вопросы формирования доходов региональных бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, актуальные вопросы развития АПК.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ускова Т.В., д. э. н., проф. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аритон Д., доктор наук, проф. (Университет Данубиуса Галати, Румынское агентство по обеспечению качества в высшем образовании, Бухарест, Румыния)

Базуева Е.В., д. э. н., проф. (Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия)

Бахтизин А.Р., член-корреспондент РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Буккиарелли Э., доктор наук (Университет «Габриэле д'Аннунцио», Пескара, Италия)

Воронов В.В., д. с. н., проф. (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., д. э. н., доцент (ООО «Русинтехком», Вологда, Россия)

Дюран С., кандидат наук, доцент (Университет Париж 13 (Университет Париж-Север), Вильтанез, Франция)

Загребельный А.В., ответственный секретарь, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Котилайнен Ю., доктор наук, проф. (Университет Восточной Финляндии, Йозенсуу, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь)

Латов Ю.В., д. с. н., доцент (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лыкова Л.Н., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Скуфьина Т.П., д. э. н., проф. (Кольский научный центр РАН, Апатиты, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Давыденко В.А., д. с. н., проф. (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия)

Доброхлеб В.Г., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия)

Жгулев Е.В., д. э. н., доцент (Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Жихаревич Б.С., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Каргаполова Е.В., д. с. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Ковач Т., к. э. н., доцент (Школа бизнеса Будапешта, Колледж международного менеджмента и бизнеса, Будапешт, Венгрия)

Когай Е.А., д. филос. н., проф. (Курский государственный университет, Курск, Россия)

Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Мазилев Е.А., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Малков Н.Г., к. т. н., доцент (Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Вологда, с. Молочное, Россия)

Попов Е.В., член-корреспондент РАН (Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

Сакал П., доктор философии, проф. (Словацкий технический университет, Трнава, Словакия)

Селин М.В., д. э. н., проф. (Законодательное Собрание Вологодской области, Вологда, Россия)

Суворов А.В., д. э. н., проф. (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Теребова С.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Цветков В.А., член-корреспондент РАН (Институт проблем рынка РАН, Москва, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Леонидова Г.В., Басова Е.А.

Социальная политика региона и проблемы
«работающих бедных» в контексте качества трудовой жизни7

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Сидоров М.А.

Территориальное развитие на основе стимулирования
российской электронной промышленности.....27

Манаева И.В.

Методика определения оптимального размера города45

Румянцев Н.М.

К вопросу о структурных
трансформациях экономики регионов59

Чекавинская Г.А.

Институциональная парадигма аудита: междисциплинарный дискурс72

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ

Аксюткина С.В.

Страховой рынок РФ:
оценка и приоритетные направления развития90

Васильева Т.С.

Актуальные вопросы развития регионального рынка
страхования и его роль в экономике103

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

Козлова О.А., Трушкова Е.А., Макарова М.Н.

Оценка взаимосвязи ресурсообеспеченности здравоохранения
и продолжительности жизни населения: региональный аспект116

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

Барсуков В.Н.

Методологические особенности измерения последствий
старения населения в межстрановом сравнении128

Смолева Е.О.

Счастье и деньги:

материальные аспекты субъективного благополучия 144

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Мониторинг экономики:

май 2020 года..... 167

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Конференции, заседания, семинары 177

Новые издания ФГБУН ВолНЦ РАН 179

Правила для авторов 181

Информация о подписке..... 184



CONTENT

FROM THE EDITORIAL BOARD

Leonidova G.V., Basova E.A.

The Region's Social Policy and the "Working Poor's" Problems in the Context of the Working Life Quality	7
--	---

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES, BRANCHES, AND PRODUCTION COMPLEXES

Sidorov M.A.

Territorial Development Based on Stimulation of the Russian Electronic Industry	27
--	----

Manaeva I.V.

Methodology of the Optimal City Size Determining	45
--	----

Rumyantsev N.M.

Revisiting Structural Transformations of the Regional Economy	59
--	----

Chekavinskaya G.A.

Institutional Paradigm of Audit: Multidisciplinary Discourse	72
---	----

TERRITORIAL FINANCE

Aksjutina S.V.

Insurance Market of the Russian Federation: Assessment and Priority Development Directions	90
---	----

Vasil'eva T.S.

Current Issues of Regional Insurance Market Development and its Role in the Economy	103
--	-----

TERRITORIAL ORGANIZATION AND MANAGEMENT

Kozlova O.A., Trushkova E.A., Makarova M.N.

Assessment of the Interconnection between Availability of Healthcare Resources and Population's Life Duration: Regional Aspect	116
---	-----

LIFE QUALITY AND HUMAN POTENTIAL OF TERRITORIES

Barsukov V.N.

Methodological Features of Measuring Population Ageing Effects in the Inter-Country Comparison	128
---	-----

<i>Smoleva E.O.</i>	
Happiness and Money:	
Material Aspects of Subjective Well-Being	144
MONITORING OF CHANGES: MAIN TRENDS	
Monitoring of the economy: May 2020.....	167
CHRONICLES OF SCIENCE LIFE	
Conferences, Meetings, Seminars	177
New VolRC RAS issues	179
Guidelines for the authors	181
Subscription information	184



ОТ РЕДАКЦИИ

DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.1

УДК 331.41 | ББК 65.240

© Леонидова Г.В., Басова Е.А.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РЕГИОНА И ПРОБЛЕМЫ «РАБОТАЮЩИХ БЕДНЫХ» В КОНТЕКСТЕ КАЧЕСТВА ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ



ГАЛИНА ВАЛЕНТИНОВНА ЛЕОНИДОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: galinaleonidova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0361-2099; ResearcherID: I-7139-2016



ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА БАСОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: elbas@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2817-5454

В целях повышения устойчивости развития территорий особую актуальность приобретают вопросы государственного регулирования социально-трудовой сферы. Ограниченный срез исследований по вопросам региональной социальной политики в контексте качества трудовой жизни (КТЖ) подтвердил исследовательский интерес к заявленной проблематике. Целью проведенного исследования является анализ субъективных оценок работающего населения относительно их качества трудовой жизни и оценка пробелов в социальной политике региона применительно к состоянию и качеству рабочих мест. В статье представлены результаты исследования КТЖ населения Вологодской области с использованием многомерных методов статистического анализа. Источником информации выступили результаты опроса, проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2018 году. Применение компонентного анализа позволило выявить ключевые факторы формирования КТЖ, условно названные «оплата труда», «внутренняя среда» и «призвание». Реализация многомерного иерархического подхода с использованием критериев, характеризующих КТЖ, позволила провести типологию работающего населения Вологодской области. Выявлен социокультурный портрет наиболее бедствующей группы в контексте качества трудовой дея-

Для цитирования: Леонидова Г.В., Басова Е.А. Социальная политика региона и проблемы «работающих бедных» в контексте качества трудовой жизни // Проблемы развития территории. 2020. № 3 (107). С. 7–26. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.1

For citation: Leonidova G.V., Basova E.A. The region's social policy and the "working poor's" problems in the context of the working life quality. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 3 (107), pp. 7–26. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.1

тельности. Проведен расчет сводного (общего) и частных (индивидуальных) индикаторов КТЖ в разрезе трех социальных групп на основе индексной системы оценки. Сделан вывод о негативном влиянии низкого заработка на степень удовлетворенности различными аспектами КТЖ. На основе детального анализа программ регионального развития Вологодской области на средне- и долгосрочную перспективу сделан вывод об опосредованном включении в них компонентов КТЖ. Констатируется необходимость реализации политики качественного экономического роста в целях повышения оплаты труда как базового индикатора КТЖ. Обоснованы практические рекомендации по повышению жизненных стандартов работающего населения в рамках региональной социальной политики. Показано, что в перспективе с использованием данных проведенного исследования можно разработать комплексную методику оценки КТЖ населения региона (наряду с официальными материалами статистики) и практические меры по повышению жизненных стандартов работающего населения.

Региональная социальная политика, качество трудовой жизни, заработная плата, работающие бедные, компонентный анализ, кластерный анализ.

Введение

Повышение качества жизни населения – ключевая задача устойчивого развития территорий. Достижение основ социально-экономической стабильности, обеспечение условий для финансового благополучия и социальной самореализации граждан являются базисом устойчивого развития [1, с. 67]. Важным индикатором эффективности функционирования социально-трудовой сферы выступает качество трудовой жизни (КТЖ) работающего населения, представляющее собой характеристики труда, обеспечивающие наиболее эффективное использование и развитие трудового потенциала индивида. Повышение качества труда помогает наиболее эффективно и в полной мере использовать интеллектуальные, творческие, организаторские способности сотрудников. Достижение высокого уровня удовлетворенности трудом оказывает мультипликативный положительный эффект на различные стороны жизнедеятельности индивида и его семьи. В конечном итоге расширение масштабов благополучия и удовлетворенности трудовой деятельностью как результат эффективного управления может стать движущей силой в достижении целей устойчивого развития и экономического роста. Для повышения жизненных стандартов работающего населения особое значение приобретает оценка роли и возможностей региональ-

ной социальной политики в формировании и развитии КТЖ в разрезе отдельных социальных групп.

Роль современных институтов в гармонизации КТЖ претерпевала значительные изменения в разные периоды экономического развития общества. Современные модели функционирования экономик многих стран – это, прежде всего, различные варианты смешанной экономики, начиная с неолиберальных и до эгалитарных способов управления [2, с. 218]. Неолиберальный подход связывает развитие КТЖ с ослаблением роли государственного вмешательства на социальное развитие общества, в связи с чем работник самостоятельно формирует качество трудовой деятельности, активно используя и развивая собственный человеческий потенциал и неся ответственность за результативность своего труда. В отличие от неолиберальных взглядов эгалитарная политика предполагает активное воздействие государства на процессы социально-экономического развития в обществе. Активное использование положений кейнсианской бюджетной политики и «экономики благосостояния» способствовало наделению государства ролью гаранта в справедливом распределении национального богатства и появлению в связи с этим роли основной движущей силы государственных органов в функционировании и развитии КТЖ.

Современный подход, по мнению Л.М. Сафиной [2, с. 219], включает административные и экономические методы государственного регулирования КТЖ. Сочетание данных методов с точки зрения принятия соответствующего законодательства и прямого контроля (административный ресурс), а также косвенного или прямого экономического воздействия как способов влияния на субъекты в рамках функционирования и развития КТЖ происходит в мировой практике с различной эффективностью. Проблема заключается в том, что КТЖ является «результатирующим показателем», в связи с чем его уровень не может характеризоваться величиной бюджетных ассигнований, выделенных на поддержку и развитие КТЖ, или количеством государственных органов, ответственных за реализацию контрольных и надзорных функций. С экономической точки зрения необходимо оценивать величину государственных и частных расходов [3, с. 44], рассчитанную на единицу занятого населения. Социальная составляющая предполагает оценку доступности «блага для удовлетворения базовыми параметрами КТЖ» [2, с. 221].

Процессы реформирования и ориентация на устойчивое развитие территорий требуют разработки качественно новых подходов в оценке функционирования сферы труда. Социальные характеристики труда, направленные на гуманизацию трудовой деятельности и КТЖ, нуждаются в корректировке со стороны государственных органов управления и профсоюзов [4]. В условиях неполного использования трудового потенциала, что является характерной особенностью российского общества, КТЖ работающего населения снижается [5, с. 119].

Изучение публикаций по исследуемой проблематике показывает, что большинство из них ограничено анализом социальной политики на национальном и региональном уровнях и в меньшей степени увязано с повышением КТЖ работающего населения. Более того, в экономической литературе не акцентируется внимание на положении наиболее бедственной социальной группы,

низкий уровень КТЖ которой не только снижает эффективное использование трудового потенциала в масштабах региона и страны в целом, но и усиливает и без того чрезмерное социально-экономическое расслоение в обществе по качеству жизни. В связи с этим возникают закономерные вопросы: кто находится на низшей ступени иерархии (удовлетворенности) по качеству трудовой жизни среди занятого населения региона и каков социокультурный портрет данной когорты? Какие факторы оказывают решающее значение на удовлетворенность КТЖ? Каковы значимые проблемы наиболее бедственной группы в контексте КТЖ и находится ли решение этих проблем в плоскости региональной социальной политики? Для получения ответов на указанные вопросы проведен детальный анализ субъективных оценок работающего населения относительно КТЖ с использованием экономико-статистических методов.

Региональная социальная политика в контексте КТЖ: теоретические аспекты

Исследованию теоретических аспектов региональной социальной политики уделяется большое внимание в отечественной и зарубежной литературе. Изучению вопросов развития социальной сферы во взаимосвязи с качеством жизни, в т. ч. с социальной защитой работающего населения, посвящены труды В.В. Радаева, Е.М. Авраамовой, В.Н. Бобкова, Е.Ш. Гонтмахера, Л.Г. Зубовой, Т.Н. Заславской, Л.С. Ржаницыной, А.Ю. Шевякова, В.А. Литвинова и др.

Значительный интерес к вопросам социальной политики объясняется, с одной стороны, необходимостью поиска способов формирования и новых целей в достижении основ социального государства. С другой стороны, всегда существуют специфические, прогнозируемые социальные проблемы, которые нуждаются в постоянном мониторинге и разработке практических решений по их устранению. Так, «результаты» социально-экономической политики постперестроечного времени ощущаются и треть века спустя. Проводимая в 90-е гг. в

России спонтанная и бессистемная социальная политика зачастую противоречила сути экономических реформ, ориентировалась на нейтрализацию социальной напряженности, характеризовалась постоянным отставанием от тенденций общественного развития и не была направлена на формирование концепции согласованного развития государства, общества и экономики. Дефицит научных разработок при множестве политических просчетов в социальной политике последних десятилетий явился сильным дестабилизирующим фактором развития российского общества. Особенно очевидным данное обстоятельство оказывается при рассмотрении социальной защиты как основы обеспечения прав и свобод человека на конституционном и законодательном уровне [3, с. 33–35].

По мнению В.Д. Роика, «социальная защита – это система экономических, социальных, правовых, организационных, медицинских и технических мер по защите работников от неблагоприятных факторов (социального и профессионального риска), ухудшающих качество их трудовой жизни, с целью охраны здоровья, трудоспособности работников, их материального положения с помощью создания на предприятиях, в регионах и государстве специальных механизмов, фондов, включая страховые, и институтов социальной защиты, в случаях и на условиях, установленных законодательством и трудовыми соглашениями» [6, с. 25]. При таком подходе социальная политика оказывается тесно связанной с концепцией КТЖ.

Основная цель социальной региональной политики на современном этапе развития российского общества заключается «в обеспечении социального развития субъекта РФ с учетом современных тенденций функционирования экономики и социальной сферы и его специфики для достижения высокого уровня здоровья, качества жизни и благополучия населения» [7, с. 18]. Осуществление

социальной политики в регионе происходит посредством реализации государственных программ социального обеспечения и системы социальных услуг. В качестве основных направлений региональной социальной политики следует назвать:

1) в сфере доходов: «качественное и эффективное оказание социальных услуг населению с учетом критериев нуждаемости; повышение уровня социальной защищенности недееспособных граждан, обеспечение защиты их прав и законных интересов»¹;

2) в сфере здравоохранения [8, с. 161]: охрана здоровья населения, создание эффективной системы медицинской помощи и повышение ее доступности;

3) в сфере образования [9, с. 113]: развитие системы подготовки и переподготовки кадров, создание системы непрерывного образования, обеспечение доступности образовательных услуг;

4) в сфере культуры [7, с. 19]: поддержка и развитие национально-культурных интересов народов;

5) в сфере занятости [7, с. 19]: организация системы подготовки и переподготовки кадров, эффективная поддержка потерявших работу, защита трудовых прав работников.

Низкий уровень жизненных стандартов некоторой части работающего населения актуализирует необходимость пересмотра социально-трудовой политики и стратегии экономического развития на национальном, региональном и локальном уровнях в целях повышения различных аспектов КТЖ. «Концепция КТЖ определяет основной вектор трансформации социально-трудовых отношений, позволяющих повысить реализацию человеческого потенциала» [10, с. 19].

Первоначально концепция КТЖ разрабатывалась в США и странах Западной Европы, основные ее положения сформировались в 60–70 годы XX века. Теоретико-методологические подходы к исследованию различных аспектов КТЖ заложены в трудах зарубежных ученых: А. Маслоу, Э. Лоулера,

¹ О государственной программе «Социальная поддержка граждан в Вологодской области на 2014–2020 годы»: Постановление Правительства Вологодской области № 1098 от 28 октября 2013 г. URL: https://socium.gov35.ru/dokumenty-strategicheskogo-planirovaniya/index.php?ELEMENT_ID=13038 (дата обращения 20.04.2020).

Д. Макгрегора, Дж. Гэлбрейта, К. Адельфера. Современные проблемы развития трудового потенциала и КТЖ стали предметом исследования отечественных ученых: В.Ф. Потуданской, В.А. Цыганкова, И.В. Цыганковой, Д.В. Окунева, Ю.Э. Чернышовой, С.Э. Майкова, А.Г. Махмутовой, Ю.Г. Одегова, О.А. Платонова и др. Отдельным индикаторам КТЖ в рамках регионального и отраслевого уровней посвящены работы прикладного характера [11–15]. Изучение вопросов оплаты и условий труда как базовых компонентов КТЖ представлено в трудах О.А. Воронина, Н.А. Волгина, В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшниковой, Н.Е. Тихоновой, С.Ю. Рощина, И.Б. Тюрина, Г. Беккер.

Несмотря на постепенное осознание важной роли развития трудового потенциала, системного включения компонентов КТЖ в нормативно-правовую базу на региональном уровне не наблюдается. Детальный анализ программ регионального развития Вологодской области на средне- и долгосрочную перспективу показал наличие в них различных аспектов КТЖ в опосредованном виде. Так, «Стратегия социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года»² содержит мероприятия в части формирования системы непрерывного образования для трудоспособного населения, создания системы профилактики профессиональных заболеваний и безопасных условий труда, обеспечения условий для закрепления молодых кадров на территории области, а также условий для роста производительности труда и высокопроизводительных рабочих мест.

Программа «Содействие занятости населения, улучшение условий и охраны труда в Вологодской области на 2014–2020 годы»³ включает целевой индикатор в виде удельной численности пострадавших от несчастных случаев на производстве на 1000

работающих. В числе целей реализации программы указаны следующие: мониторинг своевременной и полной выплаты заработной платы, анализ причин задолженности по выдаче средств на оплату труда и разработка мер по сокращению невыплат, организация мероприятий по снижению неформальной занятости, подготовка проекта закона о прожиточном минимуме, ежемесячный мониторинг производственного травматизма.

По мнению И.В. Цыганковой [16, с. 140], в России отсутствует уточненная классификация факторов КТЖ, нет понимания и единства мнений относительно индикаторов оценки КТЖ, не разработана единая система оценки различных аспектов КТЖ, не проведен анализ особенностей КТЖ работающего населения в разрезе социальных групп. Отсутствие единого подхода к содержанию наполнению дефиниции «качество трудовой жизни» тормозит масштабное использование данной категории. Причина кроется в специфической среде формирования КТЖ [2, с. 222]. Недостаточная регламентация государством системы правового регулирования социально-трудовых отношений между субъектами (работником и работодателем) на основе законодательного взаимодействия усложняет классификацию и систематизацию нормативно-правовой базы. Классификация факторов КТЖ не по субъектно-объектному признаку, а по источнику формирования позволит не только упорядочить и активизировать процесс введения КТЖ в нормативно-правовые акты, но и упростить оценку КТЖ.

Шесть уровней факторов КТЖ по признаку возникновения предлагает Е.Г. Жулина [17, с. 17]. Каждый из них характеризуется различными составляющими:

1) мегауровень – уровень мирового сообщества (международные трудовые соглашения, ратифицированные РФ);

² О Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года: Постановление Правительства Вологодской области от 17 октября 2016 г. № 920. URL: http://vologdaoblast.ru/strategiya2030/dokumenty_strategicheskogo_planirovaniya/strategiya_sotsialno_ekonomicheskogo_razvitiya_vologodskoy_oblasti_utverzhennaya_normativnym_pravov/index.php?ELEMENT_ID=1075143

³ Содействие занятости населения, улучшение условий и охраны труда в Вологодской области на 2014–2020 годы: Постановление Правительства Вологодской области от 28 октября 2013 г. № 1101. URL: https://depzan.gov35.ru/dokumenty-strategicheskogoplanirovaniya/index.php?ELEMENT_ID=70330

2) макроуровень – уровень государства (Конституция РФ, кодексы РФ, федеральные и отраслевые нормативно-правовые акты);

3) мезоуровень – уровень субъектов государства (нормативно-правовая база на региональном и отраслевом уровне социально-трудовой сферы);

4) микроуровень – уровень работодателя (внутренние нормативные документы предприятий и организаций);

5) миниуровень – уровень подразделений (внутренние документы структурных подразделений предприятия);

6) наноуровень – уровень наемного работника (договорные отношения между работником и работодателем).

К числу факторов, оказывающих влияние на совокупную оценку качества трудовой деятельности индивидом, Р. Волтон [18, с. 144] относит: адекватную и справедливую компенсацию, безопасные и здоровые условия труда, возможность развития человеческого потенциала и карьерного роста, социальное взаимодействие, социальную значимость, баланс между трудом и личной жизнью. Основной перечень влияющих факторов представлен такими компонентами, как: содержание работы, трудовые экономические факторы, трудовые социальные факторы, баланс между работой и жизнью [19, с. 64].

В рамках данного исследования оценка КТЖ работающего населения проводится по направлениям: оплата труда, условия труда, использование и развитие человеческого потенциала, возможности для карьерного роста, устойчивость занятости, психологический климат в трудовом коллективе, взаимодействие с общим жизненным пространством, социальная значимость труда [20, с. 11].

Среди вышеназванных аспектов в качестве ключевого фактора и одновременно наиболее проблемной зоны в оценке удовлетворенности КТЖ многие исследователи (как отечественные, так и зарубежные) выделяют низкий размер оплаты труда [18; 21–23]. Тема бедности работающих граждан является чрезвычайно актуальной в последние годы. Интерпретация данной проблематики проводится в рамках понятия

«экономической бедности», трактуемой как уровень оплаты труда, который не обеспечивает достойный уровень жизни [24, с. 65]. В составе общей численности бедных доля семей работающих составляет 50–60% [25, с. 444]. Бедственное положение этой группы обусловлено воздействием ряда ключевых факторов на микро- и макроуровне. На микроуровне: во-первых, значительностью в составе семей доли сотрудников с оплатой труда ниже прожиточного минимума; во-вторых, отсутствием занятости у трудоспособных членов семьи. На макроуровне факторы российской экономической бедности – результат небольшого заработка как следствие низкого уровня развития экономики. Сложившийся в России тип экономической бедности заключается в том, что «наличие работы у трудоактивного населения не может служить гарантией защиты от бедности» [26, с. 64].

Региональный характер причин бедности работающего населения обусловлен уровнем экономического развития субъектов РФ. Существующие негативные тенденции в экономическом развитии регионов усугубляют масштабы бедности работающего населения. В качестве причин бедности Н.Н. Горюнова [26, с. 65] выделяет низкий уровень заработной платы, сложившийся исторически; неконкурентоспособность отдельных отраслей и производств; депрессивность и неэффективное функционирование узкого круга отраслей промышленности, отсутствие возможностей эффективной занятости вследствие недостаточного уровня развития производительного сектора экономики; ограничение физического доступа к местам занятости и социальное отчуждение работников из-за деградации физической инфраструктуры; несоответствие образования, квалификации работников современным потребностям общества и экономики; низкую производительность труда, а также преобладающее число рабочих мест, требующих неквалифицированного труда и низкооплачиваемых работников.

Бедность работающего населения имеет масштабные «долгоиграющие» последствия

для индивида и экономики в целом. В частности, Л.А. Подузов [27, с. 102] в качестве последствий для самого работника (индивида) выделяет следующие: негативное отношение к правительству, органам власти и высокообеспеченным слоям населения, возникновение ряда психологических проблем (неуверенность в завтрашнем дне, чувство невостребованности, разочарование в работе и т. д.), отсутствие возможностей и мотивов (стимулов) для повышения собственной квалификации и образования. Индивиды, находящиеся на нижней ступени иерархической лестницы, имеют худшее состояние здоровья и более низкий уровень продолжительности жизни, чем представители более высокого социального статуса [28, с. 314]. Изменения на уровне общества проявляются в отрицательном общественном резонансе, деградации, сокращении рождаемости, возникновении такого феномена, как воспроизводство нищеты. Конечным этапом этих деструктивных процессов становятся негативные изменения на уровне государства, способствующие формированию политически и экономически неактивного населения, снижению квалификационного уровня рабочей силы, качества производимой продукции, уменьшению масштабов образованности и качества образования.

Материалы и методы

Информационной базой исследования являются официальные статистические данные по уровню жизни населения регионов и РФ, а также информация федерального статистического наблюдения по условиям жизни населения⁴. В целях анализа КТЖ работающего населения использованы результаты социологического опроса «Качество трудового потенциала Вологодской области», проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2018 году. Объем выборки составил 1500 человек. Опрос осуществлялся в городах Вологде и Череповце, в городских и сельских территориях Бабаевского, Великоустюгского,

Вожегодского, Грязовецкого, Кирилловского, Никольского, Тарногского, Шекснинского районов. Использован метод выборки на основе районирования с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Выборка квотная (по полу и возрасту). Для сбора эмпирических данных применялось индивидуальное раздаточное анкетирование. Ошибка выборки не превышала 3%. Обработка данных проведена с помощью SPSS Statistics и MS Excel.

Методологической особенностью анализа в данном исследовании является принудительное исключение анкет неработающих респондентов посредством использования ответа «Не работаю» на вопрос: «Охарактеризуйте свою трудовую занятость». Таким образом, численность работающих респондентов составила 1162 человека.

Закономерности между явлениями изучались с применением корреляционно-регрессионного анализа, цель которого – определить зависимость переменных от влияющих факторов. В целях стратификационного анализа работающего населения Вологодской области в контексте КТЖ использованы компонентный и кластерный анализы, направленные на выявление типологических групп. Сочетание указанных методов анализа на основе эмпирического подхода позволило сформировать агрегированные показатели и, определив самые значимые и результативные из них, отобрать наиболее информативные, образующие основные типы факторов.

Результаты и обсуждение

Одним из основных индикаторов эффективности региональной социальной политики является доля населения с доходами ниже прожиточного минимума (ПМ). Согласно данным официальной статистики (рис. 1), значительное число граждан Вологодской области имеет низкий уровень доходов по сравнению с величиной ПМ. Доля лиц с доходами ниже установленной границы ПМ в

⁴ Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам. Итоги комплексного наблюдения условий жизни населения в 2018 году / Росстат. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html

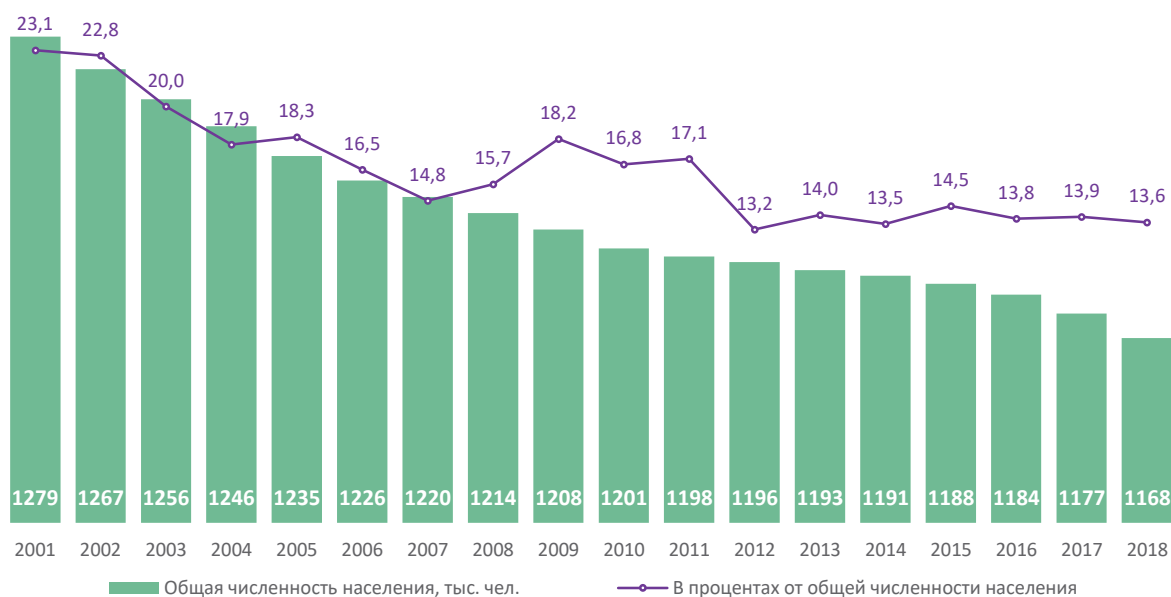


Рис. 1. Динамика численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в Вологодской области за период 2001–2018 гг.

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: стат. сб. / Росстат. М., 2012. 990 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. 1204 с.

Вологодской области в 2018 году составляла около 160 тыс. чел. (или 13,6% к общей численности жителей региона). Постепенное снижение с начала 2000-х гг. удельного веса низкодоходной группы среди численности населения сменилось ростом показателя в кризисные 2008–2009 гг. Данный индикатор с 2007 по 2009 год увеличился на 3,4% (или 39,3 тыс. чел.).

Несмотря на относительно устойчивый тренд численности населения с доходами ниже ПМ с 2012 года, констатировать стабильную позитивную динамику в уровне жизни граждан не представляется возможным, т. к. оценка численности населения с низкими доходами выглядит сомнительной на фоне практически неизменной величины ПМ за последние пять лет (табл. 1). По состоянию на первый квартал величина ПМ с 2015 по 2019 год увеличилась примерно на 800 руб., на четвертый квартал – немного больше (на 1000 руб.).

Основным источником доходов работающего населения выступает заработная плата по основному месту работы [29, с. 7], в связи с чем ресурсные возможности семей

ограничены и зачастую имеют дефицитный характер. Более того, ежегодный прирост начисленной заработной платы нивелируется ростом индекса потребительских цен. В послекризисный период 2008–2009 гг. уровень начисленной номинальной заработной платы в регионе ежегодно увеличивался на 7–12% за исключением 2015 года, когда был отмечен минимальный прирост данного показателя (2,6%). Однако с учетом инфляции данная тенденция имела еще более скромный характер. При этом ежегодный прирост реальной заработной платы зачастую был отрицательным. Максимальное падение заработной платы с учетом ИПЦ отмечено в 2009 и 2015 гг. (93 и 89% к предыдущему периоду соответственно).

Низкий уровень доходов, а именно заработной платы, является фактором самовоспроизводства бедности, приводит к ограничению воспроизводства трудовых ресурсов и представляет собой мощный антистимул трудовой мотивации и роста покупательной способности населения. «Феноменом российской действительности» называет Н.Н. Горюнова [26, с. 63] сложившуюся ситу-

Таблица 1. Динамика прожиточного минимума, установленного в Вологодской области, за 2015–2019 гг., руб.

Период	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год
I квартал	10149	10241	10356	10507	10978
II квартал	10312	10506	11015	10995	11391
III квартал	9902	10269	10718	10980	11091
IV квартал	9678	9980	10234	10698	10691

Составлено по: Сведения о величине прожиточного минимума и потребительской корзине в Вологодской области.
URL: <https://vologdastat.gks.ru/storage/mediabank/основная.htm>

Таблица 2. Удовлетворенность заработком, 2018 год, % от лиц в возрасте 15 лет и старше, занятых в экономике

Регион*	Вполне удовлетворены	Не вполне удовлетворены	Совсем не удовлетворены	Затруднились ответить	Ранг
г. Севастополь	60,7	37,3	2,0	0,0	1
Чеченская Республика	58,9	39,0	2,1	0,0	2
Республика Калмыкия	56,8	39,3	3,9	0,0	3
Калининградская область	56,0	36,2	7,8	0,0	4
г. Санкт-Петербург	54,8	39,7	5,5	0,0	5
...
Вологодская область	24,8	58,1	17,0	0,0	78
Республика Марий Эл	23,7	64,0	12,4	0,0	79
Республика Северная Осетия – Алания	23,3	57,1	19,6	0,0	80
Ивановская область	22,9	58,1	19,1	0,0	81
Республика Адыгея	19,5	63,6	17,0	0,0	82
Справочно: Российская Федерация	38,9	49,6	11,3	0,1	–

* Приведены данные по 5 регионам с наилучшими и наихудшими значениями показателя. Ранжировано по варианту «вполне удовлетворены».
Источник: Басова Е.А., Белехова Г.В. Качество трудовой жизни в оценках мужчин и женщин (по материалам социологического опроса Вологодской области) // Вопросы территориального развития. 2020. Т. 8. № 2. DOI: 10.15838/ttdi.2020.2.52.4. URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28524> (дата обращения 29.04.2020).

ацию с низким материальным положением трудящихся, «в мировой практике эффективная система распределения доходов исключает абсолютную бедность человека труда».

По причине неоднозначности официальных статистических данных характеристика достаточности уровня оплаты труда без мнения работающего населения не только не создает полную картину исследуемого явления, но и может дезориентировать. В связи с этим особенно важно использовать

субъективистский подход при изучении показателей удовлетворенности работающего населения различными аспектами трудовой деятельности. Судя по результатам федерального статистического наблюдения в 2018 году, субъективные оценки работающего населения Вологодской области подтверждают тезис о достаточно высоком уровне региональной бедности (табл. 2).

Показательным является тот факт, что Вологодская область по удовлетворенности заработком в рейтинге среди регионов РФ на-

ходится на 78 месте. Крайне малый процент опрошенных (24,8%) высказали удовлетворенность оплатой труда и около 75% работающего населения области выражают недовольство существующим уровнем заработка.

Низкий уровень удовлетворенности работающего населения региона отмечен и по ряду других направлений трудовой деятельности (табл. 3), где Вологодская область занимает худшие позиции. По удовлетворенности режимом работы и расстоянием до работы область находится практически на последних строчках в представленных рейтингах. Несколько лучше ситуация обстоит с показателем «моральное удовлетворение» (6-е и 47-е места в рейтинге среди субъектов СЗФО и РФ соответственно).

Основываясь на данных социологического опроса, представим результаты компонентного анализа по выявлению ключевых факторов формирования КТЖ и разработанную на этой основе типологию работающего населения Вологодской области, а также проведем анализ характеристик социокультурного портрета наиболее бедствующей когорты лиц в контексте КТЖ.

Дизайн опроса населения, проведенного ФГБУН ВолНИЦ РАН в 2018 году и посвященного изучению трудового потенциала, включает в себя достаточно широкий набор переменных по 40 вопросам [30, с. 33–35]. Значительный блок занимают вопросы об

удовлетворенности различными сторонами трудовой жизни. Критерии по данному спектру вопросов представлены в виде пятиуровневой шкалы (от ответов «Вполне удовлетворены» до «Совсем не удовлетворены», а также «Затрудняюсь ответить»).

Как свидетельствуют результаты корреляционно-регрессионного анализа, ожидаемо сильной оказалась взаимосвязь между такими показателями, как удовлетворенность размером оплаты труда и справедливость начисления заработной платы ($r = 0,732$); удовлетворенность санитарно-гигиеническими условиями труда и техническая оснащенность рабочего места ($r = 0,812$). Самой высокой стала корреляционная связь между призванием и способностями в имеющейся профессии ($r = 0,832$), а также между карьерным ростом и отношениями с руководством ($r = 0,825$).

Первоначально при проведении компонентного анализа, заключающегося в укрупнении и снижении таким образом числа влияющих факторов, в расчеты были включены все переменные, характеризующие КТЖ работающего населения. В результате использования эмпирического подхода количество переменных уменьшено и выделено три фактора, имеющих значение больше единицы и объяснительную способность на уровне 69,9%. Первый фактор объясняет 49,8% суммарной дисперсии, второй фак-

Таблица 3. Рейтинг Вологодской области по различным аспектам удовлетворенности работой в 2018 году*, % от числа лиц в возрасте от 15 лет и старше, занятых в экономике

Показатель	Рейтинг среди регионов СЗФО	Рейтинг среди регионов РФ
Удовлетворенность зарплатой	11	78
Удовлетворенность надежностью работы	10	62
Удовлетворенность выполняемыми обязанностями	10	64
Удовлетворенность режимом работы	11	78
Удовлетворенность условиями работы	11	69
Удовлетворенность расстоянием до работы	11	75
Профессиональная удовлетворенность	8	60
Моральное удовлетворение от работы	6	47

*Ранжировано по варианту «вполне удовлетворены».

Составлено по: Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам. Итоги комплексного наблюдения условий жизни населения в 2018 году / Росстат. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html

тор – 11,7% и третий – 8,4%. Первый фактор представлен переменными, отражающими материально-карьерные устремления индивидов. Максимальный вес в его формировании имеет «удовлетворенность оплатой труда», имеющая значение факторной нагрузки на уровне 0,855. Менее весомыми оказались индикаторы «удовлетворенность возможностями карьерного роста» и «удовлетворенность возможностью участия в принятии управленческих решений» (факторная нагрузка 0,643 и 0,696 соответственно). Наличие положительных коэффициентов корреляции используемых переменных позволяет определить в качестве метки для данного фактора «оплата труда». По мере возрастания величины фактора индивид более удовлетворен своей трудовой деятельностью. Во второй факторной переменной максимальное значение нагрузки имеют показатели, характеризующие удовлетворенность технической оснащенностью рабочего места и психологической обстановкой в коллективе (0,808 и 0,761 соответственно), а также индикатор «удовлетворенность содержанием работы» (0,756). Меткой для данного фактора выбрана «внутренняя среда». Большое положительное значение фактора свидетельствует о значимости внутреннего наполнения трудовых обязанностей и характеристик рабочего коллектива для индивида. Третий фактор объединил переменные, характеризующие способности (склонности) и призвание к имеющейся профессии (величина факторной нагрузки составляет 0,937 и 0,935 соответственно). Данный фактор условно обозначен как «призвание». Большое положительное значение фактора позволяет сделать вывод о том, что индивид высоко оценивает возможность реализации внутреннего призвания и имеющихся способностей в выбранной профессии.

Используя полученные факторы как основу для проведения кластерного анализа, мы выявили типологию работающего населения Вологодской области в контексте КТЖ. Кластерный анализ заключается в разбиении совокупности переменных на группы по определенным признакам (факторам).

В целях иерархического объединения в кластер выбраны метод Уорда и внутригрупповая сумма квадратов расстояний – в качестве целевой функции. Кластерный анализ позволил разделить респондентов на три группы (табл. 4). Самым малочисленным кластером является третий, объединивший около 25% респондентов. У его представителей отмечен максимальный уровень среднемесячной заработной платы (27899 рублей). Эта группа, условно названная как «Высокообеспеченные», представлена в большей мере респондентами с высшим и средним образованием. Подавляющую часть кластера составляют лица, зарегистрированные в браке (72% от числа опрошенных) с двумя детьми (35%). Группа с промежуточным положением по размеру заработка (21626 руб. в месяц), насчитывающая в своем составе около 43% респондентов, условно названа как «Среднеобеспеченные». Около 32% опрошенных вошли в состав третьего кластера с минимальным уровнем среднемесячной заработной платы (17878 руб.). Наименьший уровень заработка, а также ряд других обстоятельств⁵, характеризующих бедственное положение представителей данной группы в рамках КТЖ, позволили условно назвать ее «Бедные».

Социокультурный портрет «Бедных» резко и в негативную сторону отличается от характеристик двух других выделенных страт. Во-первых, уровень заработка в данной группе составляет наименьшую величину из трех выделенных. Во-вторых, данный кластер объединил респондентов с невысоким уровнем образования. Около 15% респондентов имеют высшее образование против 28 и 38% во второй и третьей группах соответственно. Данное обстоятельство подтверждает общеизвестный факт, заключающийся в том, что образовательная подготовка – важнейший фактор трудоустройства и величины заработной платы [31, с. 11]. В-третьих, и это, скорее всего, связано с ограниченными финансовыми возможностями, представители группы «Бедные» имеют чаще только одного ребенка (33% от числа

⁵ Далее по тексту.

Таблица 4. Характеристика групп (кластеров) работающего населения Вологодской области

Переменная*	1 кластер Бедные	2 кластер Среднеобеспеченные	3 кластер Высокообеспеченные
Численность кластера, %	32	43	25
Пол			
Мужской	60	49	56
Женский	40	51	44
Средний возраст, лет	39	39	40
Место проживания			
Город	82	79	81
Сельская местность	18	21	19
Среднемесячная заработная плата индивида, руб.			
Среднее значение	17878	21626	27899
Среднемесячный душевой доход, руб. на 1 члена семьи			
Среднее значение	13162	16080	20058
Образование			
Неполное среднее	11	7	3
Средняя школа, в т. ч. ПТУ со средним образованием	36	28	15
Среднее специальное образование (техникум и др.)	36	34	40
Незаконченное высшее (не менее 3 курсов вуза)	2	3	3
Высшее	15	28	38
Семейное положение			
Состоят в зарегистрированном браке	56	62	72
Совместное проживание без регистрации брака	10	9	7
Не состоят в зарегистрированном браке	34	28	21
Количество детей			
Нет детей	25	22	23
1 ребенок	33	32	29
2 детей	31	38	35
3 детей	9	8	10
Свыше трех детей	2	1	3
* Переменные рассчитаны в % от числа трудоспособного работающего населения Вологодской области за исключением показателей «средний возраст» и «среднемесячная заработная плата». Источник: Социологический опрос ТП-2018 / ВолНЦ РАН, 2018.			

опрошенных в кластере). В-четвертых, если в группе «Высокообеспеченные» каждый третий респондент трудится в финансовой сфере, в отраслях обрабатывающего производства, производства и распределения электроэнергии, газа и воды, а также транспорта и связи, то большая часть (78%) представителей «Бедных» занята в низкодоход-

ных сферах экономики (сельское хозяйство, предоставление коммунальных и социальных услуг, образование, здравоохранение и прочие).

Дальнейшее исследование данных социологического опроса выявило глубоко негативные оценки представителей группы «Бедные» относительно КТЖ, рассчитан-

Таблица 5. Сводный и частные индексы удовлетворенности КТЖ работающего населения Вологодской области по трем группам

	Частные индексы удовлетворенности КТЖ								Сводный индекс КТЖ
	оплата труда	условия и организация труда	использование человеческого потенциала	карьерный рост	устойчивость занятости	психологический климат	жизненное пространство	социальная значимость	
Работающее население, всего	0,143	0,227	0,307	0,166	1,196	0,548	0,340	0,369	0,327
Бедные	-0,743	-0,499	-0,482	-0,483	0,767	-0,220	-0,332	-0,201	-0,346
Среднеобеспеченные	0,085	0,309	0,402	0,123	1,392	0,881	0,321	0,332	0,317
Высокообеспеченные	1,091	0,887	1,011	0,851	1,413	0,963	1,039	0,997	1,019

Источник: Социологический опрос ТП-2018 / ВолНЦ РАН, 2018.

ного по индексной системе показателей⁶. Результаты детального анализа говорят о том, что по всем индексам удовлетворенности трудовой жизнью представители «Бедных» демонстрируют самые низкие оценки (табл. 5).

Закономерной проблемой представителей данной когорты является недовольство оплатой труда, представляющей собой, как показал факторный анализ, один из базовых индикаторов в системе оценки КТЖ работающего населения. Индекс удовлетворенности оплатой труда в группе «Бедные» имеет ярко выраженные отрицательные характеристики (рис. 2). Для представителей группы «работа – это, прежде всего, способ прокормить семью». С этим утверждением согласны 97% опрошенных. Интересно, что при ответе на вопрос «К какой категории вы себя относите?» около 49% опрошенных причислили себя к бедным, 15% – к нищим, 33% – к людям среднего достатка и около 3% – к богатым. Соответственно, значительное число респондентов группы (около 36%) не счи-

тают свое положение бедственным. Данное обстоятельство связано с тем, что индивид сравнивает собственное материальное положение с уровнем жизни своего круга общения. По сравнению с материальным достатком знакомых, коллег собственный уровень обеспеченности выглядит, как правило, несколько лучше.

Небольшие значения частных индексов удовлетворенности у наименее обеспеченной группы в совокупности сформировали крайне низкий уровень сводного индекса КТЖ по сравнению с другими кластерами, что еще больше оправдывает условное название представителей группы («Бедные»). Если общий индекс удовлетворенности КТЖ для представителей группы «Высокообеспеченные» составляет 1,019, для группы «Среднеобеспеченные» находится на уровне 0,317, то «Бедные» показали ярко выраженную неудовлетворенность своей трудовой деятельностью в целом, в связи с чем сводный индекс имеет отрицательное значение (-0,346).

⁶ Индексная система оценки КТЖ, разработанная научным сотрудником ФГБУН ВолНЦ РАН Г.В. Белеховой, включает в себя частные индексы по восьми аспектам КТЖ и сводный (итоговый) индекс КТЖ (см. табл. 5, 6). Удовлетворенность респондента различными аспектами трудовой жизни оценивается нечетным числом ответов (пятью). Нейтральному (среднему) ответу, представленному характеристикой «Не могу сказать, удовлетворен или нет», присваивается нулевое значение. Наибольшая удовлетворенность, представленная ответом «Удовлетворен», оценивается как +2 балла и наименьшая («Не удовлетворен») на уровне -2 балла. Промежуточные значения +1 и -1 балл присвоены ответам «Скорее удовлетворен» и «Скорее не удовлетворен» соответственно. Расчет частных индексов производится на основе среднеарифметической величины, сводного индекса – как среднеарифметической индивидуальных индексов.

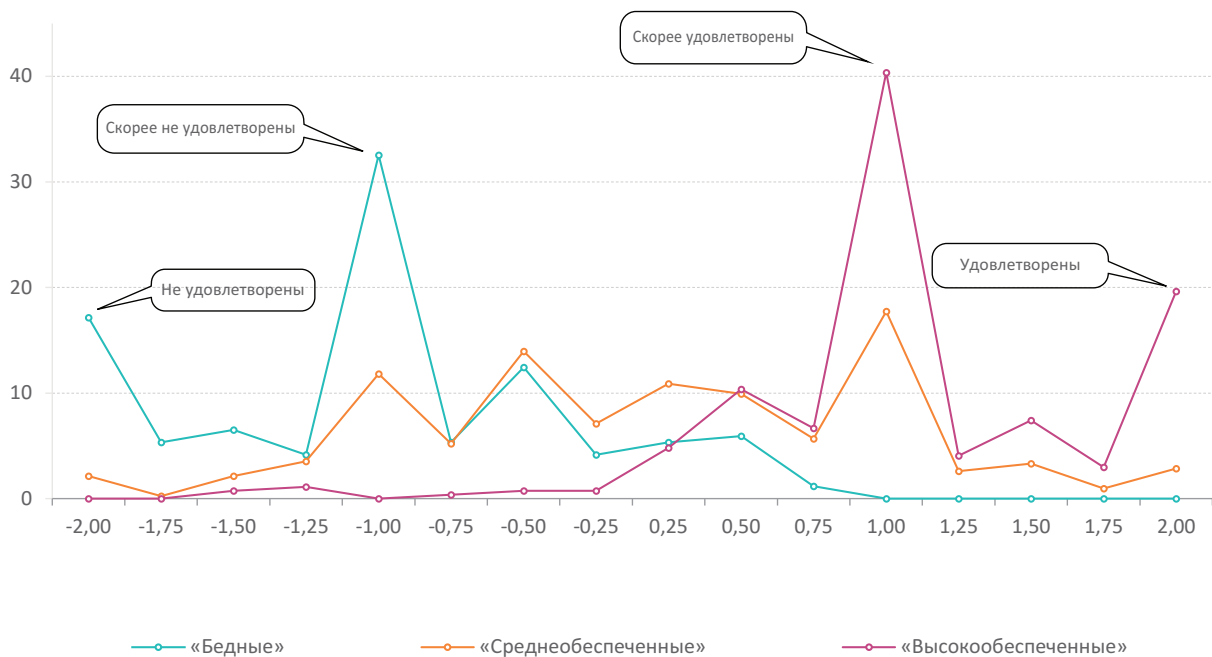


Рис. 2. Индекс удовлетворенности оплатой труда в оценках кластерных групп*, % к числу ответивших

* Представлены результаты без ответа «Не могу сказать, удовлетворен или нет».
Источник: Социологический опрос ТП-2018 / ВолНЦ РАН, 2018.

В тройке антилидеров в разрезе индивидуальных индикаторов отмечены такие аспекты КТЖ, как система стимулирования, размер оплаты труда и полнота социального пакета (табл. 6). По данным направлениям зафиксировано наибольшее число неудовлетворительных оценок опрошенных из группы «Бедные». Проблема низкой оплаты труда не является единственно значимой в контексте КТЖ для «работающих бедных». Преобладание в этой группе оценок удовлетворенности в минусовом секторе происходит по всем направлениям трудовой деятельности за исключением частного индекса «устойчивость занятости»⁷, который оценивает такую характеристику трудовой деятельности, как надежность работы. Отметим, что высокое значение указанного индекса характерно для представителей всех выделенных страт и объясняется отсутствием потенциальной угрозы потерять рабочее место. Помимо недовольства

заработной платой представители наименее обеспеченной группы проявили крайне низкую удовлетворенность и в отношении условий и организации труда. Расчетный индекс по данному направлению составил не более $-0,499$.

Наибольшую удовлетворенность представители группы «Бедные» проявляют в отношении социальной значимости труда (индекс составил минимальное значение $-0,201$) и психологического климата в коллективе ($-0,220$).

Показателен факт, что респонденты в группе «Бедные» проявляют меньшую заинтересованность не только в профессиональной самореализации (41,6% отметили важность данного мотива против 83,7% в группе наиболее обеспеченных работников), но и в желании добиться успеха и признания в работе (45,7% против 80,9 соответственно). Меньше половины «работающих бедных» заинтересованы в результа-

⁷ «Устойчивость занятости» измеряется вопросом «Случались ли с Вами за последние 12 месяцев следующие события – Ваша работа стала менее надежной, возникла угроза потерять рабочее место?». При ответе «Да» присваивалось -2 балла, при ответе «Нет» присваивалось $+2$ балла, при ответе «Затрудняюсь ответить» присваивалось 0 баллов.

Таблица 6. Индексы удовлетворенности КТЖ в оценках представителей группы «Бедные»

Частный индекс		Индивидуальные индикаторы	
Индекс оплаты труда	-0,743	1. Справедливость начисления зарплаты	-0,536
		2. Размер оплаты труда	-0,842
		3. Полнота социального пакета	-0,712
		4. Система стимулирования	-0,882
Индекс условий и организации труда	-0,499	1. Санитарно-гигиеническая обстановка и безопасность труда	-0,539
		2. Техническая оснащенность	-0,534
		3. Возможность участия в управленческих решениях	-0,439
		4. Работа профсоюза	-0,485
Индекс использования и развития человеческого потенциала	-0,482	1. Возможности повышения квалификации	-0,555
		2. Содержание своей работы	-0,429
		3. Творческий характер труда	-0,461
Индекс возможностей для карьерного роста	-0,483	1. Возможности карьерного роста	-0,483
Индекс устойчивости занятости	0,767	1. Надежность работы	0,767
Индекс психологического климата в коллективе	-0,220	1. Психологическая обстановка в коллективе	-0,229
		2. Отношения с руководством	-0,211
Индекс взаимодействия с общим жизненным пространством	-0,332	1. Возможность сочетать трудовые и семейные обязанности	-0,322
Индекс социальной значимости труда	-0,201	1. Возможность принести своим трудом пользу обществу	-0,201
Источник: Социологический опрос ТП-2018 / ВолНЦ РАН, 2018. Методика расчета показателей по: Белехова Г.В. Субъективистский подход к оценке качества трудовой жизни трудоспособного населения региона // Научные исследования и разработки. Экономика. 2019. Т. 7. № 6 (42). С. 9–19. DOI: 10.12737/2587-9111-2019-9-19			

тах своего труда (47,4% опрошенных), в то время как респонденты с более высоким заработком, напротив, демонстрируют очень высокий уровень интереса к работе и заинтересованности в результатах деятельности (80,6%). Среди представителей кластера «Высокообеспеченные» значительна доля респондентов, имеющих более выраженную внутреннюю заинтересованность в творческом подходе и возможностях профессионального роста (78,8 и 82% ответивших соответственно).

Очевидным является то, что удовлетворенность качеством трудовой жизни не может не оказывать влияние на показатель удовлетворенности жизнью в целом. Из представителей «работающих бедных» только 13% опрошенных удовлетворены своей жизнью, более половины (64%) затруднились дать ответ.

Заключение

В результате проведенного исследования удалось выяснить, какие факторы влияют на качество трудовой деятельности и в плоскости управленческих решений субъектов какого уровня экономической системы находится механизм повышения удовлетворенности трудом наиболее неблагополучной группы работающего населения региона. Среди значимых результатов следует выделить следующие.

1. Отсутствие на региональном уровне системного подхода в повышении качества трудовой деятельности населения, в т. ч. опосредованное включение компонентов КТЖ в программы и стратегии Вологодской области на средне- и долгосрочную перспективу, негативно сказывается на процессе реформирования социально-трудовых отношений в контексте качества трудовой деятельности.

2. В формировании оценок удовлетворенностью КТЖ основное значение имеют три фактора, условно названные «оплата труда», «внутренняя среда» (санитарно-техническая оснащенность рабочего места, содержание работы и психологический климат в организации) и «призвание» к выбранному виду профессиональной деятельности.

3. Типология работающего населения Вологодской области с использованием основных факторов формирования КТЖ включает три группы опрошенных, условно названные как «Бедные», «Среднеобеспеченные», «Высокообеспеченные».

4. Ожидаемым оказался социокультурный портрет представителей группы, находящейся на низшей ступени иерархии по степени удовлетворенности КТЖ, включающий такие характеристики, как минимальная величина заработка по сравнению с другими группами, низкий уровень образования и высокая занятость в низкодоходных сферах и отраслях экономики.

5. «Работающие бедные» демонстрируют минимальный уровень удовлетворенности абсолютно по всем аспектам КТЖ за исключением индикатора «устойчивость занятости». Основная проблема «бедных» заключается в недостаточной системе стимулирования труда и низком уровне заработной платы – системообразующего фактора при оценке КТЖ.

6. Наиболее проблемным аспектом в качестве трудовой деятельности для представителей группы «Бедные», помимо оплаты труда, является удовлетворенность условиями и организацией труда.

7. Уровень заработной платы для «работающих бедных» становится определяющим фактором в системе мотивационной деятельности к труду. Они в меньшей степени ориентированы на реализацию профессиональных интересов, повышение квалификации и достижение результатов своего труда, но чаще – на возможность получения премии и обеспечение достойных условий труда.

8. Представители группы «Бедные» являются потенциальными мигрантами, выска-

зывая по сравнению с респондентами других групп большую предрасположенность к смене места жительства (за пределы региона) в поисках более высокооплачиваемого рабочего места.

Особо следует подчеркнуть, что основной проблемной зоной в контексте КТЖ для «работающих бедных» выступает неудовлетворенность заработком. Несомненным является тот факт, что низкий уровень оплаты труда не только не обеспечивает достойный уровень жизни, но и ограничивает эффективное использование трудового потенциала, приводя, в конечном итоге, к снижению КТЖ работающего населения. Как показали расчеты, заработную плату можно назвать системообразующим фактором удовлетворенности трудовой деятельностью. Обеспечение достойного и достаточного по величине не только для поддержания текущего уровня жизни, но и для обеспечения процессов воспроизводства уровня заработной платы – основа для повышения качества жизни населения и, в конечном итоге, потребительского спроса. Повышение заработка и поддержка работающего населения – есть ключевая конструкция, но одновременно и краеугольный камень системы реализации региональной социально-трудовой политики. С одной стороны, в связи с преобладанием занятости «работающих бедных» в низкодоходных сферах экономики решение проблемы низкой материальной обеспеченности становится прерогативой государственных органов и лежит в плоскости социальной политики. С другой стороны, мероприятия в рамках последней являются, скорее, борьбой со следствием (например, в части социальной защиты) и направлены на снижение локальной бедности, но не ориентированы на кардинальную трансформацию существующих тенденций в сфере трудовой деятельности. В связи с этим заработная плата работающего населения выступает одновременно и как ключевой фактор качества трудовой деятельности, и как главное препятствие для его повышения.

Мероприятия по повышению КТЖ населения региона сводятся к двум ключевым

направлениям: либо повышению оплаты труда как основного фактора трудовой деятельности, способствующего росту КТЖ в целом, либо повышению качества труда по другим направлениям, способного сгладить/нейтрализовать низкие оценки удовлетворенности в оплате труда. В рамках первого направления важно реализовывать комплексный подход, ориентированный на качественный и ритмичный рост экономики, что, в конечном итоге, позволит повысить уровень оплаты труда и, как следствие, обеспечить рост качества трудовой деятельности и эффективного использования трудового потенциала.

Решение основной проблемы «работающих бедных» по повышению оплаты труда только в рамках региональной социальной политики представляется малорезультативным. Реализация второго направления может являться предметом деятельности социально-трудовой политики на уровне региона. Здесь особенно важной представляется реализация следующих мер. Во-первых, рост КТЖ невозможен без изменения региональных нормативно-правовых актов. Формирование системы нормативно-правового регулирования является базой для развития и оценки качества трудовой деятельности в правовом поле. В связи с этим особенно актуальным становится разработка четкого определения и содержательной конструкции КТЖ, основных компонентов и методов их оценки. Во-вторых, необходимо создать региональные программы по повышению КТЖ населения с установлением

стандартов и границ минимальных значений с последующим мониторингом ситуации и выявлением проблемных зон с целью разработки практических мер, способствующих росту жизненных стандартов работающего населения. Подобные программы целесообразно увязывать с уровнем образовательной подготовки и квалификацией трудоспособного населения и жизненным циклом их семей. В-третьих, нужно обеспечить равный доступ работоспособного населения к продуктивной занятости в соответствии с квалификационным и образовательным уровнем и вкладом в валовый продукт региона и страны.

Очевидно, что мероприятия на локальном уровне (внедрение новых форм занятости, включая цифровые места, гибкие графики работы и т. д.) также способны увеличить рост КТЖ и повысить удовлетворенность работающего населения различными аспектами труда.

В перспективе с помощью данных проведенного исследования возможно разработать комплексную методику оценки КТЖ населения региона (наряду с официальными материалами статистики) и практические меры по повышению жизненных стандартов работающего населения. Полученные результаты могут быть полезны лицам, принимающим решения (органам государственного и регионального управления, руководителям предприятий и организаций разного уровня и т. д.), в целях эффективного использования трудового потенциала граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. 355 с.
2. Сафина Л.М. Государственное регулирование развития качества трудовой жизни // Современные исследования социальных проблем. 2014. № 9 (41). С. 217–226. DOI: 10.12731/2218-7405-2014-9-19
3. Григорьева И.А. Социальная политика: основные понятия // Журн. исследований социальной политики. 2003. № 1 (1). С. 29–44.
4. Fakhrutdinova E., Safina L., Shigapova D., Yagudin R. Legislative provision of the quality of working life in Russia. *World Applied Sciences Journal*, 2013, vol. 27, no. 13, pp. 92–96. DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.27.emf.19

5. Перфильева М.Б. Предпосылки управления качеством трудовой жизни // Журн. социологии и социальной антропологии. 2010. № 2. С. 116–125.
6. Роик В.Д. Основы социального страхования. М.: Анкил, 2005. 256 с.
7. Вертакова Ю.В., Лаврикова Н.И. Содержание и ключевые особенности региональной политики в социальной сфере // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2016. № 2 (28). С. 15–22.
8. Власова О.В. Основы формирования социально-экономической политики развития здравоохранения региона // Изв. Юго-Запад. гос. ун-та. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент. 2013. № 2. С. 157–163.
9. Садыханов Ш.М. Вопросы государственной региональной политики в области образования // Вестн. экспертн. совета. 2017. № 3 (10). С. 112–117.
10. Михайлов Ф.Б., Сафина Л.М. Оценка качества трудовой жизни региона (на примере Республики Татарстан) // Уч. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. № 154 (6). С. 19–25.
11. Easton S., Laar D. QoWL (Quality of Working Life) – What, How, and Why? *Psychology Research*, 2013, vol. 3, no. 10, pp. 596–605.
12. Vorina A., Simonič M., Vlasova M. An analysis of the relationship between job satisfaction and employee engagement. *Economic themes*, 2017, no. 55 (2), pp. 243–262.
13. Srivastava S., Kanpur R. A study on quality of work life: key elements & it's implications. *Journal of Business and Management*, 2014, vol. 16, iss. 3, ver. I, pp. 54–59. DOI: 10.9790/487X-1631545
14. Андреева Е.Л., Полкова Т.В. Оценка качества трудовой жизни населения регионов России // Экономика региона. 2013. № 3 (35). С. 91–101. DOI: 10.17059/2013-3-7
15. Потуданская В.Ф., Цыганкова И.В., Кипервар Е.А. Повышение качества трудовой жизни как направления развития Омской области // Омск. науч. вестн. 2011. № 5 (101). С. 62–66.
16. Цыганкова И.В. Современные взгляды на проблему качества трудовой жизни // Вестн. ЧГУ. 2008. № 19. С. 134–141.
17. Жулина Е.Г. Формирование и развитие качества трудовой жизни: теория, методология исследования, социально-экономическое управление: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Саратов, 2011. 49 с.
18. Gayathiri R., Ramakrishnan L. *Quality of Work Life – Linkage with Job Satisfaction and Performance*. Available at: [https://ijbmi.org/papers/vol\(2\)1/version_2/a210108.pdf](https://ijbmi.org/papers/vol(2)1/version_2/a210108.pdf) (accessed 10.04.2020).
19. Zare H., Haghgooyan Z., Asl Z. Identification the components of quality of work life and measuring them in faculty members of Tehran University. *Iranian Journal of Management Studies*, 2014, vol. 7, no. 1, pp. 41–66.
20. Белехова Г.В. Субъективистский подход к оценке качества трудовой жизни трудоспособного населения региона // Науч. иссл. и разработки. Экономика. 2019. Т. 7. № 6 (42). С. 9–19. DOI: 10.12737/2587-9111-2019-9-19
21. Гафарова Е.А., Каримов А.Г. Бедность в российском регионе: факторы и риски для работающего населения // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 3 (426). С. 169–179.
22. Waghmare S., Dhole V. Quality of work of work life and influencing factors. *International journal of advanced research*, 2017, no. 5 (5), pp. 1328–1332. DOI: 10.21474/IJAR01/4252
23. Islam Z., Siengthai S. *Quality of work life and organizational performance: empirical evidence from Dhaka Export Processing Zone*. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/254415281> (accessed 16.04.2020).
24. Фахрутдинова Е.В., Хуснутдинова Л.М. Бедность населения России: тенденции развития // Экон. науки. 2012. № 12 (97). С. 63–66.
25. Овчарова Л.Н. Бедность и экономический рост в России // Журнал исследований социальной политики. 2008. № 4. С. 439–456.
26. Горюнова Н.Н. Профиль российской бедности: факторы и риски для работающего населения // Изв. Томск. политехн. ун-та. Инжиниринг георесурсов. 2008. С. 61–65.
27. Подузов Л.А. Измерение бедности (зарубежный опыт) // Проблемы прогнозирования. 1996. № 4. С. 100–108.

28. Coats D. Quality of Work and a New Politics of the Quality of Life. *Per Capita Australia Limited. The Work Foundation*, 2008, no. 6.
29. Басова Е.А., Белехова Г.В. Качество трудовой жизни в оценках мужчин и женщин (по материалам социологического опроса Вологодской области) // Вопросы территориального развития. 2020. Т. 8. № 2. DOI: 10.15838/tdi.2020.2.52.4. URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28524> (дата обращения 29.04.2020).
30. Белехова Г.В. Мнение трудоспособного населения о качестве трудовой жизни (на примере Вологодской области) // Дискурс. 2019. № 10 (36). С. 29–44.
31. Лебедева Л.Ф., Емельянов Е.В. Государство и формирование трудового потенциала в XXI веке (опыт США) // Труд за рубежом. 2008. № 3. С. 1–16.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Галина Валентиновна Леонидова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: galinaleonidova@mail.ru

Елена Александровна Басова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: elbas@yandex.ru

Leonidova G.V., Basova E.A.

THE REGION'S SOCIAL POLICY AND THE "WORKING POOR'S" PROBLEMS IN THE CONTEXT OF THE WORKING LIFE QUALITY

In order to increase the territories' development sustainability, the issues of state regulation of the social and labor sphere are of particular relevance. A limited cross-section of research on regional social policy in the context of the working life quality (WLO) has confirmed the research interest in this issue. The purpose of the research is to analyze the subjective assessments of the working population regarding their working life quality and to assess the gaps in the region's social policy in relation to the state and quality of jobs. The article presents the results of the WLQ study of the Vologda Oblast population using multidimensional methods of statistical analysis. The information source were the results of a survey conducted by the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences in 2018. The use of component analysis allowed to identify the key factors of the WLQ formation, conditionally called "remuneration", "internal environment" and "vocation". The implementation of a multidimensional hierarchical approach using criteria characterizing WLQ allowed to conduct a typology of the Vologda Oblast's working population. The socio-cultural portrait of the most distressed group in the context of the working life quality is revealed. The authors made calculation of the summary (general) and private (individual) WLQ indicators in the context of three social groups based on the index system of assessment. The conclusion about the negative impact of low earnings on the degree of satisfaction with various aspects of the WLQ is made. Based on a detailed analysis of the Vologda Oblast's medium- and long-term regional development programs, the authors made a conclusion about the indirect inclusion of the WLQ components into them. The researchers state that it is necessary to implement a policy of high-quality economic growth in order to increase wages as a basic indicator of the WLQ. Practical recommendations for improving the living standards of the working population within the framework of the regional

social policy are substantiated. It is shown that in the future, using the data of the study, it is possible to develop a comprehensive methodology for assessing the WLQ of the region's population (along with official statistics) and practical measures to improve the living standards of the working population.

Regional social policy, working life quality, wages, working poor, component analysis, cluster analysis.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina V. Leonidova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Head of Laboratory, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: galinaleonidova@mail.ru

Elena A. Basova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: elbas@yandex.ru

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.2

УДК 338.45 | ББК 65.305.4

© Сидоров М.А.

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ НА ОСНОВЕ СТИМУЛИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ¹



МАКСИМ АНДРЕЕВИЧ СИДОРОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: ma.sidorov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5683-8182; ResearcherID: N-3104-2018

В статье рассматривается возможность преодоления негативных последствий экономического дисбаланса российских территорий с помощью стимулирования электронной индустрии. Электроника – стратегическая отрасль машиностроения, связанная с разработкой и производством электронного оборудования, модулей, компонентов и встраиваемого программного обеспечения. Ее развитие необходимо для построения современной конкурентоспособной экономики. Особенно важно осваивать новые производства, поскольку на данный момент большую долю ее потребления при производстве продукции составляет импорт. Сделан вывод о том, что результативность стимулирования отраслей-драйверов существенно занижена по причине превалирования импортной продукции в их потреблении, проведен расчет дополнительного экономического эффекта от перехода на электронную компонентную базу отечественного производства. Отмечена более высокая скорость реализации современных разработок в вертикально-интегрированных ведущих компаниях стран-лидеров отрасли, подчеркнута значительная роль активного участия государства в этом процессе. В ходе исследования выявлена необходимость преодоления стагнации в электронной индустрии, оценен эффект от реализации мероприятий, запланированных в отраслевой стратегии развития. Почти весь прямой эффект от прогнозируемого роста спроса придется на Центральный, Северо-Западный и Приволжский федеральные округа. Наблюдаемые существенные территориальные диспропорции диктуют необходимость более рационального и эффективного развития остальных территорий с учетом их специфики. С помощью данных о территориальном распределении экономического эффекта

Для цитирования: Сидоров М.А. Территориальное развитие на основе стимулирования российской электронной промышленности // Проблемы развития территории. 2020. № 3 (107). С. 27–44. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.2

For citation: Sidorov M.A. Territorial development based on stimulation of the Russian electronic industry. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 3 (107), pp. 27–44. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.2

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-010-00709.

от стимулирования внутреннего спроса на продукцию электронной промышленности сделан вывод о его ограниченном прямом влиянии на экономический рост. Основным эффектом будет заключаться в возможности усложнить структуру российской экономики в направлении роста отраслей с высокой добавленной стоимостью, производящих высокотехнологичную продукцию, и последующего за ним увеличения внутреннего потребительского спроса на товары и услуги.

Территориальный аспект, развитие территорий, электронная промышленность, электроника, промышленное развитие, цепочки добавленной стоимости, научно-техническое развитие, модернизация.

Введение

Потенциал экономического развития российских территорий связан с развитием инновационных высокотехнологичных сфер деятельности на основе приоритетов распределения полученного эффекта между регионами страны.

К одной из наиболее перспективных отраслей относится электронная промышленность, являющаяся жизненно значимым фактором экономического роста. Так, исследователи отмечают, что она необходима для осуществления эффективного, высокотехнологичного и наукоемкого пути развития машиностроения, которое в свою очередь формирует предпосылки для повышения темпов роста валового внутреннего продукта (ВВП) и улучшения социально-экономических показателей в регионах РФ [1]. Мировой опыт показал, что эта промышленная отрасль производит больше добавочной стоимости, чем любая другая, и в последующие 10 лет увеличит мировой ВВП более чем в два раза. К тому же характерной особенностью электронной промышленности выступает ее особая «трудоемкость»: на одного работника отрасли создается три рабочих места в смежных отраслях [2].

В научных работах часто акцентируется внимание на том, что обрабатывающая промышленность играет ключевую роль в качестве драйвера экономического роста [3]. Машиностроение – один из ее главных секторов – имеет наиболее сложную и дифференцированную отраслевую структуру. Экономический рост с учетом вклада маши-

ностроения обеспечивает следующее: активизируется инвестиционная деятельность, формируется спрос на новые технологии и научные результаты, благодаря освоению ресурсосберегающих технологий сокращается удельное потребление ресурсов. Также машиностроение формирует инновационные рабочие места. К примеру, в машиностроительных отраслях США занято около 60% ученых и 80% инженеров от общего их количества в обрабатывающей промышленности [4].

Ключом к инновационному развитию машиностроения является электронная промышленность. Она содействует росту отраслевого интеллектуального потенциала, создавая рабочие места для высококвалифицированных специалистов (научных работников, конструкторов, технологов и т. д.), а также предъявляя высокие требования к уровню подготовки персонала для основного производства [1].

Между тем, отрасли, обладающие высоким потенциальным вкладом в стимулирование занятости населения, экономической активности и роста налоговой базы, такие как сектор электронной промышленности², остаются не в полной мере задействованными в современной экономической политике.

Одной из причин такого положения является отсутствие информации о мультипликативных эффектах, получаемых от развития отраслей, что не способствует формированию у органов власти представления о них как о высокодоходных и перспективных с точки зрения возможно-

² Выбор отраслевых драйверов экономического роста обусловлен их высоким мультипликативным эффектом и растущим потенциалом. Согласно проведенным нами расчетам на основе метода межотраслевого баланса, электроника при мультипликаторе 2,4 является быстрорастущей отраслью машиностроения, опережая его по темпам роста более чем на треть.

сти изменить сложившиеся структурные пропорции.

Здесь особенно важна роль государства – в большинстве технологически развитых стран государственная поддержка высокотехнологичных производств, развития НИОКР и образования выступает приоритетным направлением промышленной политики [5–10]. Ученые акцентируют внимание на том, что в России существует возможность ускорить экономический рост на базе стимулирования внутреннего спроса и реализации эффективной инвестиционной политики [11; 12]. В связи с этим целью статьи стало выявление и научное обоснование активизации отраслевых драйверов роста, увеличение спроса на продукцию которых обеспечивает развитие экономики. Достижение цели исследования требовало решения следующих задач: оценка функционирования и выявление ключевых ограничений развития рассматриваемых секторов; оценка эффектов от их стимулирования на основе метода межотраслевого баланса; рассмотрение территориального распределения эффектов; обоснование предложений по активизации данных отраслей.

Теоретические аспекты исследования

В нашем исследовании под выпуском электронной промышленности понимается продукция, производимая отраслями ОКВЭД, также выделенными Росстатом в таблицах «затраты-выпуск» за 2016 год (табл. 1).

Первая электроника была вакуумной, ее продукция – радиолампы – массово использовалась в XX веке как активные элементы электронной аппаратуры (усилители, генераторы, детекторы, переключатели и т. п.). В настоящее время они практически полностью вытеснены более ресурсо- и энергоэффективным ответвлением – твердотельной электроникой, в которой в качестве элементной базы применяются полупроводниковые интегральные схемы, со временем

уменьшенные до микронных величин для достижения суммарной наибольшей производительности. Добавим, что зачастую электроникой коротко именуется продукция электронной промышленности.

Как отрасль твердотельная электроника возникла во второй половине XX века. Развитие технологий электронной компонентной базы происходило в рамках закона Мура, согласно которому минимальные размеры элементов микросхем сокращались $\sqrt{2}$ раз каждые 2,5 года, за это же время количество элементов на кристалле удваивалось. Производительность технологического оборудования и его стоимость постоянно возрастали.

К 2000 году затраты на комплект производственного оборудования для изготовления микросхем превысили 1 млрд долл. Дальнейшее поддержание темпов развития технологии оказалось трудновыполнимой задачей даже для экономики США, к тому времени достигших определенного превосходства над европейскими и японскими производителями. Поэтому новая программа развития стала международной, к ней подключились все ведущие мировые компании, производящие электронную компонентную базу. Программа получила название «Международная дорожная карта для полупроводниковой промышленности» (International Technology Roadmap for Semiconductors, ITRS).

Первая программа была разработана на 15 лет и охватывала период 2000–2014 гг. Регулярно публикуется новая редакция, в которой продолжают устанавливаться новые цели развития микроэлектроники на следующие 15 лет⁵. Последняя действующая редакция (2015 год) рассматривает период с 2015 по 2029 гг.

В XXI веке продолжается экспоненциальный рост как стоимости производственных участков, так и их производительности. Размеры элементов в микросхемах уменьшились до нанометровых масштабов. Строительство и полную за-

⁵ International Technology Roadmap for Semiconductors. URL: <http://semiconductors.org/resources/2015-international-technology-roadmap-for-semiconductors-itrs> (дата обращения 05.04.2020).

Таблица 1. Отрасли, которыми представлена российская электронная промышленность

Код отрасли по ОКВЭД	Наименование отрасли
30.01	Производство офисного оборудования
30.02	Производство электронных вычислительных машин и прочего оборудования для обработки информации
32	Производство электронных компонентов, аппаратуры для связи, телевидения и радио
33 без 33.1	Приборы и инструменты для измерения, контроля, испытаний, навигации, управления, регулирования; приборы оптические, фото- и кинооборудование; часы
Источник: таблицы «затраты-выпуск» за 2016 год.	

грузку мощностей самостоятельно способны осуществить только крупнейшие игроки отрасли. На сегодняшний день к таким можно причислить лишь компанию Intel. Остальные производители осваивают новые технологии в составе научно-производственных объединений. К примеру, консорциум STI (Sony, Toshiba, IBM, Chartered, AMD) создал общие мощности для производства микросхем с масштабностью 65 и 45 нм. Консорциум Crolles 2 Alliance (STM, NXP Semiconductors, Freescale Semiconductors, TSMC и др.) финансирует разработки новых технологий на кремниевой фабрике TSMC [13].

Вместе с тем это вовсе не означает, что России не стоит развивать собственную электронную промышленность, полагаясь исключительно на существующих крупнейших производителей. Безусловно, освоение передовых технологий при производстве микроэлектронной компонентной базы имеет большое значение для национальной безопасности, однако не менее важно, развивая существующий потенциал, обеспечить внутренний рынок качественной отечественной электроникой как гражданского, так и оборонительного назначения, ориентируясь на комплексный эффект от ее производства для собственной экономики, недополучаемый при потреблении импортной продукции.

К примеру, использование отечественных электронных компонентов обеспечивает независимость в важнейших областях информатизации, телекоммуникации и связи.

Собственные проектирование и производство в данном сегменте позволяют разрабатывать и создавать специализированную технику для государственных структур, перспективные образцы вооружения, навигационную аппаратуру и специальную технику и системы безопасности.

Однако главным эффектом от стимулирования развития отрасли станет возможность усложнить структуру российской экономики в направлении роста доли отраслей с высокой добавленной стоимостью, производящих высококачественную продукцию, и увеличения внутреннего спроса на товары и услуги.

Российские и зарубежные ученые придерживаются мнения о том, что внутренний спрос на продукцию электронной промышленности является значимым фактором развития экономики [14–18]. Отмечается, что истинно неоиндустриальными могут быть только те страны, которые обладают развитым производством электронно-компонентной базы (в частности микропроцессоров) на основе собственных технологий и производственных мощностей [2]. Ученые констатируют, что отставание России от передовых неоиндустриальных стран мира уже критическое, предлагают различные варианты изменения сложившейся ситуации.

В настоящее время в России действуют различные программы поддержки электронной промышленности, большинство из которых направлено на повышение доступности льготного кредитования и суб-

сидирование инвестиций в инновационные направления⁴. Ключевым документом является Стратегия развития электронной промышленности на период до 2030 года от 17 января 2020 года. 9 апреля 2020 года при поддержке Минпромторга России ведущими российскими компаниями-разработчиками была создана АНО «Консорциум «Вычислительная техника»⁵ (АНО «ВТ»), ее деятельность «будет направлена на развитие отрасли, формирование условий для становления национальных чемпионов – компаний, которые уже смогли доказать в реальных рыночных условиях умение самостоятельно создавать конкурентоспособные продукты и представлять страну на глобальном уровне. Кроме того, в задачи консорциума будут входить вопросы защиты интересов отечественных разработчиков вычислительной техники, а также формирования условий, способствующих увеличению их доли рынка и развитию отрасли в целом. Задачи консорциума отвечают целям Стратегии развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года».

Отметим, что при участии сотен экспертов – представителей академической, вузовской и отраслевой науки, а также промышленности, был сформулирован Перечень критических технологий Российской Федерации, в котором упоминаются технологии создания электронной компонентной базы⁶.

Важным направлением при определении секторов – потенциальных драйверов роста – выступает оценка эффекта для экономики от их стимулирования. Одну из последних работ по данной проблематике представляет исследование экспертов Института экономики и организации промышленного производства СО РАН [19], где определено влияние выполнения на-

циональных проектов на динамику макроэкономических и отраслевых показателей экономики России в 2019–2024 гг. на основе динамической межотраслевой модели. Поскольку поиск отраслей-драйверов, активизация которых меняет структурные пропорции экономики, и определение последствий для экономики от их стимулирования не являются исчерпывающими, мы продолжаем работу в этом направлении, используя межотраслевое моделирование.

Методика исследования

Методологическую основу составили труды ученых (А.Г. Аганбегян [20; 21], В.В. Ивантер, И.А. Погосов [22], Б. Порфирьев [23], О.С. Сухарев [21; 24], А.А. Широков и др.), исследующих проблемы ускорения экономического роста, в том числе путем стимулирования внутреннего спроса.

В качестве инструмента прогнозирования использованы межотраслевая модель, содержащая включенный в нее вид деятельности, и «Электронная промышленность», отдельно не представленная в российской статистике.

Вычленение изучаемых отраслей произведено на основании агрегирования расширенного перечня разнесенных по видам деятельности данных, отражающих выпуск товаров, проведение работ и оказание услуг российскими предприятиями.

Модель основывается на базовом уравнении межотраслевого баланса, в матричной форме имеющем вид:

$$x = Ax + y, \quad (1)$$

где:

x – вектор суммарного объема продукции;

A – матрица коэффициентов прямых затрат;

y – вектор конечного продукта.

⁴ Субсидии российским организациям на возмещение части затрат на создание научно-технического задела по разработке базовых технологий производства приоритетных электронных компонентов и радиоэлектронной аппаратуры. URL: <https://gisp.gov.ru/support-measures/list/6711887>; Программа ФПП «Цифровизация промышленности». URL: <https://gisp.gov.ru/support-measures/list/8959695>

⁵ В России создан консорциум производителей вычислительной техники. URL: <http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!1340315780>

⁶ Указ Президента РФ от 7 июля 2011 г. № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/987> (дата обращения 06.04.2020).

При моделировании использовано уравнение:

$$(E - A)^{-1} \cdot y = x, \quad (2)$$

где:

E – единичная матрица;

$(E - A)^{-1}$ – матрица коэффициентов полных затрат.

На основании полученной матричной зависимости можно рассчитать, каким должен быть объем реализации x во всех отраслях экономики, если планируется изменение конечного спроса y .

Далее, исходя из целевых показателей развития ключевых отраслей, закрепленных в программных и стратегических документах, был выполнен расчет прогнозных темпов их роста до 2030 года. Затем с помощью межотраслевой модели рассчитаны объемы реализации продукции электроники при росте спроса на нее согласно полученным прогнозам. Оценена роль этой отрасли в дополнительном приросте численности работников и фонда заработной платы. Оценка территориальных эффектов, возникающих при стимулировании спроса на отечественную электронику, проведена по федеральным округам РФ пропорционально структурам выпуска продукции, численности работников и фонда заработной платы, полученных по стране в целом.

Основные результаты исследования

Оценим текущее состояние и определим ограничения для развития электронной промышленности, рассматриваемой в нашем исследовании в качестве отраслевого драйвера роста, в котором стимулирование производства товаров и услуг обеспечивает рост экономики страны и ее субъектов.

Электронная промышленность в последние десятилетия находится в состоянии стагнации, что усугубляется негативным влиянием внешнеэкономических факторов и внутреннего экономического кризиса. Одним из проявлений, отражающим не-

достаточную ориентированность отрасли на производство гражданской продукции, стало сокращение удельного веса бытовой электроники (одной из двух ключевых товарных групп): если в 2008 году ее выпуск превышал производство компьютеров вдвое, то в 2017 году – лишь на 7%. Можно констатировать, что производство отечественной бытовой электроники находится под угрозой, в 2017 году ее выпуск оказался самым низким за 10 лет (*рис. 1*).

При этом наблюдается тенденция к росту в общем объеме доли валовой добавленной стоимости, производимой электронной промышленностью, что может свидетельствовать, в том числе, об удлинении технологических цепочек в этой отрасли (*рис. 2*).

В Стратегии развития электронной промышленности в качестве одного из целевых показателей выступает доля выручки от реализации российской электронной продукции в валовом внутреннем продукте страны, составляющая на 2018 год 1,8%. Согласно прогнозу к 2030 году этот индикатор должен достигнуть уровня в 3,5%, для чего требуется наращивать ежегодно по 0,14%. При этом за 2011–2016 гг. его значение увеличилось на 0,5%, или в среднем на 0,1% в год (*табл. 2*). Следовательно, для достижения прогнозируемого в Стратегии результата потребуется значительно ускорить развитие электронной промышленности.

Ключевая роль наиболее близкого к электронной индустрии сектора машиностроения для российской экономики отражена в стратегических документах и программах развития. Так, в стратегии развития электронной промышленности указано, что его вклад в ВВП страны к 2030 году по сравнению с уровнем 2018 года должен возрасти на 94%. Согласно прогнозу, электронная промышленность будет расти со средним темпом 109% в год. Реализация мероприятий по развитию этой отрасли поспособствует увеличению спроса на ее продукцию, который заложен в рамках отмеченного прогнозного темпа роста (*табл. 3*).

Расчеты, проведенные на основе сформированной межотраслевой модели, по-

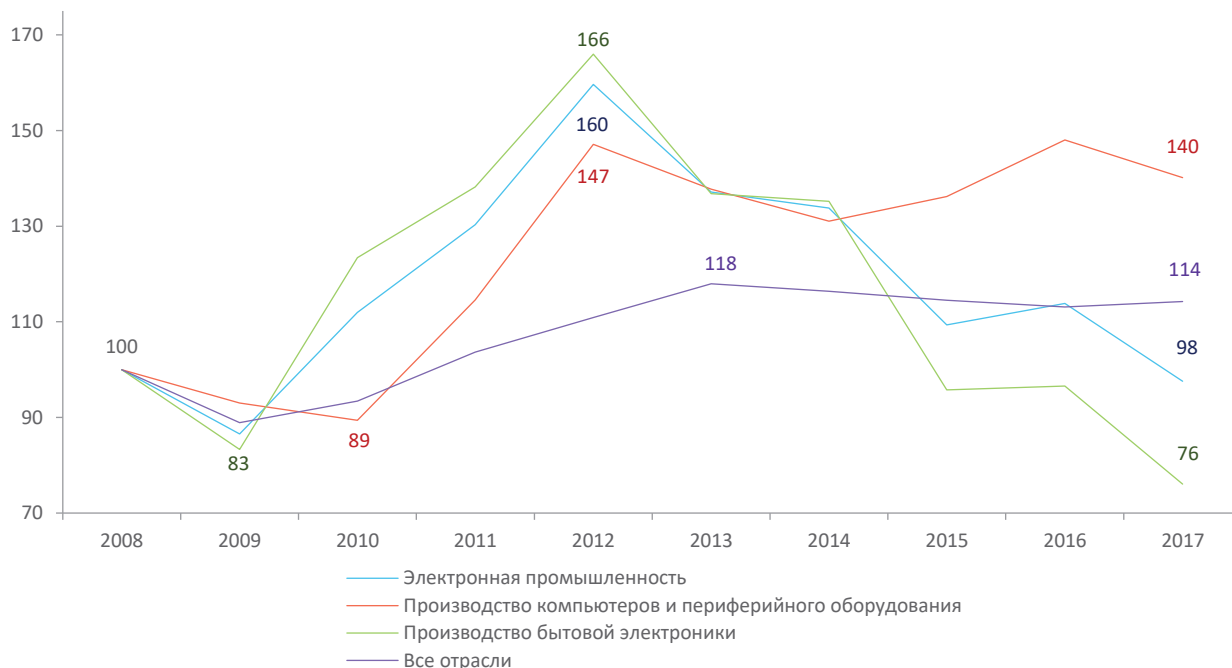


Рис. 1. Динамика выпуска электронной промышленности РФ, % к уровню 2008 года
 Рассчитано по: данные Росстата.

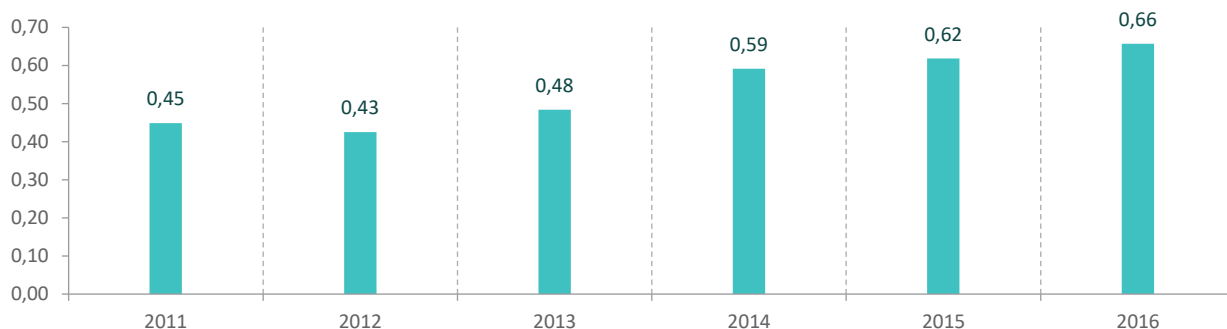


Рис. 2. Доля валовой добавленной стоимости электронной промышленности в валовом внутреннем продукте Российской Федерации, %
 Рассчитано по: таблицы «затраты-выпуск».

зволили определить значимость отраслевого стимулирования для экономики страны и ее регионов. В частности, выявлено, что двенадцать лет активного стимулирования электронной промышленности обеспечат дополнительный прирост ВВП на 1,6%, а ежегодный прирост только от ее развития составит 0,14%. Валовой выпуск продукции в целом по экономике за 2019–2030 гг. увеличится на 1,9%, в том числе электронной промышленности – в 2,5 раза (табл. 4). Увеличение спроса на продукцию этой отрасли потребует прироста числа работников

и фонда заработной платы. Согласно расчетам, дополнительный прирост численности работников составит 925 тыс. чел., фонда заработной платы – 549 млрд руб.

Обращает на себя внимание тот факт, что стимулирование электронной индустрии окажет незначительное влияние на экономический рост – всего 1,6% за 12 лет. Отчасти это связано с ее низким стартовым уровнем, однако помимо этого существует ряд сдерживающих развитие факторов. Для электронной промышленности в целом характерны те же вызовы, что и для машино-

Таблица 2. Значимость отраслей электронной промышленности для российской экономики, %

Наименование и код отрасли	Доля выпуска отрасли в ВВП страны		Доля ВДС в выпуске отраслей электронной промышленности		Удельный вес ВДС отрасли в общем ВДС отраслей электронной промышленности	
	2011 год	2016 год	2011 год	2016 год	2011 год	2016 год
В целом по электронной промышленности	1,2	1,7	38	39	100	100
30.01 Производство офисного оборудования	0,0	0,0	56	40	2	1
30.02 Производство электронных вычислительных машин и прочего оборудования для обработки информации	0,1	0,1	28	31	6	5
32 Производство электронных компонентов, аппаратуры для радио, телевидения и связи	0,5	0,7	34	32	41	41
33 без 33.1 Приборы и инструменты для измерения, контроля, испытаний, навигации, управления, регулирования; приборы оптические, фото- и кинооборудование; часы	0,6	0,9	43	39	52	53

Источник: таблица ресурсов ТЗВ за 2011 и 2016 гг.

Таблица 3. Прогнозные темпы роста электронной промышленности в РФ до 2030 года

Отрасль	Среднегодовой рост, %	2018 год к 2030 году, раз
Машиностроение	104	1,6
Электронная промышленность	109	2,8

Источник: рассчитано автором.

строения – это использование устаревшего оборудования, ведущее к низкому качеству выпускаемой продукции и, как следствие, ее неконкурентоспособности, а также острое недоинвестирование и дефицит квалифицированных кадров [25; 26] Согласно Стратегии развития электронной промышленности Российской Федерации до 2030 года⁷ к основным проблемам отрасли относятся следующие.

1. Острый дефицит современного российского производственного, контрольно-измерительного и испытательного оборудования, что существенно осложняет освоение новых производств конкурентоспособной и высокотехнологичной электронной продукции.

2. Отечественный научно-исследовательский комплекс и дизайн-центры не в пол-

ной мере обеспечивают решение отраслевых задач.

3. Нехватка российских средств автоматизированного проектирования и систем управления базами данных, в результате чего их применение носит фрагментарный характер.

4. Мелкосерийный характер производства изделий (в основном для нужд обороны и обеспечения безопасности государства).

Указанная проблема раскрывает характер одного из главных вызовов российской электронной индустрии. Современная высокотехнологичная электроника, необходимая для оборонных нужд, большей частью закупается за рубежом, что противоречит интересам национальной безопасности страны. С другой стороны, наиболее современные отечественные

⁷ Стратегия развития электронной промышленности Российской Федерации до 2030 года: утв. Распоряжением Правительства РФ от 17 января 2020 г. № 20-р.

Таблица 4. Эффект от стимулирования электронной промышленности для экономики РФ

Вид экономической деятельности	Прирост валового выпуска, %	Прирост валового выпуска, млрд руб.	Прирост численности работников, тыс. чел.	Прирост фонда заработной платы, млрд руб.
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	100,3	15 580	3,8	1,2
Рыболовство, рыбоводство	100,1	478	0,0	0,0
Добыча полезных ископаемых	100,5	67 898	4,9	4,9
Обрабатывающие производства конечного спроса	100,5	43 888	10,9	4,2
Обрабатывающие производства промежуточного спроса	101,0	235 778	20,3	10,8
Обрабатывающие производства инвестиционного спроса (без машиностроения)	100,9	12 009	3,7	1,5
Машиностроение (без электронной промышленности)	102,9	210 807	59,5	31,6
Электронная промышленность	252,2	1 828 331	627,8	387,9
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	101,1	96 631	21,8	11,3
Строительство	100,2	23 592	5,0	2,3
Оптовая и розничная торговля	101,0	205 384	55,5	23,6
Гостиницы и рестораны	100,3	5 539	2,7	0,9
Транспорт	100,9	116 779	29,5	16,8
Связь	100,2	7 863	2,1	1,7
Финансовая деятельность	101,3	64 533	13,1	14,3
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	101,2	228 644	55,2	31,4
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	100,1	5 098	1,8	1,0
Образование	100,0	1 580	2,4	1,0
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	100,0	1 002	1,2	0,6
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	100,3	6 906	3,8	1,9
В целом по экономике	101,9	3 178 319	925,1	548,9
Источник: расчеты автора.				

производства не диверсифицированы, что в комплексе с мелкосерийностью во многих случаях не позволяет внедрять новые разработки, создавать рентабельные производства и, соответственно, дальше развивать отрасль.

В микроэлектронике требования к окупаемости более производительного оборудования возрастают экспоненциально с каждым повышением разрядности микросхем, что в текущей ситуации в отрасли означает необходимость выделять финансирование в значительно большем объеме для создания электронной компонентной базы следую-

щего поколения без опоры на прибыль от уже существующих крайне дорогостоящих мощностей.

5. Действующие санкции и запреты на доступ к зарубежным технологиям, оборудованию и материалам, что усложняет реализацию бизнес-процессов в отрасли, производство современной конкурентоспособной электронной продукции.

6. Нарастающая нереализованная потребность в концентрации электронных технологий при непрерывном росте объема электронных транзакций и цифровых документов.

Отдельно остановимся на негативных последствиях импортозависимости российской электронной индустрии. Активное использование продукции зарубежного производства в качестве ресурсов значительно снижает эффект от ее стимулирования (табл. 5).

Добавим, что большая часть импортируемой электроники приходится всего на несколько товарных групп, из них две крупнейшие составляют более двух третей от общего объема, а первые пять – 83% (табл. 6).

Полученные результаты расчетов согласуются с выводами исследователей, занимающихся оценкой мультипликативных эффектов прироста выпуска в различных секторах экономики на основе модели межотраслевого баланса. Так, в работе ученых ИНП РАН обосновано, что в секторах, которым присуща более высокая доля затрат на импортное оборудование в общем объеме капитальных затрат, оценки эффекта прироста добавленной стоимости снижаются существенно, чем в других [27].

Таким образом, дальнейшее стимулирование данных отраслей будет в большей степени развивать не отечественную экономику, а народное хозяйство стран-импортеров, что усложняет переход России к высокотехнологичному развитию. Следовательно, создание и координация отечественных производств необходимой продукции и должны стать одной из приоритетных задач экономической политики.

По нашим расчетам, полная замена импортной части компонентной базы электронной промышленности на отечественную будет сопровождаться дополнительным приростом ВВП на 0,96%, а ежегодное его увеличение только от ее развития ускорится на 0,08%. Валовой выпуск продукции в целом по экономике за 2019–2030 гг. дополнительно возрастет на 1,2%, в том числе электронной промышленности – на 90%. Увеличение спроса на продукцию данных отраслей подразумевает больший прирост числа работников и фонда заработной платы (дополнительный прирост численности

Таблица 5. Доля импорта в ресурсах продукции в 2011 и 2016 гг., %

Отрасль электронной промышленности	Доля импорта в 2011 году	Доля импорта в 2016 году
30.01 Офисное оборудование и его части	68	46
30.02 Вычислительная техника и оборудование для обработки информации	64	55
32 Электронные компоненты; аппаратура для радио, телевидения и связи	42	44
33 без 33.1 Приборы и инструменты для управления, регулирования, измерения, испытаний, контроля, навигации	23	18
В среднем по отрасли	42	38

Источник: таблица ресурсов ТЗВ за 2011 и 2016 гг.

Таблица 6. Удельный вес товарных групп электронной промышленности в общем объеме импортированной электроники в 2018 году, %

Наименование товарной группы	Удельный вес
Аппараты телефонные, прочая аппаратура для передачи или приема голоса, изображений или других данных, включая аппаратуру для коммуникации в сети проводной или беспроводной связи	41
Вычислительные машины и их части, считывающие устройства, машины для переноса данных на носители информации в кодированной форме и машины для обработки подобной информации	26
Схемы электронные интегральные	5,6
Пульты, панели, консоли, столы, цифровые аппараты управления	5,5
Мониторы и проекторы; приемная аппаратура для телевизионной связи	5

Источник: расчеты автора по данным таможенной статистики Российской Федерации за 2018 год.

работников составит 548 тыс. чел., фонда заработной платы – 325 млрд руб.).

Использованный нами инструментарий позволил рассмотреть распределение эффекта от стимулирования электронной промышленности в территориальном разрезе. В частности, был рассчитан прирост выпуска продукции по федеральным округам (рис. 3). Согласно расчетам, на Центральный федеральный округ придется наибольший эффект от стимулирования сектора электроники – его доля составит более 60%. Вместе с тем Северо-Западный и Приволжский федеральные округа делят еще треть в данном секторе. Это говорит о потенциале их регионов в процессе формирования добавленной стоимости, образующейся от продукции электронной индустрии.

При стимулировании производства той или иной отрасли важно понимать, кто является потребителями ее продукции. В промежуточном потреблении продукции электронной промышленности лидирующей отраслью (после самой электронной промышленности) являются операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг, на долю которых приходится более четверти от общего объема потребления электроники (рис. 4).

Машиностроительная индустрия также активно использует электронику, помимо

этого следует отметить значительную долю услуг связи и торговли. В сумме на перечисленные отрасли приходится 83% от общего объема промежуточного потребления российской электроники.

Что касается конечного использования российской электроники, то более половины приходится на накопление (включающее в себя валовое накопление основного капитала и изменение запасов), около трети занимает конечное потребление (практически полностью представленное домохозяйствами) (рис. 5). Наибольшим спросом при этом пользуются электронные компоненты для радио, телевидения и связи.

Подытоживая, отметим, что основной спрос на гражданскую электронику в России создают производители аппаратуры цифрового теле- и радиовещания, медицинской, научной и бытовой аппаратуры, средств обучения, автомобильной и промышленной электроники, энергетического оборудования и др. Следовательно, стимулирование электронной промышленности возможно путем реализации инвестиционных программ в смежных с ней отраслях, в первую очередь машиностроения, связи и информационно-коммуникативных технологий.

При расчете конкретных мероприятий по стимулированию электронной индустрии

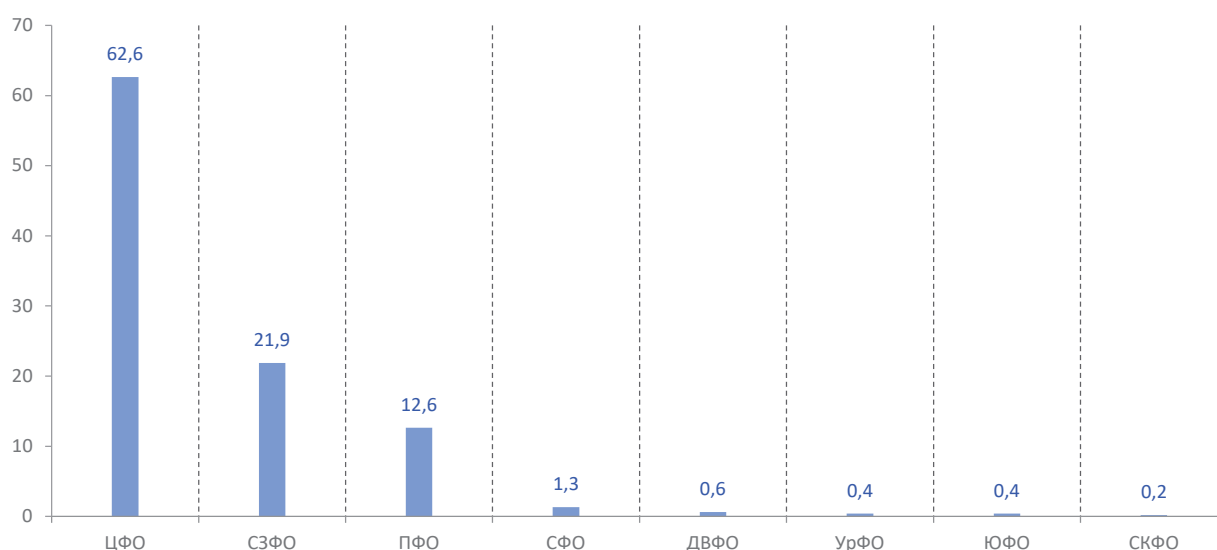


Рис. 3. Территориальное распределение эффекта от стимулирования электронной промышленности в РФ, % к итогу

Рассчитано по: данные Росстата.

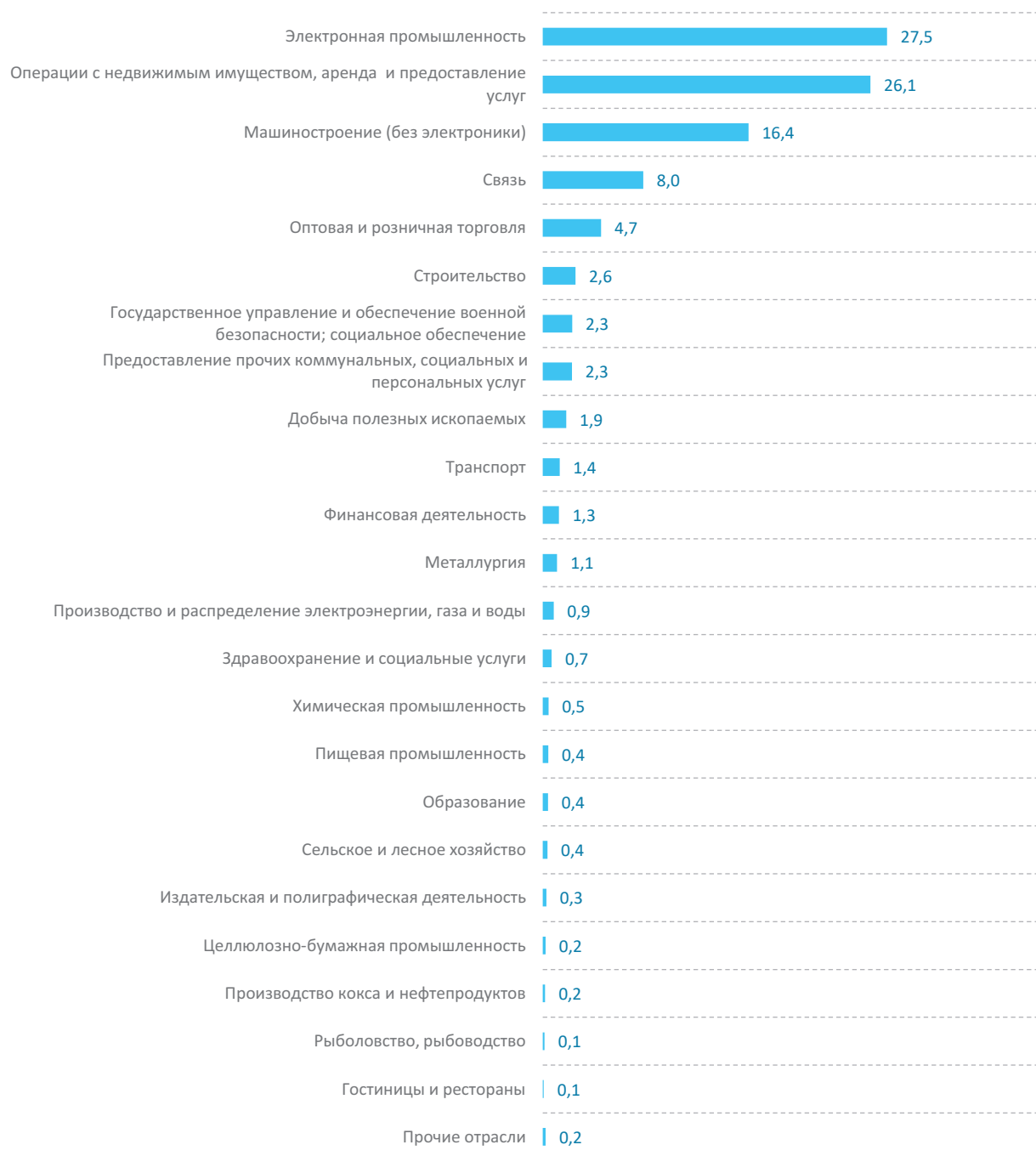


Рис. 4. Промежуточное потребление продукции российской электронной промышленности другими отраслями экономики в 2016 году, %

Рассчитано по: таблицы «затраты-выпуск».

немаловажной будет информация о товарной специализации российских территорий. Эта отрасль присутствует в каждом из федеральных округов, в трех из них – ЦФО, СЗФО и ПФО – производство электроники развернуто наиболее широко, чем и объясняется то, что на их долю придется основная часть

эффекта от дополнительного спроса на продукцию отрасли (табл. 7).

Добавим, что, по нашему мнению, наиболее целесообразной будет реализация инвестиционных программ в смежных с электроникой отраслях машиностроения с опорой на территориальное распреде-

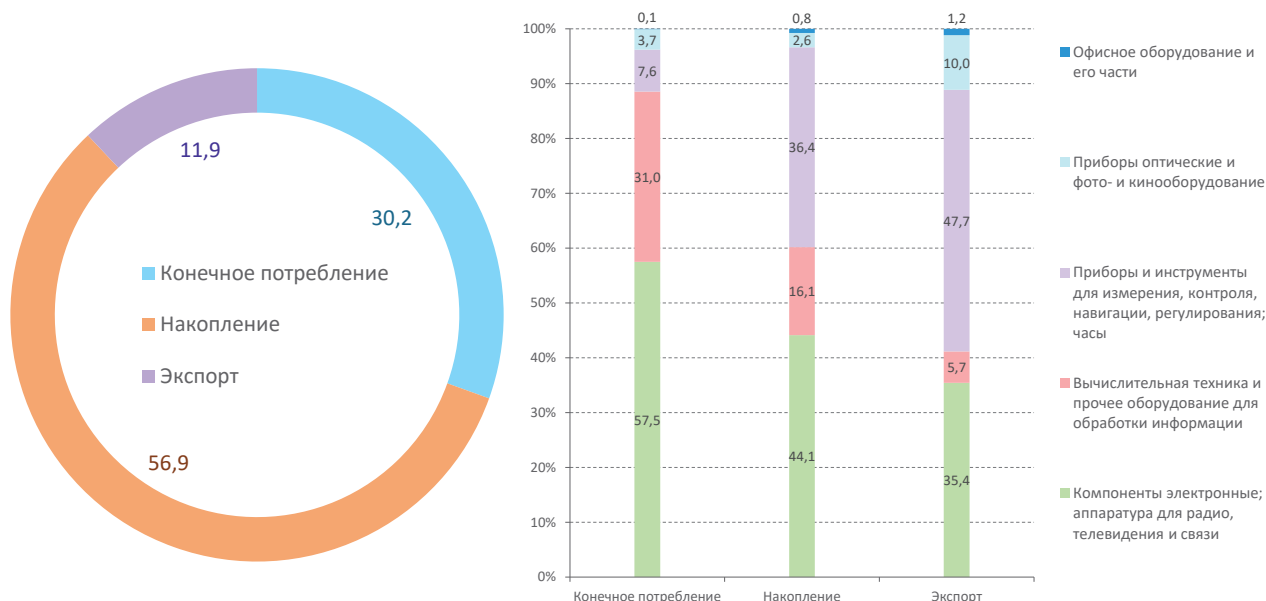


Рис. 5. Конечное использование продукции российской электронной промышленности в 2016 году, %

Рассчитано по: таблицы «затраты-выпуск».

Таблица 7. Территориальное распределение эффекта от стимулирования электронной промышленности по видам продукции в РФ в 2016 году, %

Производимая продукция	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УрФО	СФО	ДВФО
Пишущие машины, машины для обработки текста, калькуляторы, счетные машины и их части		96,0		4,0				
Фотокопировальные машины, офисные машины для офсетной печати и прочие офисные машины и оборудование	28,9	64,1				7,0		
Вычислительная техника, ее части и прочее оборудование для обработки информации	55,5	24,0	1,0		11,1		1,4	7,3
Телевизионные приемники, включая видеомониторы и видеопроекторы	69,6	30,4						
Звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура и аппаратура для записи и воспроизведения изображений		100,0						
Части звукозаписывающей и звуковоспроизводящей аппаратуры и видеоаппаратуры	55,5	38,3			6,2			
Электроакустическая аппаратура	49,1				50,9			
Приборы и инструменты для измерения, контроля, навигации, регулирования; часы	34,6	8,8	1,7	2,3	38,5	8,1	5,3	0,7

Рассчитано по: данные Росстата.

ление эффекта от комплекса осуществляемых мер. Таким образом, станет возможным укрепление курса на уменьшение территориального экономического дисбаланса.

Заключение

1. Расчеты, выполненные по построенной нами межотраслевой модели, позволили оценить эффект от стимулирования электронной промышленности в простран-

ственном аспекте. Наблюдаемые глубокие территориальные диспропорции в сторону Центрального, Северо-Западного и Приволжского федеральных округов, которые получают наибольший эффект от прогнозируемого роста спроса, диктуют необходимость использовать их потенциал в качестве базы для форсирования отраслевого развития, не забывая, однако, и о территориях с небольшим удельным весом в общем объеме выпуска. При этом в таких регионах целесообразно стимулировать развитие технологической цепочки производства электронной промышленности, начиная со смежных отраслей машиностроения, а в случае отсутствия в регионах машиностроительного производственного потенциала – со сфер разработки программного обеспечения и предоставления информационных услуг.

2. Развитие такой отрасли, как электронная промышленность, вносит положительный вклад в темпы роста ВВП страны. Стимулирование спроса на продукцию только этой отрасли в период 2019–2030 гг. увеличит ВВП на 1,6%. Представляется, что формирование комфортных условий для производителей высокотехнологичного отечественного оборудования поможет увеличить вклад указанного сектора в экономику. Стоит учитывать, что результативность этого процесса существенно занижена по причине превалирования импортной продукции в потреблении электронной индустрии и низкой доли отрасли в экономике (для сравнения, валовая добавленная стоимость, создаваемая добывающей промышленностью, превышает аналогичный показатель электронной промышленности почти в 15 раз). Полный переход на использование отечественной электронной компонентной базы ускорит экономический рост дополнительно на 1,2%.

3. В целях повышения национальной безопасности важно диверсифицировать наиболее дорогостоящие производства электроники для оборонных нужд, осваивать крупносерийные производства гражданской электроники, для того чтобы получить воз-

можность продолжать реализацию курса на дальнейшее развитие отрасли уже на основе экономического эффекта от удовлетворения внутреннего спроса.

4. Современный тип производства подразумевает выпуск не множества отдельных видов средств производства, а сразу единый комплекс специализированных, технологически сопряженных машин. Например, если производится микропроцессор, то необходимо в рамках единой технологической цепочки его спроектировать, изготовить, смонтировать и пустить в ход. Отлаженная цепочка отличается непрерывным продвижением предмета труда по межотраслевым звеньям и переделам производства.

Так, к вертикально-интегрированным относятся ведущие компании США, Японии, Южной Кореи. Они, используя стратегию «снятия сливок», имеют возможность быстрее других воплощать свои разработки за счет сохранения практически полной технологической цепочки проектирования и изготовления изделий. Здесь большую роль играет бюджетное софинансирование государством разработок и проектов компаний [14].

В связи с этим необходимо уделять максимальное внимание выстраиванию внутренних межотраслевых технологических цепочек (начиная с проектирования и заканчивая услугами послепродажного обслуживания уже реализованной продукции), сокращая, таким образом, издержки производителей и увеличивая создаваемую в стране добавленную стоимость в наиболее перспективных отраслях.

Также отметим, что с точки зрения зарубежного опыта в этом вопросе интересен подход, при котором основную прибыль получают не производители, а разработчики микросхем и информационных систем. Он называется «экономикой знаний». Экономической основой развития рынка электроники может стать изменение его структуры, производственные мощности могут принадлежать группе крупнейших отраслевых организаций при координационной и финансовой поддержке государства.

В таком случае возможна переориентация технологических цепочек на создание прибыли не на этапе физического производства и сбыта электронных систем, а в сфере разработки программного обеспечения и предоставления информационных услуг.

По нашему мнению, этот вариант является одним из наиболее оптимальных в контексте сглаживания негативных последствий территориального экономического неравенства, поскольку освоение современных технологий в данных сферах доступно в любом регионе, включая те, в которых мощности для производства электроники практически отсутствуют. Причина заключается в том, что для этого не требуется столь больших инвестиций, а затраты на транспорт незначительны.

5. Для активизации спроса на товары и услуги электронной промышленности необходима реализация комплекса мер по снятию ограничений их развития, что возможно за счет формирования дополнительного внутреннего спроса на отечественную электронику, встраивания производств в межрегиональные технологические цепочки, повышения потребительской и инвестиционной привлекательности отрасли.

6. Формирование спроса на товары и услуги электронной промышленности потребует обеспечения необходимого уровня инвестиций. Источниками для усиления инвестиционной составляющей могут быть средства, образующиеся в результате перераспределения дохода от экспорта сырьевых ресурсов, привлечения финансовых ресурсов населения и бюджета, а также создания привлекательных условий для инвестирования бизнеса в рассматриваемые отрасли.

Подводя итог, стоит отметить, что в России и ее регионах имеются предпосылки для развития электронной промышленности, которые целесообразно будет использовать с целью изменения сложившихся структур-

ных диспропорций. Одновременно с этим в задачу органов управления должно входить осуществление соответствующей политики, в том числе за счет создания необходимой технологической базы, формирования соответствующего спроса на производимую продукцию и услуги с учетом его неравномерности в территориальном аспекте. Развитие электронной промышленности способствует ускорению темпов роста ВВП, повышению эффективности и конкурентоспособности экономики страны и ее регионов в долгосрочной перспективе.

Необходимо восполнять дефицит отечественной продукции в смежных с электронной промышленностью отраслях: производственного, контрольно-измерительного и испытательного оборудования, средств цифровизации производств, особенно средств автоматизированного проектирования и систем управления базами данных.

Также для повышения конкурентоспособности российской электронной промышленности важно построить собственную «экономику знаний» в сфере информационных технологий. Важной ее составляющей является сосредоточенность на развитии отдельных приоритетных направлений. Лучшие процессоры разработаны в США, лучшие схемы памяти – в Юго-Восточной Азии. В России также необходимо определить приоритетные направления развития информационных технологий, а мероприятия по их осуществлению должны разрабатываться с учетом территориального распределения экономического эффекта от комплексного развития высокотехнологичных отраслей.

Подводя итог, стоит отметить, что результаты исследования вносят вклад в развитие методических аспектов, связанных с оценкой влияния электронной промышленности на другие отрасли, а также потенциального эффекта от ее развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов В.Н., Почукаева О.В., Почукаев К.Г. Роль машиностроения в процессе диверсификации экономики регионов // Вопросы территориального развития. 2018. № 5 (45). DOI: 10.1 5838/ tdi.2018.5.45.3
2. Киртадзе Т.Д. Электронная промышленность как основа неоиндустриальной модернизации // Креативная экономика. 2017. Т. 11. № 3. С. 387–398.
3. Behun M., Gavurova B., Tkacova A., Kotaskova A. The impact of the manufacturing industry on the economic cycle of European Union Countries. *Journal of Competitiveness*, 2018, vol. 10, no. 1, pp. 23–39. DOI: 10.7441/ joc.2018.01.02
4. *Revitalizing America Manufacturing*. The White House. Available at: https://www.whitehouse.gov/sites/whitehouse.gov/files/images/NEC_Manufacturing_Report_October_2016.pdf (accessed 10.04.2020).
5. Андрианов К.Н. Германия и инновации // Современная Европа. 2012. Вып. 4. С. 103–116.
6. Лапина Н.Ю. Новый этап в формировании инновационной экономики: опыт Франции // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 1. С. 61–71.
7. Ерошкин А., Петров М., Плисецкий Д. Государственная финансовая поддержка инноваций за рубежом // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 12. С. 26–39.
8. Chancen für eine höhere Rohstoffausbeute im Bergbau. *Keramische Zeitschrift*, 2016, vol. 68, no. 3, p. 152.
9. Scherer F.M. *International High-Technology Competition – Cambridge (Mass)*. London: Harvard univ. press, 1992. 196 p.
10. *OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2013*, OECD Publishing. URL: http://dx.doi.org/10.1787/sti_scoreboard-2013-en; OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2017. Innovation for Growth and Society. 260 p. (accessed 10.04.2020).
11. Сухарев О.С. Структурная динамика экономики России: к новой модели роста // Вопросы территориального развития. 2016. № 4 (34). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1975> (дата обращения 10.04.2020).
12. Замараев В., Маршова Т. Инвестиционные процессы и структурная перестройка российской экономики // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 40–62.
13. Макушин М. Мировая микроэлектроника: чем меньше размеры, тем крупнее игроки // Электроника: Наука, Технология, Бизнес. 2007. № 6. С. 104–112.
14. Карпухина Н.Н. Модели развития электронной промышленности // Российское предпринимательство. 2013. № 10 (232). С. 149–157.
15. Куликова Н.Е. Современное состояние и тенденции развития электронной промышленности в России // Теория и практика общественного развития. 2017. № 12. С. 87–92.
16. Адамов Ю.Ф., Горшкова Н.М., Сибатуллин А.Г. Влияние полупроводниковой технологии на глобализацию электронной промышленности // Труды МФТИ. 2010. Т. 2. № 1 (5). С. 3–8.
17. Эроза В.Е. Структурные сдвиги в экономике под влиянием технического прогресса // Рос. внешнеэкон. вестн. 2018. № 11. С. 23–38.
18. Ускова Т.В. Проблемы экономического роста территории. Вологда: Ин-т социально-экономического развития территорий РАН, 2013. 170 с.
19. Баранов А.О., Гореев А.В. Оценка влияния национальных проектов на развитие экономики России с использованием динамической межотраслевой модели // ЭКО. 2019. № 49 (10). С. 94–114. URL: <http:// dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-10-94-114>
20. Аганбегян А. Почему экономика России топчется на месте? // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 3. С. 11–27.

21. Сухарев О. Структурные ограничения и подходы к их преодолению // Экономист. 2014. № 1. С. 50–55.
22. Погосов И.А. Тенденции изменения структуры экономики России после кризиса 1998 года. М.: Институт экономики РАН, 2010. 44 с.
23. Ивантер В., Порфирьев Б., Широков А. Структурные аспекты долгосрочной экономической политики // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 3. С. 27–34.
24. Сухарев О. Изменение макроэкономической политики для обеспечения экономического роста в 2018–2024 гг. // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 3. С. 113–119.
25. Мельников А.Е. Роль машиностроения в экономике регионов Европейского Севера России // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения – 2016. Апатиты: ИЭП КНЦ РАН, 2016. С. 667–672.
26. Тополева Т.Н. Устойчивое развитие машиностроительного комплекса в конкурентной среде // Экономические исследования и разработки. URL: <http://edj.ru/article/05-02-2018> (дата обращения 10.04.2020).
27. Макроэкономическая стабилизация и пространственное развитие экономики / А.А. Широков [и др.] // Проблемы прогнозирования. 2019. № 5. С. 5–15.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Максим Андреевич Сидоров – младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ma.sidorov@mail.ru

Sidorov M.A.

TERRITORIAL DEVELOPMENT BASED ON STIMULATION OF THE RUSSIAN ELECTRONIC INDUSTRY

The article explores the possibility of overcoming negative consequences of economic imbalances on Russian territories by stimulating electronic industry. Electronics is a strategic branch of engineering related to the development and production of electronic equipment, modules, components, and embedded software. Its development is necessary for building a modern competitive economy. It is especially important to develop new production, because, at the moment, a large share of its consumption in the production of goods is imported. It is concluded that the effectiveness of stimulating driver industries is significantly underestimated due to the prevalence of imported products in its consumption, and the additional economic effect of the transition to the electronic component base of domestic production is calculated. The authors noted a higher speed of the implementation of modern developments in vertically integrated top companies of the industry's leading countries, and the significant role of the state's active participation in this process is emphasized. The study identified the need to overcome the stagnation in the electronic industry and assessed the effect of implementing measures planned in the sectoral development strategy. Nearly the whole direct effect of the projected growth of demand will occur in the Central, Northwestern, and Privolzhsky federal districts. Observed significant territorial disproportions dictate the need for more rational and efficient development of other territories considering their specifics. Data on the territorial distribution of the economic effect from stimulating domestic demand for electronic products helped to conclude that its direct impact on the economic growth is limited. The main effect will include

the ability to complicate the structure of the Russian economy with the growth of high value-added industries that produce high-tech products and the subsequent increase of domestic consumer demand for goods and services.

Territorial aspect, territorial development, electronic industry, electronics, industrial development, value-added chains, scientific and technical development, modernization.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maksim A. Sidorov – Junior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ma.sidorov@mail.ru

DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.3

УДК 332.1 | ББК 65.04

© Манаева И.В.

МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОПТИМАЛЬНОГО РАЗМЕРА ГОРОДА¹

**ИННА ВЛАДИМИРОВНА МАНАЕВА**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Российская Федерация, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

E-mail: in.manaeva@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4517-7032

С 1960-х годов зарубежные городские экономисты и географы занимаются проблематикой, связанной с определением оптимального размера города. В научной литературе достигнут консенсус относительно того факта, что чистые растущие доходы существуют до определенного городского размера. Цель исследования – разработать и апробировать методику определения оптимального размера города в современных российских условиях. Научная новизна исследования заключается в идентификации городов за пределами (или ниже) их теоретически выявленного оптимального размера. Задачи: провести детальный анализ методов определения оптимального размера города в зарубежной литературе; разработать и апробировать методику определения оптимального размера города в России с учетом особенностей региональной экономики и доступности статистических данных. В работе с помощью имеющихся данных муниципальной статистики РФ рассмотрены показатели оптимального размера города, выделены традиционные и нетрадиционные городские выгоды и затраты. Апробация методики проведена на выборке городов РФ, пять из которых входят в Центральный федеральный округ, три – в Северо-Западный, четыре – в Южный, два – в Северо-Кавказский, шесть – в Приволжский, четыре – в Уральский, четыре – в Сибирский, шесть – в Дальневосточный. После сравнения эмпирических результатов, предсказанных моделью, с фактическим населением для каждого города сделан вывод о том, что диапазон разницы составляет от 32 (г. Магадан) до 176% (г. Нижний Новгород). Большая доля обследуемых городов имеет размер ниже «оптимального», что подтверждает наличие у них потенциала для роста. Практическая значимость полученных результатов заключается в обеспечении возможности для создания методического инструментария оценки городских систем региона, который может стать основой для раз-

Для цитирования: Манаева И.В. Методика определения оптимального размера города // Проблемы развития территории. 2020. № 3 (107). С. 45–58. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.3

For citation: Manaeva I.V. Methodology of the optimal city size determining. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 3 (107), pp. 45–58. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.3

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект № 19-010-00523.

работки алгоритма стратегического планирования пространственного развития городов РФ. Применение методики оценки оптимального размера города для создания такого алгоритма станет одним из перспективных направлений будущих исследований.

Город, оптимальный размер города, методика оценки, городская экономика.

Введение в проблематику

Под влиянием глобализации и быстрой урбанизации происходит множество изменений в городских территориальных планировках, формах и организационной структуре. В результате в рамках страны и регионов формируются системы городской иерархии, состоящие из крупных, средних и малых городов с различными масштабами и функциями. Вопросы управления городской системой и необходимость разработки научно обоснованных рекомендаций для проведения социально-экономической политики муниципальным и региональным органам власти актуализируют проблематику оптимального размера города в пространственной экономике. В научной литературе присутствует консенсус относительно того факта, что чистые растущие доходы существуют до определенного городского размера. Действуют механизмы, которые переводят положительные внешние эффекты в отрицательные, в этом случае затраты на местонахождение возрастают. Оптимальное условие для совокупности системы достигается, когда городские предельные издержки равны предельным выгодам (до увеличения размера). Размер, при котором разница между кривыми средних выгод и затрат максимальна, соответствует (на душу населения) оптимальному размеру города.

На сегодняшний день в Российской Федерации насчитывается 1120 городов, размещенных по территории с разной степенью концентрации. В границах федеральных округов Российской Федерации наблюдается дисбаланс в их размерах. В большинстве городов численность населения не достигает 100 тыс. чел.: ЦФО – 85%, СЗФО – 93%, ЮФО – 81%, СКФО – 75%, ПФО – 84%, УФО – 85%, СФО – 84%, ДВФО – 85%². На территории Российской

Федерации отсутствуют города с численностью населения от 2000 до 5000 тыс. чел. Москва (12692 тыс. чел.) и Санкт-Петербург (5392 тыс. чел.) оторваны от стальной группы городов. Выявленная дифференциация обостряет социально-экономические проблемы регионов РФ, так как неравномерная система подвержена влиянию негативных факторов (внешнеэкономических, политических, экологических), в связи с чем возможна нестабильность в обществе. Данные факты обусловили цель исследования – разработать и апробировать методику определения оптимального размера города в современных российских условиях. Полученные результаты позволят идентифицировать города за пределами (или ниже) их теоретически определенного оптимального размера и могут быть использованы при формировании соответствующей стратегии пространственного развития иерархии городской системы региона.

Обзор литературы по теме исследования

На сегодняшний день существует ряд критических замечаний относительно теории «оптимального размера города». Города выполняют разные функции, имеют различную специализацию, следовательно, разные производственные возможности [1]. Р. Капелло с соавторами заключили, что возможная неоднородность размеров городов может быть связана с различными этапами развития [2]. Оптимальный размер города может меняться во времени под влиянием внешних факторов, структуры промышленного производства и роста кривой дохода, внедрения новых технологий с последующим падением транспортных цен. Различие между городами с точки зрения городских функций было выдвинуто Х. Ричардсоном в

² По данным Федеральной службы государственной статистики.

1970-х годах и формализовано в динамической модели, ориентированной на предложение [3]. Р. Капелло в теории оптимального размера города выделила две концептуальные парадигмы: «неоклассический город», интерпретируемый в рамках логики, основанной на модели Кристаллера, и «сетевую» парадигму города [4] (табл. 1).

Парадигма «неоклассический город» ограничивает теорию оптимального размера города, так как утверждает, что его размер определяется как равновесие между предельными выгодами производства и предельными затратами на местоположение. В неоклассическом подходе к теории городского местоположения городское равновесие достигается тогда, когда предельные выгоды от местоположения и затраты равны. В состоянии равновесия предельное снижение арендной платы в результате дальнейшей децентрализации компен-

сируется незначительным увеличением транспортных расходов. Результатом модели является безразличный выбор местоположения. Среди всех возможных местоположений доступ к центру компенсируется снижением арендной платы и повышением качества окружающей среды. Размер города в этом случае становится результатом рыночных сил, стремящихся к максимизации уровня полезности для жителей и прибыли для фирм. Развитие иерархических городских систем является результатом равновесия между различными силами: транспортными расходами, конкуренцией продуктов, эффектом масштаба, распределением места деятельности, стремлением к агломерационной деятельности в крупных городах из-за более низкой стоимости жизни. Р. Капелло заключает: «неоклассический город, интерпретируемый в логике Кристаллера», является теорией без эмпирического приме-

Таблица 1. Сравнительный анализ теоретических парадигм Р. Капелло

Элементы	Парадигма		
	оптимальный размер города	неоклассический город	сетевой город
Характеристика подхода	Эмпирический	Теоретический	Эмпирический и теоретический
Характеристика города	Неопределенный город (агрегированный)	Особый город	Специализированный город, связанный с большой городской системой
Характеристика городской системы	Не рассматривается	Иерархическая	Сетевая
Характеризующий элемент	Городской размер	Городской размер, интерпретируемый через городские функции	Анализ в пространственном контексте
Городская эффективность	Агломерационная экономика	Функциональная модернизация экономики	Сосуществование сетевых внешних факторов, экономики агломерации и функциональной модернизации
Результат анализа	Существует внутригородское равновесие, которое должно быть достигнуто	По определению существует внутригородское и междугородное равновесие	Существует внутригородское равновесие, которое может быть достигнуто через отношения между городами
Цели городской политики	Достижение внутригородского равновесия между затратами и выгодами, получаемыми через городское измерение	Система находится в равновесии	Достижение равновесия затрат и выгод за счет политики специализации и/или сетевая интеграция

Составлено по: Capello R., Nijkamp P. Urban dynamics and growth: Advances in urban economics. Amsterdam, 2004. 899 p.

нения. Достигнутый результат – модель, в которой общее равновесие городов отрицает существование их чрезмерных размеров или рост – на практике не существует.

Теоретическая новизна парадигмы «сетевой город» заключается в разрыве связи между размером города и городской функцией. Для каждой экономической функции, характеризуемой определенным порогом спроса и минимальным размером производства, также существует максимальный размер города, за пределами которого экономическая ситуация в городских районах преодолевает производственные выгоды; минимальные и максимальные размеры определяют интервал размеров города, в котором продукция производится в условиях эффективности (положительная чистая прибыль). Модель предполагает, что «эффективный» интервал размеров города существует отдельно для каждого иерархического ранга,

связанного с экономическими функциями. Для каждой экономической функции, характеризуемой определенным порогом спроса и минимальным размером производства, существует минимальный и максимальный размер города, за пределами которого экономическая ситуация в городских районах превышает производственные выгоды, типичные для этой функции.

Целесообразно рассмотреть городскую форму и ее значимость для городской эффективности. Городская форма является «оптимальной», когда она позволяет городам расти в физическом выражении с наименьшими социальными и экологическими затратами и максимальными социальными и экономическими выгодами [2]. Рассеянная городская форма увеличивает экологические издержки, связанные с более высокой мобильностью на личных автомобилях, легко порождает социальную сегрегацию и огра-

Таблица 2. Методологические подходы к оценке оптимального размера города Р. Капелло

№ п/п	Характеристика	Метод		
		совокупная функция городского производства	отраслевая производственная функция на городском уровне	анализ арендной платы и разницы в заработной плате
1	Уровень анализа	Городской (совокупный)	Отраслевой	Городской (совокупный)
2	Методология	Оценка производственной функции на городском уровне	Оценка отраслевой продукции на городском уровне	Оценка причин дифференцированной аренды и заработной платы
3	Пределы методологии	Все города имеют одинаковые производственные функции	Отраслевая структура	Высокая городская рента и заработная плата отражают более высокий уровень производительности
4	Критики методологии	Города разного размера не могут иметь одинаковую производственную функцию	Отраслевой анализ не отражает урбанизацию	Высокая заработная плата и арендная плата могут компенсировать высокие социальные и экологические издержки
5	Результат	U-образная кривая затрат. Более высокая производительность труда в крупных городах	Значительная экономия от масштаба в разных секторах	Более высокая заработная плата и арендная плата в крупных городах
6	Авторы	W. Alonso (1971) [5], W. Hirsch [6], K. Mera (1973) [7], J. Henderson (1974) [8]	E. Mills (1970) [9], D. Shefer (1973) [10], G. Carlino (1980) [11], R. Moomaw (1983) [12], L. Sveiskauskas [et al.] (1988) [13]	V. Fuchs (1967) [14], I. Hoch (1972) [15], S. Rosen (1979) [16], J. Henderson (1982) [17], J. Burnell and G. Galster (1992) [18], H. Herzog and A. Schlottmann (1993) [19]

Составлено по: Capello R., Nijkamp P. Urban dynamics and growth: Advances in urban economics. Amsterdam, 2004. 899 p.

ничивает межличностное взаимодействие. Индекс землепользования, рассчитанный французским агентством d'Urbanisme, показывает, что в период с 1950 по 1975 год в 22 городских районах Франции численность населения выросла вдвое, а занимаемая территория увеличилась лишь на 20–30%; однако в период с 1975 по 1990 год численность населения увеличилась на 25%, а территория, занятая городскими районами, удвоилась [3]. Исследователи подсчитали общую стоимость разрастания городов; например, в регионе Ломбардия, в столичном районе Милана, анализ 186 муниципалитетов показывает «расточительный» характер растягивающихся моделей развития с точки зрения землепользования, государственных расходов на инфраструктуру и услуги и коллективных экологических расходов, связанных с городской мобильностью [2]. Города являются сопоставимыми, разделяя общие функции затрат и выгод, что позволяет проводить перекрестный эмпирический анализ и учитывать другие детерминанты городских выгод и затрат, выходящих за рамки чистого города. Каждый город сохраняет свою собственную специфику, и ему присваивается свой собственный «равновесный» размер в эконометрической модели, полученной путем приравнивая предельных издержек и выгод к размеру города.

Теория оптимального размера города подтверждена обширными эмпирическими исследованиями зарубежных ученых, методологию которых систематизировала Р. Капелло (табл. 2).

П. Бурнетт (2016 год) представил модель среднесрочного равновесия, которое возникает после того, как все промежуточные эффекты произошли в городе, но до того, как долгосрочные эффекты равновесия осуществились в нескольких городах. Расчетный оптимальный размер города достигается при максимальном реальном доходе на одного работника [20]. Модель вычислимого общего равновесия (модель ВОР) представляет собой набор уравнений, которые характеризуют отношения между субъектами в рамках местной экономики и региона /

остального мира, что позволяет проводить количественную оценку экзогенных изменений в системе [20]. Местная экономика состоит из производственных секторов, домашних хозяйств и местного самоуправления. Структура модели П. Бурнетта представлена на рис. 1.

Модель П. Бурнетта имеет 17 производственных секторов, которые максимизируют прибыль и факторный спрос на землю (ФСЗ), капитал (ФСК) и труд (ФСТ), с разбивкой труда по заработной плате на низкую (менее 20000 долларов США), среднюю (20000–50000 долл. США) и высокую (более 50000 долл. США). Продукция продается на конкурентных рынках при постоянной отдаче от масштаба с мобильными факторами производства [20].

П. Бурнетт оценил перевернутую U-образную зависимость реального дохода на одного работника и размера города (г. Форт-Коллинз, Колорадо). По мере уменьшения размера города домохозяйства с высоким доходом мигрируют, поскольку их реальный доход падает по сравнению с домохозяйствами с низким доходом. Домохозяйства с низким доходом начинают видеть рост своего реального дохода, когда более высокая заработная плата преодолевает затраты на размещение. Разрастание городов и увеличение числа поездок на работу могут уменьшить неэффективность перенаселения, а также рост экспорта в розничной торговле (например торговые центры). Результаты показывают, что город с относительно большим количеством розничной торговли или высоким уровнем обслуживания имеет больший оптимальный размер, чем город с более традиционным производством или производством с высокой заработной платой.

По результатам анализа зарубежной литературы можно заключить, что оптимальный размер города – это прогнозируемый размер численности населения, который достигается при условии равенства затрат и получаемых выгод от расположения на территории данного города.

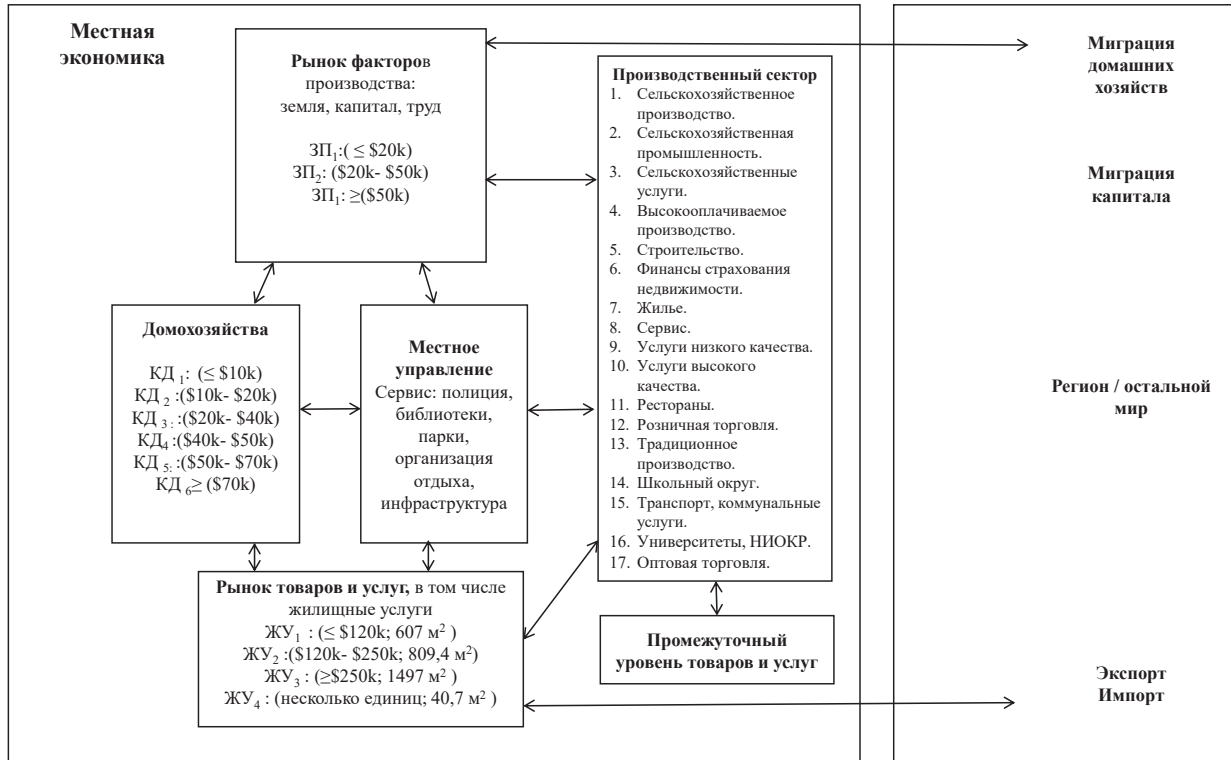


Рис. 1. Структура модели общего равновесия П. Бурнетта

Методические основы исследования

На сегодняшний день в российской экономической литературе отсутствуют методические подходы к оценке оптимального размера города. Для разработки выше обозначенной методики в нашей работе будем использовать инструментарий зарубежных ученых с учетом возможностей российской статистической базы.

За основу методики оценки оптимального размера города возьмем модель равновесного размера города, предложенную Р. Капелло, которую путем модификации показателей адаптируем к современным российским условиям [2]:

$$\ln(\text{размер}) = \frac{\ln \frac{\kappa}{\alpha}}{\alpha - \kappa} + \frac{\zeta}{\alpha - \kappa} \ln(\text{услуги}) + \frac{\vartheta}{\alpha - \kappa} \ln(\text{диверсификация}) + \frac{\chi}{\alpha - \kappa} \ln(\text{плотности}) + \frac{\mu}{\alpha - \kappa} \ln(\text{функции}) + \frac{\nu}{\alpha - \kappa} \ln(\text{инфраструктуры}) - \frac{\beta}{\alpha - \kappa} \ln(\text{аренда}) - \frac{\delta}{\alpha - \kappa} \ln(\text{неудобства}) - \frac{\gamma}{\alpha - \kappa} \ln(\text{разрастания}) \quad (1)$$

Оптимальный размер города зависит от городских характеристик. Традиционные (удобства, человеческий капитал, диверсификационная экономика) и нетрадиционные (наличие функций высокого уровня и инфраструктура) факторы являются драйверами городского роста, продвигая вверх по функции предельной выгоды и достигая физического равновесия, увеличивая размер на E_2 (рис. 2). Противоположная картина наблюдается, когда негативные факторы (социальные конфликты, высокая городская аренда) увеличивают предельные издержки на местоположение, уменьшая размер физического равновесия до E_3 (рис. 3).

Ввиду слабо развитой в РФ муниципальной статистики и отсутствия ряда показателей, представленных в зарубежных работах, для оценки оптимального размера городов проведена модификация показателей модели вышеупомянутых авторов (табл. 3).

В исследовании базовым годом определен 2013 год, так как за данный период имеется максимальный объем стати-

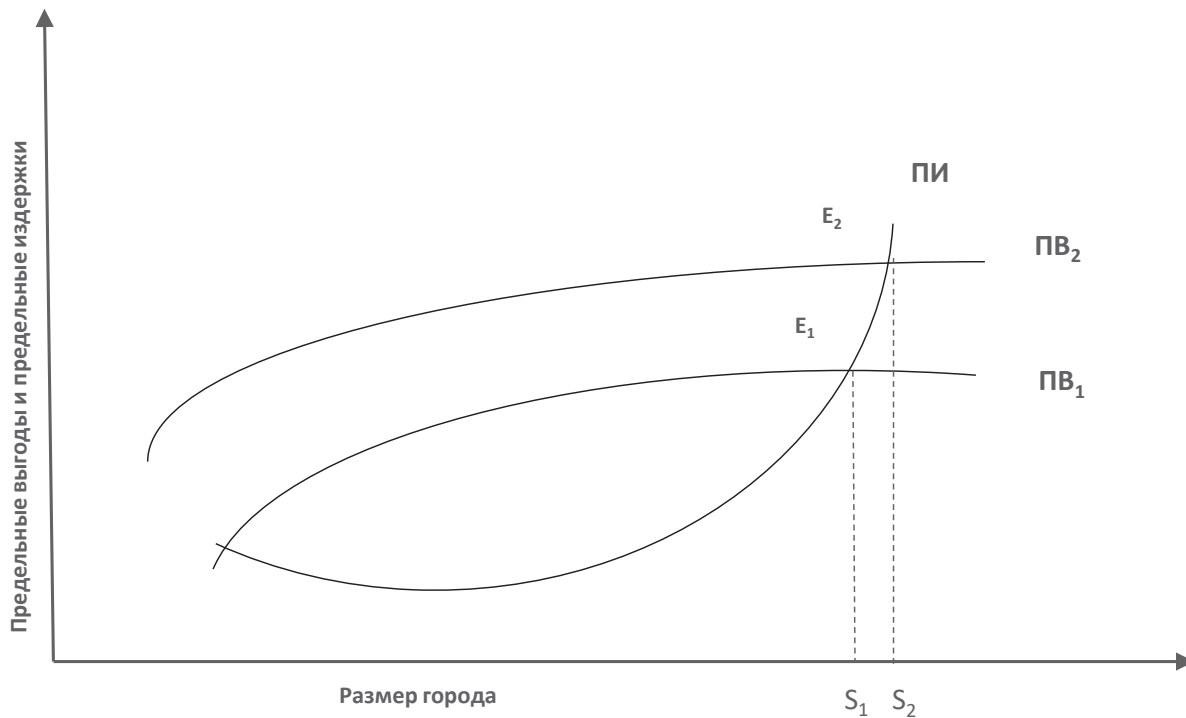


Рис. 2. Вертикальные сдвиги в равновесных размерах городов на преимущества предельного местоположения

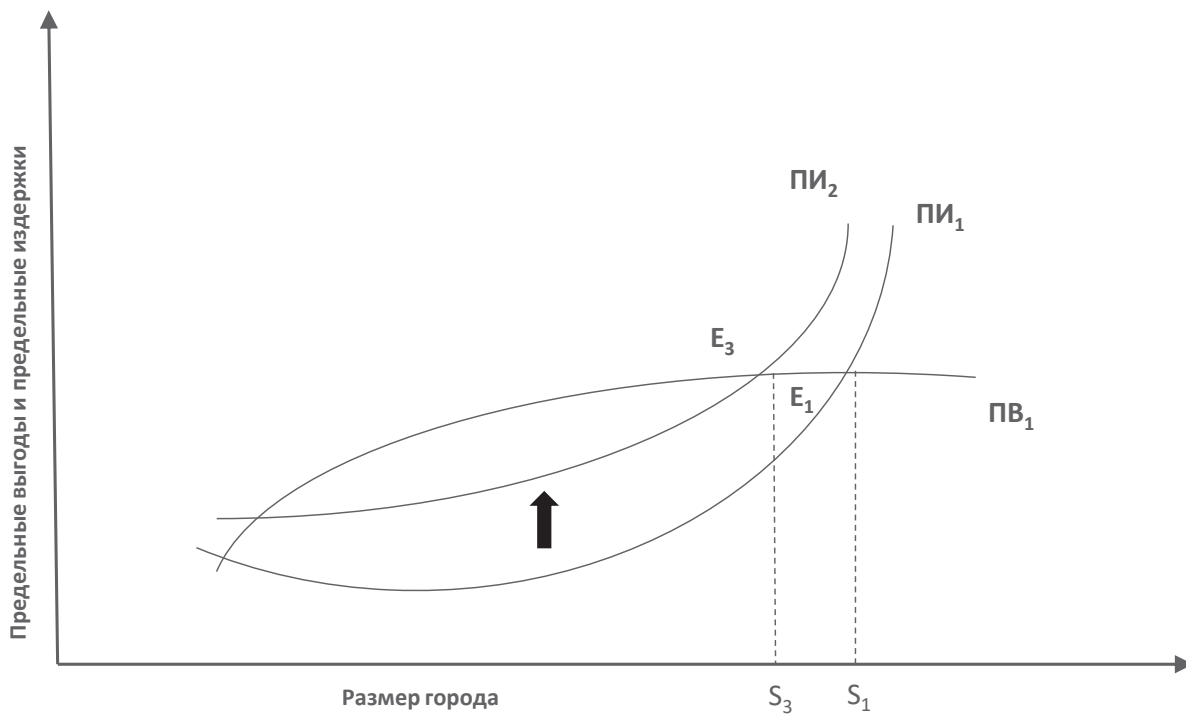


Рис. 3. Вертикальные сдвиги в равновесных размерах городов по предельным издержкам

Таблица 3. Показатели оценки оптимального размера города в РФ

Тип переменной	Класс переменной	Переменная	Показатель	Период	Источник данных
Зависимая	Физический размер города	Величина	Численность населения	2013–2016 гг.	Федеральная служба государственной статистики
Независимая	Традиционные городские выгоды				
	Качество жизни	Коммунальное благоустройство (удобства)	1. Объем санаторно-оздоровительных и туристско-рекреационных услуг на душу населения	2013 год	МСП «Мультистат» (БД «Экономика городов России»)
	Городское творчество	Диверсификация	1. Индекс специализации по показателю «добыча полезных ископаемых»; 2. Индекс специализации по показателю «обрабатывающее производство»	2013 год	МСП «Мультистат» (БД «Экономика городов России»)
	Агломерация экономики	Плотность	Плотность населения	2013 год	МСП «Мультистат» (БД «Экономика городов России»)
Независимая	Традиционные городские затраты				
	Стоимость города	Аренда	Квартплата за жилье в домах муниципальной собственности	2013 год	МСП «Мультистат» (БД «Экономика городов России»)
	Социальные конфликты	Неудобства	Кол-во зарегистрированных преступлений на 10000 чел.	2013 год	МСП «Мультистат» (БД «Экономика городов России»)
	Нетрадиционные городские выгоды				
	Городские функции	Городские функции	Доля микробиологической и медицинской промышленности	2013 год	МСП «Мультистат» (БД «Экономика городов России»)
	Нетрадиционные городские затраты				
	Некомпактная городская форма	Растягивание	Процент неурбанизированной территории	2013 год	МСП «Мультистат» (БД «Экономика городов России»)
Источник: составлено автором.					

стических данных в МСП «Мультистат» (БД «Экономика городов России»). Все переменные использовались по значению их натурального логарифма. Зависимая переменная – равновесный размер города (численность населения города 2013–2016 гг.). В табл. 4 представлены основные описательные статистические данные для всех

переменных, используемых в эмпирической оценке модели.

Для проведения исследования была сформирована выборка, в состав которой включены города из различных федеральных округов: пять городов Центрального федерального округа с численностью населения от 53,6 до 12325 тыс. чел.; три

Таблица 4. Описательная статистика для переменных, включенных в эмпирический анализ

	Количество наблюдений	Медиана	Среднее	Минимум	Максимум
Объем санаторно-оздоровительных и туристско-рекреационных услуг на душу населения, руб.	34	3848	35767	103	697050,7
Индекс специализации по показателю «добыча полезных ископаемых»	34	0,09	0,4	0,02	3,5
Индекс специализации по показателю «обрабатывающее производство»	34	1,09	1,05	0,05	2,6
Плотность населения, чел./м ²	34	15,5	16	1	32
Квартплата за жилье в домах муниципальной собственности, тыс. руб.	34	2,8	3,6	1,2	9,6
Кол-во зарегистрированных преступлений на 10000 чел., ед.	34	112	1827	16	17199
Доля микробиологической и медицинской промышленности, %	34	0,3	1,8	0,09	22,8
Процент неурбанизированной территории, %	34	23	25	10	55
Составлено по: данные МСП «Мультистат» (БД «Экономика городов России»)					

города Северо-Западного федерального округа – от 43,8 до 5220 тыс. чел.; четыре города Южного федерального округа – от 13,1 до 1017 тыс. чел.; два города Северо-Кавказского федерального округа – от 6,9 до 287 тыс. чел.; шесть городов Приволжского федерального округа – от 16 до 1266 тыс. чел.; четыре города Уральского федерального округа – от 151 до 1483 тыс. чел.; четыре города Сибирского федерального округа – от 179 до 1173 тыс. чел.; шесть городов Дальневосточного федерального округа – от 33,8 до 606 тыс. чел. (рис. 4).

Результаты авторского исследования

В табл. 5 представлены результаты оценки оптимального размера города в РФ.

Полученные расчетные данные подтвердили теоретические гипотезы и продемонстрировали схожий с зарубежными исследованиями результат (Р. Капелло, 2013 год). Первая модель представляет собой простую регрессию, где оптимальный размер города объясняется удобствами, которые объединяют объем санаторно-курортных и туристско-рекреационных услуг в расчете на душу населения. Расчеты

показывают значительную положительную взаимосвязь объемов обозначенных выше услуг и размера города, в таком случае санаторно-курортные и туристско-рекреационные услуги являются показателем чистых городских преимуществ. Оценка влияния традиционных выгод на оптимальный размер города (модель 2) подтверждает, что более высокая плотность становится источником более высоких равновесных размеров, как утверждается в теоретической литературе.

Когда в модель помимо традиционных включаются нетрадиционные факторы выгод (модель 3), результат получается ожидаемым и значимым. Расчеты демонстрируют, что более высокий коэффициент специализации обрабатывающего производства является одним из факторов более низких равновесных размеров городов. Такие показатели, как объем санаторно-оздоровительных и туристско-рекреационных услуг на душу населения и доля микробиологической и медицинской промышленности, – источник более высоких равновесных размеров.

Когда в регрессию включаются как традиционные, так и нетрадиционные затраты на размер города, результаты имеют ожи-

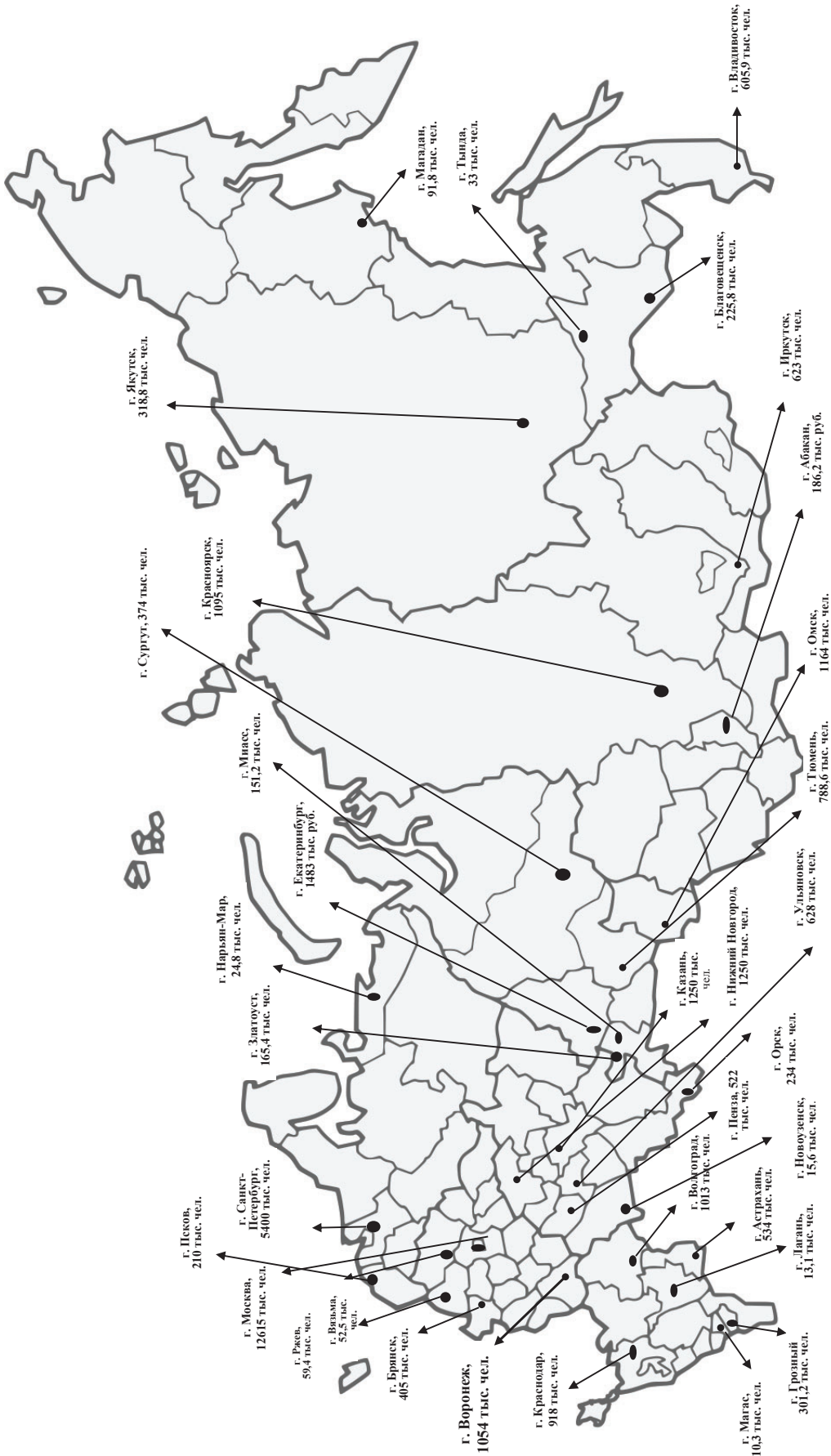


Рис. 4. Выборка городов РФ для оценки оптимального размера

Таблица 5. Эмпирические результаты оценки оптимального размера города РФ

	Model 1	Model 2	Model 3	Model 4	Model 5	Model 6
Constant	8,5 (0,7)***	9,1 (0,8)***	9,2 (0,9)***	15,5 (0,8)***	20 (0,9)***	21,3 (1,5)***
Объем санаторно-оздоровительных и туристско-рекреационных услуг на душу населения	0,5 (0,1)***	0,5 (0,1)***	0,5 (0,1)***			0,5 (0,03)***
Индекс специализации по показателю «добыча полезных ископаемых»		0,2 (0,2)	0,2 (0,1)			-0,4 (0,1)*
Индекс специализации по показателю «обрабатывающее производство»		-0,4 (0,2)	-0,7 (0,2)*			0,9 (0,2)
Плотность населения		0,1 (0,3)*	0,1 (0,3)			-0,1 (0,1)*
Квартплата за жилье в домах муниципальной собственности				-0,3 (0,4)*	-0,6 (0,5)	-3,4 (0,3)**
Кол-во зарегистрированных преступлений на 10000 чел.				-0,4 (0,1)***	-0,5 (0,1)***	-0,1 (0,1)*
Доля микробиологической и медицинской промышленности			0,5 (0,3)*			0,4 (0,2)*
% неурбанизированной территории					-1 (0,6)*	-2,3 (0,3)*
R ²	0,7	0,6	0,6	0,5	0,6	0,9
F-тест	38,6	4,7	21	9	6,5	22,3
Стандартная ошибка	0,7	0,8	0,8	1	0,9	0,2
Кол-во наблюдений	34	34	34	34	34	34
<p>Рассчитано по: данные Федеральной службы государственной статистики и МСП «Мультистат» (БД «Экономика городов России»).</p> <p>Стандартные ошибки указаны в скобках.</p> <p>* Уровень значимости ошибки 10%.</p> <p>** Уровень значимости ошибки 5%.</p> <p>*** Уровень значимости ошибки 1%.</p>						

даемый отрицательный и значимый знак (модели 4 и 5). Квартплата за жилье в домах муниципальной собственности сохраняет отрицательный знак, даже когда теряет значимость. Модель 6 представляет полную спецификацию формулы 1 (достоверность подтверждает высокий коэффициент детерминации – 0,9) и приводит к следующим выводам:

– агломерационная экономика, измеряемая плотностью населения, имеет отрицательное значение для равновесного размера города;

– квартплата за жилье в домах муниципальной собственности после вычета ее взаимосвязи другими переменными выгоды и стоимости является самой высокой стоимостью для городского населения, отраженной в оценке наивысшего параметра в окончательной модели;

– индикаторы нетрадиционных городских выгод и затрат значимы и имеют ожидаемый знак.

Эмпирические результаты позволяют нам сравнивать городское население, предсказанное моделью, с фактическим населением для каждого города. Таким образом, проведем идентификацию городов за пределами (или ниже) их теоретически определенного размера равновесия (рис. 5).

Диапазон разницы составляет от 32 (г. Магадан) до 176% (г. Нижний Новгород). Большая доля обследуемых городов имеет размер ниже «оптимального», что подтверждает наличие у них потенциала для роста. Полученные результаты позволяют заключить, что потенциал роста имеют большие, крупные города и города-миллионники. Исключением является Москва, фактический размер которой превышает

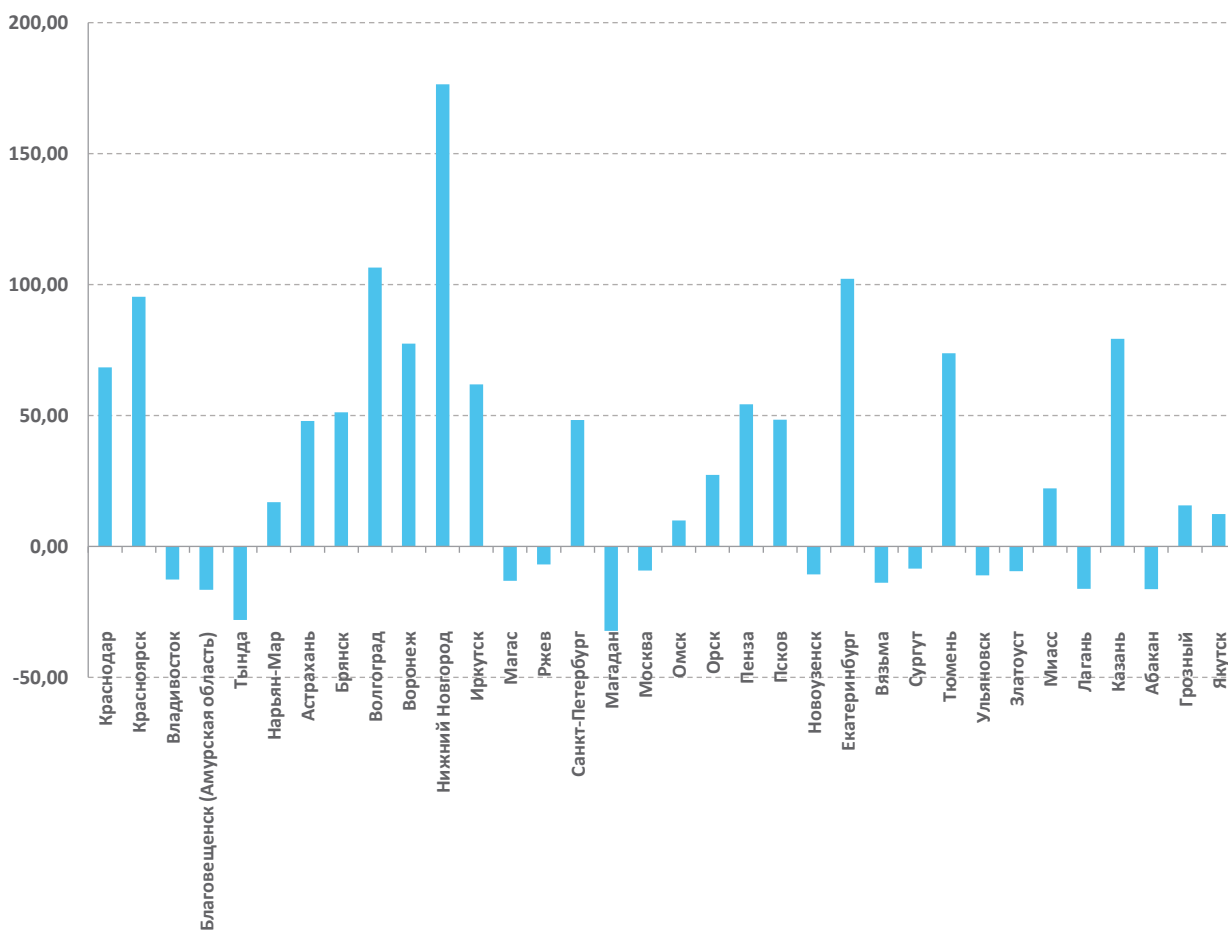


Рис. 5. Прогнозируемый городской «оптимальный» размер, % от фактического размера

«оптимальный» на 9%. Напротив, фактический размер средних и малых городов выше «оптимального», что объясняется низким качеством жизни и слабым развитием нетрадиционных городских выгод.

Заключение

Предлагаемая в данной работе методика оценки оптимального размера города опирается на научно обоснованную, проверенную теоретическую базу зарубежных исследователей. Методика призвана создать новые, отсутствующие на данный момент в региональной экономике РФ теоретические и практические механизмы определения оптимальных, эффективных городских размеров в целях развития теории городской экономики.

Для этого решены следующие задачи:

1) проведен детальный анализ методов определения оптимального размера города в зарубежной литературе;

2) разработана методика определения оптимального размера города в Российской Федерации с учетом особенностей региональной экономики и доступности статистических данных;

3) авторская методика апробирована на выборке городов РФ, проведена идентификация городов за пределами (или ниже) их теоретически определенного оптимального размера.

Результат проведенного исследования (авторская методика определения оптимального размера города) может быть использован для разработки управленческих рекомендаций для городских систем регионов РФ:

- формирование научно обоснованных планов по созданию и размещению объектов производственной деятельности, инженерной и социальной инфраструктуры в городах;
- обоснование целесообразности создания транспортного сообщения между горо-

дами для развития трудовой миграции населения;

– формирование алгоритма стратегического планирования пространственного развития городов РФ.

Материал проведенного исследования может быть полезен ученым, занимающимся вопросами роста и размещения городов в пространственной экономике, а также органам региональной и муниципальной власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Henderson J. Evaluating Consumer Amenities and Interregional Welfare Differences. *Journal of Urban Economics*, 1982, vol. 11, pp. 32–59.
2. Camagni R., Capello R., Caragliu A. One or infinite optimal city sizes? In search of an equilibrium size for cities. *Scienze Regionali*, 2013, vol. 12 (3), pp. 53–88.
3. Camagni R., Diappi L., Leonardi G. Urban growth and decline in a hierarchical system: a supply-oriented dynamic approach. *Regional Science and Urban Economics*, 1986, vol.16 (1), pp. 145–160.
4. Capello R., Nijkamp P. *Urban dynamics and growth: Advances in urban economics*. Amsterdam, 2004. 899 p.
5. Alonso W. The Economics of Urban Size. *Papers and Proceedings of the Regional Science Association*, 1971, vol. 26, pp. 67–83.
6. Hirsch W.Z. The Supply of Urban Public Services. In: H. Perloff, L. Wingo (eds.). *Issues in Urban Economics*. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1968. Available at: <https://sci-hub.tw/https://doi.org/10.1111/j.1467-9299.1992.tb00942.x>
7. Mera K. On the urban agglomeration and economic efficiency. *Economic Development and Cultural Change*, 1973, vol. 21, pp. 309–324.
8. Henderson J. The sizes and types of cities. *The American Economic Review*, 1974, vol. 64, pp. 640–656.
9. Mills E. Urban density functions. *Urban Studies*, 1970, vol. 7, pp. 5–20.
10. Shefer D. Localization economies in SMSA'S: a production function analysis. *Journal of Regional Science*, 1973, vol. 13, pp. 55–64.
11. Carlino G. Contrast in agglomeration: New York and Pittsburgh reconsidered. *Urban Studies*, 1980, vol. 17, pp. 343–351.
12. Moomaw R. Is population scale worthless surrogate for business agglomeration economies? *Regional Science and Urban Economics*, 1983, vol. 13, pp. 525–545.
13. Sveiskauskas L., Gowdy J., Funk M. Urban productivity: city size or industry size. *Journal of Regional Science*, 1988, vol. 28 (2), pp. 185–202.
14. Fuchs V. *Differentials in hourly earnings by regions and city size*. Available at: <https://www.nber.org/chapters/c1257.pdf>
15. Hoch I. Income and city size. *Urban Studies*, 1972, vol. 9, pp. 299–328.
16. Rosen S. Wage-based indices of urban quality of life. P. Mieszkowski, M. Straszheim (eds.). *Current Issues in Urban Economics*, Johns Hopkins University Press, Baltimore, 1979. Pp. 74–104.
17. Henderson J. Evaluating consumer amenities and interregional welfare differences. *Journal of Urban Economics*, 1982, vol. 11, pp. 32–59.
18. Burnell J., Galster G. Quality-of-life measurements and urban size: an empirical note. *Urban Studies*, 1992, vol. 29 (5), pp. 727–735.
19. Herzog H., Schlottmann A. Valuing amenities and disamenities of urban scale: can bigger be better? *Journal of Regional Science*, 1993, vol. 33 (2), pp. 145–165.
20. Burnett P. Overpopulation, optimal city size and the efficiency of urban sprawl. *Rev. Review of Urban and Regional Development Studies*, 2016, vol. 28 (3), pp. 143–161. DOI: 10.1111/rurd.12051

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Инна Владимировна Манаева – кандидат экономических наук, доцент, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение «Белгородский государственный национальный исследовательский университет». Российская Федерация, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85; e-mail: in.manaeva@yandex.ru

Manaeva I.V.

METHODOLOGY OF THE OPTIMAL CITY SIZE DETERMINING

Since the 1960s, foreign urban economists and geographers have been working on the problems related to the determining the optimal size of a city. There is a consensus in the scientific literature that net rising incomes exist until a certain urban size. The purpose of the research is to develop and test a methodology of determining the optimal size of a city in modern Russian conditions. The scientific novelty of the study consists in the identification of cities beyond (or below) their theoretically identified optimal size. The tasks of the research are to conduct a detailed analysis of methods for the optimal city size determining in foreign literature; to develop and test a methodology for determining the optimal size of a city in Russia, taking into account the characteristics of the regional economy and the availability of statistical data. Using the available data from the municipal statistics of the Russian Federation, the authors consider the indicators of the optimal city size, and identify traditional and non-traditional urban benefits and costs. The method was tested on a sample of Russian cities, five of which are located in the Central Federal district, three in the North–Western, four in the Southern, two in the North Caucasus, six in the Volga, four in the Ural, four in the Siberian, and six in the Far Eastern Federal districts. After comparing the empirical results predicted by the model with the actual population for each city, the authors conclude that the difference range is from 32 (the city of Magadan) to 176% (the city of Nizhny Novgorod). A large proportion of the cities surveyed are below the “optimal” size, which confirms that they have potential for growth. The practical significance of the results obtained is to provide the possibility to create a methodological tool for evaluating urban systems in the region, which can become the basis for developing an algorithm for strategic planning of spatial development of cities in the Russian Federation. Using the methodology of the optimal city size estimating to create such an algorithm will be one of the promising areas of future research.

City, optimal city size, estimation methodology, urban economy.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

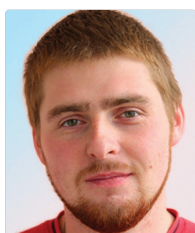
Inna V. Manaeva – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Federal State Autonomous Educational Institution “Belgorod State National Research University”. 85, Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russian Federation; e-mail: in.manaeva@yandex.ru

DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.4

УДК 332.12 | ББК 65.9(2Рос)-98

© Румянцев Н.М.

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ¹



НИКИТА МИХАЙЛОВИЧ РУМЯНЦЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: rumyanik.95@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5660-8443

Исследования структуры экономики и происходящих в ней изменений в настоящее время приобретают особую актуальность ввиду тесной корреляции с экономическим ростом. Такую тенденцию отмечают как ученые-теоретики, так и управленцы-практики. На региональном уровне эти вопросы оказываются еще острее из-за быстротекущих изменений и менее разработанного инструментария управления структурными трансформациями экономики. В статье поставлена проблема анализа структурных трансформаций региональных социально-экономических систем. Изучены основные теоретические предпосылки структурных исследований в трудах крупных зарубежных и отечественных экономистов. Проведен краткий обзор современных публикаций, близких к теме работы, выявлены области, требующие дополнительных научных изысканий. Представлен анализ структуры экономических систем регионов Европейского Севера России – отраслевой, территориальный, воспроизводственный и технологический. Выделен ряд статистических и расчетных показателей, на основании которых осуществлялся анализ структурных сдвигов в экономике. Оценена интенсивность структурных преобразований экономики в регионах Европейского Севера Российской Федерации с использованием интегрального показателя, результаты представлены графически. Исследование комплексно охватило большинство основных подходов к структуре экономики регионов, за исключением институционального среза, который в дальнейшем будет выне-

Для цитирования: Румянцев Н.М. К вопросу о структурных трансформациях экономики регионов // Проблемы развития территории. 2020. № 3 (107). С. 59–71. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.4

For citation: Rumiantssev N.M. Revisiting structural transformations of the regional economy. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 3 (107), pp. 59–71. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.4

¹ Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № 0168-2019-0005 «Исследование факторов и методов устойчивого развития территориальных систем в изменяющихся мировых геополитических и геоэкономических условиях».

сен в отдельное исследование ввиду сложности текущей оценки. Проведен ретроспективно-компаративный анализ структурных преобразований в региональных социально-экономических системах Европейского Севера России. Сделаны выводы касательно предполагаемых инструментов управления для устранения отраслевых и территориальных диспаритетов, стимуляции внутреннего спроса и увеличения нормы накопления, а также модернизации экономики с целью перехода к более высоким технологическим укладам и удлинению цепочек добавленной стоимости в региональной экономике. Отмечена важность сбалансированности структурной политики, описаны меры структурно-инвестиционной политики, направленные на сбалансированный экономический рост. Вклад данного исследования в науку заключается в выявлении современных тенденций протекания социально-экономических процессов и структурных сдвигов в экономике регионов Европейского Севера России.

Трансформация, структура экономики, диспаритет, отрасль, регион, структурные изменения, Европейский Север России.

**Введение:
постановка проблемы
и ее актуальность**

Важность внесения изменений в модель функционирования народного хозяйства через структурную политику указана в документах многих экономических групп, пытающихся укрепить каркас долгосрочной экономической политики в Российской Федерации. Одними из наиболее важных факторов развития российской экономики являются масштаб и скорость преобразования отраслевой структуры выпуска и следующие за этими трансформациями колебания пропорций доходов и цен.

В конце 2019 года на встрече с Правительством Президент РФ В.В. Путин заявил, что «достигнутых российской экономикой темпов приращения ВВП недостаточно, необходимо как увеличивать скорость роста экономики, так и работать над улучшением ее структуры»².

Ученые-экономисты давно отмечают взаимосвязь между изменением структуры экономических систем и их ростом. В последнее десятилетие стал особенно важен вопрос, как изменение в структуре экономики может повлиять на экономический рост. И в развитых, и в развивающихся странах происходят значительные сдвиги в структуре производства, доходов и цен. Совершенствование технологий и измене-

ние принципов международной торговли усиливают эти процессы [1].

Современная экономика крупных стран представляет собой сложную многоуровневую систему. Для формирования эффективного механизма управления экономикой уже недостаточно рассматривать в качестве объекта экономической политики только макроэкономические системы. В связи с этим необходимо анализировать структурные трансформации именно на региональном уровне.

Основная цель статьи – анализ структурных изменений в региональных экономических системах. Объект исследования – структура экономик регионов Европейского Севера России, предмет – ее изменения. Цель предопределяет такие задачи, как изучение имеющихся трудов, посвященных структурным трансформациям, создание методического подхода к оценке изменения в структуре экономики, рассмотрение структурных сдвигов экономик регионов Европейского Севера России, а затем формирование рекомендаций по управлению преобразованиями экономики.

**Теоретические предпосылки
исследования структурной
трансформации экономики**

Структурализм как самостоятельное теоретическое направление сформировался

² Самофалова О. От российской экономики в 2020 году ждут большего // Взгляд. URL: <https://vz.ru/economy/2020/1/13/1013102.html>

ближе к 90-м годам XX века под влиянием социально-экономической дифференциации развитых и развивающихся стран. Он объяснял разрывы в экономическом развитии несбалансированной структурой экономики, предлагая различные методы структурной политики для устранения диспаритета развития и стабилизации экономического роста [2].

Существует значительное количество исследований в области структурных преобразований в региональной экономике и управления ими как одним из направлений государственной политики. Так, например, в работах С.А. Тереховой и А.А. Широа изучаются вопросы механизма трансформации экономики и управления процессами структурных преобразований [1; 3]. В них отмечается необходимость администрировать структурные изменения именно на региональном уровне, т. к. текущие инструменты экономической политики не позволяют достигать необходимых темпов экономического роста. Невозможно достичь желаемых результатов в укреплении народного хозяйства без внедрения структурного фактора экономической динамики.

Многие работы по анализу структурных сдвигов чаще всего исследуют лишь отраслевой аспект структуры региональной экономики. Это может приводить к неточным выводам при оценке трансформации региональной социально-экономической системы. Однако ряд ученых, к примеру

С.В. Дохолян и его коллеги, рассматривают структуру экономики как совокупность различных составляющих (табл. 1), что позволяет сформировать более полные и точные выводы относительно изменений, происходящих в хозяйственной деятельности [4; 5].

О.С. Сухарев уделяет значительное внимание структурной динамике экономики. Так, он рассмотрел ряд теоретических вопросов, связанных с анализом структурных сдвигов, указал группы факторов, оказывающих прямое влияние на реструктуризацию экономики, создал эконометрический и математический аппарат для анализа структурных трансформаций экономики на национальном уровне, а также определил взаимосвязь между изменениями структуры и инвестициями [6; 7].

Вопросами трансформации зарубежных экономик и рассмотрением возможности переноса опыта на российские реалии занимались такие крупные исследовательские коллективы, как группа ученых-регионалистов Института экономики РАН во главе с С.П. Глинкиной и коллектив исследователей Центра инновационной экономики и промышленной политики Института экономики РАН во главе с Е.Б. Ленчук [8; 9].

Некоторые отечественные и зарубежные экономисты считают трансформацию структуры экономики старопромышленных регионов основным направлением стабилизации их развития [10–13]. В рамках рассмотрения

Таблица 1. Типы экономических структур

Тип структуры	Признак
Отраслевая	Соотношение отраслей в экономике страны либо региона
Региональная	Соотношение размещенных производительных сил
Воспроизводственная	Деление общественного продукта по функциональному и стоимостному содержанию и соответствующее деление производства на два подразделения
Секторальная	Соотношение институциональных единиц с учетом форм собственности и видов деятельности
Технологическая	Соотношение элементов производственного процесса: средств труда, предметов труда и рабочей силы, обусловленных характером производственных операций

Составлено по: Доржиева В.В. Особенности структурных преобразований российской экономики: отраслевой и технологический аспект // Вестник НГИЭИ. 2018. № 8 (87). С. 103–114; Дохолян С.В., Петросянц В.З., Садыкова А.М. Особенности структурных преобразований в трансформационной экономике // Вопросы структуризации экономики. 2008. № 1. С. 36–43.

структурных сдвигов в экономике и методологических аспектов анализа структурной трансформации экономических систем проводили исследования такие ученые, как Б.А. Замараев и Т.Н. Маршова, И.А. Елхина, Т.В. Ускова и Е.В. Лукин, А.Е. Мельников, коллектив исследователей ИНП РАН во главе с В.В. Ивантером и др. [2; 6; 12–15].

Однако существует ряд проблем, недостаточно проработанных в научной литературе, но при этом имеющих научно-практическую ценность. В частности, таким вопросом является рассмотрение преобразований региональных экономик и методов оценки этих трансформаций. Имеет смысл для обоснования структурной политики провести предварительный анализ с целью выяснения уязвимых мест в структуре региональной социально-экономической системы. В связи с этим наше исследование будет посвящено анализу структурных преобразований экономических систем регионов Европейского Севера России, причем будет проведен как компаративный анализ регионов, так и ретроспективный, что позволит составить более полную картину касательно интенсивности процессов структурных преобразований в региональной экономике.

Для того чтобы приступить к аналитической части, необходимо обозначить точку зрения относительно понятий, применяемых в исследовании. При анализе используются такие термины, как структурные трансформации, структурные сдвиги и структурные преобразования, которые в рамках данной работы считаются тождественными. Под этим явлением мы понимаем перераспределение ресурсов системы между элементами экономической структуры.

Методологическая база исследования

Проведем оценку структурных изменений в экономике регионов Европейского Севера России. Выбор регионов обусловлен

схожей отраслевой структурой, в большинстве из них присутствует олигоструктурность³ – преобладание в создании валового регионального продукта и формировании добавленной стоимости двух или трех крупных отраслей. Так, например, в Вологодской области доминируют черная металлургия и химическая промышленность.

Методологическая база оценки структурных трансформаций региональной экономики насчитывает значительное количество методов анализа:

- метод построения производственных функций [16];
- эконометрические методы [17];
- экономико-статистические методы;
- структурный анализ;
- регрессионный анализ;
- расчет коэффициентов ценовой эластичности выпуска в регионах РФ;
- факторный анализ и др. [18; 19].

При изучении структурных преобразований региональных экономических систем будет использована индексная оценка структурных сдвигов как экономико-статистический метод. Основным направлением исследования станет анализ структурных различий во временном промежутке. Этот подход апробирован во многих работах, но использовался для анализа отдельных срезов структуры экономики [12–14; 20; 21].

Имеется ряд подходов к оценке структурных сдвигов с использованием индекса Херфиндаля – Хиршнера, индекса энтропии, а также интегральных индексов, предложенных К. Гатевым, А. Салаи и В.М. Рябцевым.

Преимущества и недостатки этих показателей рассмотрены ранее [14]. Основываясь на данных указанного выше исследования, будем использовать индекс В.М. Рябцева (формула 1). Он определяется как отношение фактической меры расхождений значений компонент двух структур с их максимально возможным значением⁴:

³ Многие исследователи называют такую ситуацию моноструктурностью экономики, однако мы считаем, что при наличии двух и более доминирующих отраслей так называть этот тип отраслевой структуры некорректно, в связи с чем по аналогии «монополия – олигополия» был введен термин «олигоструктурность».

⁴ Региональная статистика: учебник / под ред. В.М. Рябцева, Г.И. Чудилина. М.: МИД, 2001. 380 с.

$$I_R = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (d_{2,i} - d_{1,i})^2}{\sum_{i=1}^n (d_{2,i} + d_{1,i})^2}}, \quad (1)$$

где:

$d_{2,i}, d_{1,i}$ – удельные веса признаков в совокупностях;

i – число градаций в структурах.

Выбор обоснован рядом причин: во-первых, индексы Салаи и Гатева не могут быть рассчитаны в случае равенства удельного веса отрасли нулю (как имеет место быть в отраслевой структуре при наблюдении деятельности домашних хозяйств), а во-вторых, индекс Рябцева имеет шкалу оценки меры существенности структурных различий (табл. 2).

Для анализа всех описанных в предыдущем разделе аспектов структуры экономики необходимо сформировать систему показателей для оценки структурных

сдвигов (табл. 3). Стоит отметить, что исследование структурных трансформаций в институциональном аспекте является довольно обширным и будет выделено в дальнейшем в отдельное направление.

Для анализа взят срез 2013 и 2017 гг. с целью оценки изменений в структуре экономики регионов Европейского Севера России в среднесрочной перспективе ввиду первичной апробации методологии исследования. Выбор временных точек связан с усилением внешнего давления на экономику РФ и необходимостью оценить влияние санкций на региональные экономические процессы.

Оценка структурных изменений

Прежде чем провести индексный анализ структурных трансформаций экономических систем регионов, необходимо рассмотреть структуру экономики в срезах исследуемых лет. Табл. 4 дает представление об отраслевых пропорциях народного хозяйства регионов Европейского Севера.

Таблица 2. Шкала оценки меры существенности структурных различий по индексу Рябцева

Интервал значений I_R	Уровень структурного сдвига
0,000 – 0,030	Тождественность структур
0,031 – 0,070	Незначительный уровень различия структур
0,071 – 0,150	Низкий уровень различия структур
0,151 – 0,300	Существенный уровень различия структур
0,301 – 0,500	Значительный уровень различия структур
0,501 – 0,700	Весьма значительный уровень различия структур
0,701 – 0,900	Противоположный тип структур
0,901 и выше	Диаметрально противоположные структуры

Источник: Региональная статистика: учебник / под ред. В.М. Рябцева, Г.И. Чудилина. М.: МИД, 2001.

Таблица 3. Показатели оценки структурных сдвигов региональной экономики

Тип структуры	Статистический/расчетный показатель
Отраслевая	Соотношение отраслей в создании валовой добавленной стоимости (ВДС)
Территориальная	Соотношение численности занятых в экономике в разрезе городских и муниципальных округов
Воспроизводственная	Соотношение элементов формирования доходов
	Соотношение между конечным потреблением и валовым накоплением
	Соотношение между выпуском и промежуточным потреблением
Технологическая	Доля высокотехнологичных производств в создании ВДС

Источник: составлено автором.

Таблица 4. Отраслевая структура образования валовой добавленной стоимости экономик регионов Европейского Севера России за 2013 и 2017 гг. (в текущих ценах), % к итогу

Регион		Отрасль													
		СХ	ДПИ	ОП	ЭГВ	СТР	ТОР	ГиР	ТиС	ФИН	УСЛ	ГОС	ОБР	ЗДР	ПРЧ
Республика Карелия	2013 год	4,6	12,2	14,2	5,0	5,9	11,2	0,9	11,1	0,3	8,3	11,8	4,9	8,0	1,6
	2017 год	5,6	17,6	16,9	4,1	2,5	9,8	1,0	13,1	0,2	9,4	8,7	3,7	6,4	1,0
	абс. изм.	1,0	5,4	2,7	-0,9	-3,4	-1,4	0,1	2,0	-0,1	1,1	-3,1	-1,2	-1,6	-0,6
Республика Коми	2013 год	1,5	33,4	11,4	3,5	11,7	5,8	0,7	9,9	0,2	6,6	6,5	3,4	4,4	1,0
	2017 год	1,7	37,2	11,7	2,8	7,2	5,4	0,7	9,5	0,2	10,0	6,0	2,9	4,2	0,5
	абс. изм.	0,2	3,8	0,3	-0,7	-4,5	-0,4	0,0	-0,4	0,0	3,4	-0,5	-0,5	-0,2	-0,5
Архангельская область	2013 год	4,3	26,6	12,3	3,3	6,4	8,1	0,9	13,8	0,2	6,1	7,4	3,7	5,4	1,5
	2017 год	3,7	30,9	16,9	2,2	6,4	6,8	1,1	11,3	0,2	7,8	5,3	2,6	4,4	0,4
	абс. изм.	-0,6	4,3	4,6	-1,1	0,0	-1,3	0,2	-2,5	0,0	1,7	-2,1	-1,1	-1,0	-1,1
Вологодская область	2013 год	4,4	0,1	32,6	4,1	6,9	12,0	0,7	17,1	0,3	5,9	7,0	3,0	4,4	1,5
	2017 год	4,1	0,0	38,1	3,1	7,1	12,8	0,6	14,3	0,3	7,8	5,1	2,2	3,6	0,9
	абс. изм.	-0,3	-0,1	5,5	-1,0	0,2	0,8	-0,1	-2,8	0,0	1,9	-1,9	-0,8	-0,8	-0,6
Мурманская область	2013 год	8,4	18,1	10,8	6,1	5,3	9,7	1,3	8,7	0,1	6,8	10,6	4,3	7,8	2,0
	2017 год	13,0	13,4	9,7	3,9	6,6	10,6	1,7	12,7	0,2	9,9	7,7	3,2	6,2	1,2
	абс. изм.	4,6	-4,7	-1,1	-2,2	1,3	0,9	0,4	4,0	0,1	3,1	-2,9	-1,1	-1,6	-0,8

Условные обозначения: СХ – сельское и лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство; ДПИ – добыча полезных ископаемых; ОП – обрабатывающие производства; ЭГВ – производство и распределение электроэнергии, газа и воды; СТР – строительство; ТОР – оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования; ГиР – гостиницы и рестораны; ТиС – транспорт и связь; ФИН – финансовая деятельность; УСЛ – операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг; ГОС – государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование; ОБР – образование; ЗДР – здравоохранение и предоставление социальных услуг; ПРЧ – предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг.
Составлено по: данные ФСГС.

Основной вклад в ВДС исследуемых экономик вносят добыча полезных ископаемых и обрабатывающие производства, причем первые – в большей степени, не считая Вологодской области, где доминируют обрабатывающие производства, представленные черной металлургией (Череповецкий металлургический комбинат, ПАО «Северсталь») и химической промышленностью (АО «Апатит», структурное подразделение ПАО «ФосАгро»). Это говорит о слабой диверсификации региональных экономик, вызывающей перекосы народнохозяйственных пропорций из-за снижения доступа менее развитых отраслей к финансовым, инвестиционным и административным ресурсам.

Преобладание в отраслевой структуре выпуска региональной экономики произ-

водств с укороченными цепочками формирования добавленной стоимости (сырьевых секторов и первичной переработки) с позиции современного структурализма рассматривается как признак недостаточно активного развития региональной экономики. В текущих реалиях российской и мировой экономики добывающий сектор не в состоянии выступать главной движущей силой экономического роста даже в случае резкого роста цен на сырьевые ресурсы.

Из-за узкой специализации возникает зависимость региона от рыночных колебаний цен на продукцию доминирующих отраслей, что особенно актуально ввиду корреляции российской экономики и цен на сырьевые полезные ископаемые. Предприятия обрабатывающих отраслей экспортоориен-

тированы, что в постоянно изменяющихся геоэкономических и геополитических условиях вызывает значительные риски финансовых потерь внутри отраслей и регионов в целом.

Однако, как считают некоторые исследователи, на основе ресурсов сырьевого комплекса можно обеспечить необходимый рост доходов и переход к этапу коренной модернизации базовых секторов экономики, создав из добывающих предприятий мощные многопрофильные сетевые корпорации транснационального масштаба, также ориентированные на экспорт, с возможностью внешнеторговой экспансии на мировые рынки.

Размещение производительных сил во всех пяти регионах приблизительно одинаковое – слабая дифференциация, концентрация производств и, как следствие, рабочей силы в «полюсах роста» позволяет быстро развиваться крупным городам и прилегающим к ним территориям, формируя агломерации. Ввиду частой специализации неагломерационных территорий на сельском хозяйстве и низкой доле его в образовании ВДС возникает сдерживание их роста, что усугубляется и оттоком рабочей силы от периферии к центру.

В структуре образования доходов экономики в регионах Европейского Севера России преобладают валовая прибыль экономики и валовые смешанные доходы

(так называемые предпринимательские доходы), а также оплата труда наемных работников. Основные структурные перемены происходят именно между данными источниками доходов. Тенденцией последних лет является сокращение удельного веса оплаты труда наемных работников в пользу предпринимательских доходов в среднем почти на 10 п. п. (табл. 5). По итогам 2017 года за счет валовой прибыли экономики и валовых смешанных доходов формировалось более половины доходов исследуемых экономических систем. Такие перемены можно обосновать колебаниями отраслевой и институциональной структуры [18].

Оценка воспроизводственных пропорций народного хозяйства показывает, что норма накопления сокращается в большинстве регионов, зато растет доля фактического конечного потребления (табл. 6). Такая тенденция ведет к сокращению потенциала реновации и модернизации основных производственных фондов, нуждающихся в значительном обновлении, снижению конкурентоспособности производимой продукции, потере рыночных ниш и, как следствие, к стагнации производства.

Технологическая структура экономики регионов теряет в высокотехнологичных производствах – сокращение доли предприятий более новых технологических укладов в региональных экономиках Европейского Севера России составляет от 0,2 до 3,9 п. п.

Таблица 5. Структура образования доходов экономики в регионах Европейского Севера России, % к итогу

Регион	2013 год			2017 год		
	оплата труда наемных работников	валовая прибыль экономики и валовые смешанные доходы	другие чистые налоги на производство	оплата труда наемных работников	валовая прибыль экономики и валовые смешанные доходы	другие чистые налоги на производство
Республика Карелия	52,4	46,2	1,4	46,0	52,7	1,3
Республика Коми	45,3	53,0	1,7	45,5	50,9	3,6
Архангельская область	43,2	54,7	2,1	37,1	60,9	2,0
Вологодская область	48,3	49,0	2,7	40,7	56,7	2,6
Мурманская область	60,2	37,9	1,8	50,7	47,7	1,6

Составлено по: данные ФСГС.

Таблица 6. Структурные показатели внутреннего спроса в экономиках регионов Европейского Севера России, % к итогу

Регион	2013 год		2017 год	
	фактическое конечное потребление	норма накопления	фактическое конечное потребление	норма накопления
Республика Карелия	75,1	20,1	72,3	16,5
Республика Коми	46,0	42,7	44,1	22,5
Архангельская область	57,0	33,3	54,7	33,0
Вологодская область	58,3	21,4	52,3	25,7
Мурманская область	70,8	17,0	64,6	24,8

Составлено по: данные ФСГС.

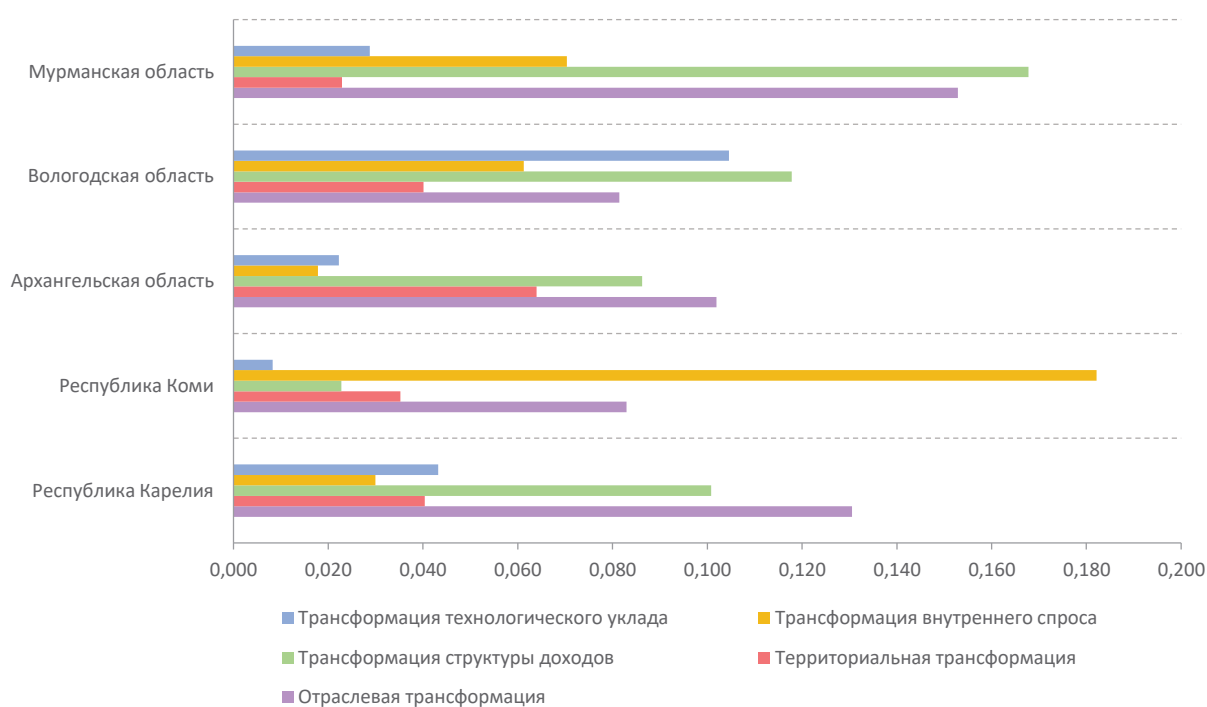


Рис. Трансформация структурных компонентов экономики регионов Европейского Севера России на отрезке 2013–2017 гг.

Составлено по: данные ФСГС.

за исследуемый период. Последствия такого сдвига могут выражаться в снижении эффективности и конкурентоспособности народного хозяйства.

После сбора статистической информации и расчета индексов были получены следующие данные по структурным сдвигам в экономике регионов Европейского Севера России (рис.). Трансформационный процесс в региональных экономиках в целом можно назвать гомогенным, при этом средний

уровень структурных преобразований колеблется от незначительного до низкого.

Наиболее активно изменения проходили в Мурманской (отраслевая трансформация и трансформация структуры доходов) и Вологодской (трансформация структуры доходов и трансформация технологического уклада) областях. Наиболее значительным трансформациям подверглась отраслевая структура, самые незначительные изменения произошли в структуре внутреннего спроса.

Причины неизменности территориальной структуры экономики исследуемых территорий во многом связаны с доминирующим положением олигоструктурных отраслей. Ввиду крупных объемов средств, обрачиваемых в одних отраслях, возникает дефицит ресурсов в других. К тому же такая ситуация усложняется тем, что из-за более широкого доступа самых крупных отраслей к источникам ресурсов (в частности инвестиционных) в экономике внутри региона возникает еще больший отраслевой и территориальный диспаритет [22].

Также при рассмотрении территориальной структуры и ее изменений выявлен тренд концентрации экономики вокруг крупных городов в большинстве регионов. С одной стороны, это может привести к созданию агломераций, которые станут «точками роста» региональной экономики, а с другой – «высасывать все соки» из периферийных территорий.

Трансформации в структуре образования доходов также неоднозначны. Ее неизменность на фоне ведения политики импортозамещения свидетельствует о том, что реакция экономики на освобождение рыночных ниш отсутствует. Это позволяет говорить о возможностях для роста реального уровня доходов населения и стимуляции внутреннего потребительского спроса [23].

Выводы и предложения по итогам анализа

В рамках исследования сгруппированы основные подходы к определению структурных срезов региональной социально-экономической системы. Затем выбран ряд показателей, который позволил оценить структурные сдвиги в региональных экономиках, хотя нельзя сказать, что данная методика лишена недостатков. Разумным было бы провести доработку методики путем расширения числа показателей и обоснования их необходимости. Также немаловажным аспектом при изучении указанной проблематики является определение влияния структурных преобразований на экономический рост.

Чтобы использовать структурный фактор экономической динамики, требуется разработать и провести специализированную политику, направленную на устранение структурных ограничений, связанных с низкой эффективностью отдельных производств, технологическим отставанием и т. д. Главными инструментами такой политики должны стать модернизация производственных мощностей и устранение разрывов в технологических цепочках. Они могут дополнить традиционные действия в области макроэкономической политики и повысить их эффективность.

Необходимо отметить разработку инструментария управления структурными трансформациями в рамках следующих направлений (при этом меры должны быть согласованы друг с другом, формируя прочную региональную структурную политику):

1. Преодоление отраслевых и территориальных структурных диспаритетов внутри регионов.

Возможно внедрение механизма ресурсного центра внутри региональной экономики, для того чтобы перераспределять ресурсы между отраслями региона и сокращать разрывы между развитием муниципальных образований. В качестве проекта подобного фонда можно предложить крупным предприятиям наиболее развитых отраслей наполнять его отчислениями в обмен на налоговые льготы либо установить специальные рентные платежи, которые могли бы взиматься за пользование олигополиями природных ресурсов страны. В этом случае появляются возможности диверсифицировать экономику отдельных узкоспециализированных регионов Европейского Севера России и, главное, достроить «верхние этажи» в лесном комплексе, цветной металлургии, рыбной промышленности и т. д. [24].

2. Одним из перспективных инструментов управления трансформацией экономики в рамках территориально-отраслевых аспектов может являться развитие межрегиональной производственной кооперации. Перестроение экономики должно быть сформировано таким образом, чтобы уве-

личивалось количество переделов сырья в различных отраслях, при этом имеет смысл скомпоновать производственные цепочки в пределах регионов Европейского Севера России для увеличения получаемой валовой добавленной стоимости внутри макрорегиона и сокращения транспортных и временных издержек производства. Несмотря на то что рынки в отраслях высоких переделов сейчас заполнены продукцией импорта, в условиях политики импортозамещения имеются все возможности для появления удлинённых цепочек добавленной стоимости из российских производств.

3. Повышение нормы валового накопления за счет формирования механизма трансформации сбережений в инвестиции в основной капитал: борьба с оттоком капитала [25], принятие закона «О соглашениях о защите и поощрении капиталовложений» (в данный момент находится на рассмотрении в законодательных органах власти) и других инструментов стимулирования инвестиционного процесса [26].

Для борьбы с оттоком капитала приоритетным направлением таможенных органов при осуществлении валютного контроля нужно сделать превентивное противодействие схемам незаконного вывода капитала за рубеж, основанное на развитии механизмов системы управления рисками при исполнении контрольно-надзорной функции Федеральной таможенной службы [27].

Выходом из сложившейся ситуации могут стать разработка, обоснование и практическое применение механизма управления структурными трансформациями региональной социально-экономической системы. Это позволит создать рычаги стимулирования экономики для регулирования экономического роста. Изучение структурных сдвигов поможет объяснить экономические процессы, происходящие в Российской Федерации, а также определить темпы экономического роста.

Немаловажную роль внутри механизма управления структурными трансформациями региональной экономики играет структурно-инвестиционная политика.

Потенциальные возможности роста региональной экономики в средне- и долгосрочной перспективе (с учетом инвестиционного лага) будут определяться качеством и количеством доступных инвестиционных ресурсов. В связи с этим ключевая задача структурной политики в регионах Европейского Севера России – проанализировать возможности для увеличения объема инвестиций в основной капитал и нормы накоплений в условиях устаревания основных производственных фондов большинства отраслей. При этом необходимо, чтобы наращивание было сбалансированным для избежания как территориально-отраслевых диспаритетов, так и структурного дисбаланса использования ВДС, которые приведут к снижению долгосрочного потенциала экономического роста регионов. Интенсивное наращивание инвестиций должно быть подкреплено перспективами расширения рынков сбыта, для того чтобы снизить риски отсутствия окупаемости вложений при реализации инвестиционных проектов. Полезным инструментом в таком случае может стать система государственных контрактов, направленных на поддержку целевых отраслей.

Структурно-инвестиционная политика также определяет скорость смены технологических укладов, что оказывает влияние на трансформацию технологической структуры. Однако, как отмечалось выше, без потребностей рынка это малоэффективный инструмент стимулирования экономического роста с использованием фактора структурной динамики.

Вклад работы в науку представлен выявлением современных тенденций протекания социально-экономических процессов и оценкой структурных сдвигов в экономике регионов Европейского Севера России. Исследование демонстрирует наличие структурных трансформаций в экономике рассматриваемых региональных социально-экономических систем. При этом направления структурных преобразований далеко не всегда были отмечены как положительные. Некоторые из сдвигов ведут к еще большему усилению уже существующих проблем в региональных экономиках.

Практическая ценность статьи заключается в том, что рекомендованы инструменты управления структурными трансформациями для стабилизации экономического ро-

ста региональной экономики. Имеет смысл обратить дальнейшие научные изыскания в сторону решения именно этой управленческой задачи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трансформация структуры экономики: механизмы и управление: монография / под науч. ред. А.А. Широа. М.: МАКС Пресс, 2018. 264 с.
2. Лукин Е.В., Ускова Т.В. Проблемы структурной трансформации региональной экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 26–40. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.2
3. Терехова С.А. Трансформация механизма социально-экономического развития регионов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер.: Экономика. Вып. 25. 2010. № 5 (186). С. 99–102.
4. Доржиева В.В. Особенности структурных преобразований российской экономики: отраслевой и технологический аспект // Вестн. НГИЭИ. 2018. № 8 (87). С. 103–114.
5. Дохолян С.В., Петросянц В.З., Садыкова А.М. Особенности структурных преобразований в трансформационной экономике // Вопросы структуризации экономики. 2008. № 1. С. 36–43.
6. Сухарев О.С. Институциональный анализ проблем модернизации российской экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 6 (63). С. 23–31.
7. Сухарев О.С. Теория структурной динамики экономики. М.: ЛЕНАНД, 2020. 200 с.
8. Результаты трансформации в странах Центральной и Восточной Европы (общественно-политический и экономический аспекты) / отв. ред. Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2013. 392 с.
9. Новая промышленная политика России в контексте обеспечения технологической независимости / отв. ред. Е.Б. Ленчук. СПб.: Алетейя, 2016. 336 с.
10. Birch K., Mackinnon D., Cumbers A. Old Industrial Regions in Europe: A Comparative Assessment of Economic Performance. *Regional Studies*, 2010, vol. 44, iss. 1, pp. 35–53. DOI: 44.35-53.10.1080/00343400802195147
11. Henderson S.R. Transforming old industrial regions: constructing collaboration within the Black Country, England. *Geoforum*, 2015, vol. 60, pp. 95–106.
12. Замараев Б.А., Маршова Т.Н. Инвестиционные процессы и структурная перестройка российской экономики // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 40–62. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-12-40-62
13. Мельников А.Е. Инвестиционные процессы и структурные изменения в экономике старопромышленных регионов СЗФО // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 91–102. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.5
14. Елхина И.А. Структурные сдвиги и структурные различия хозяйственных систем в России // Вестн. Саратов. гос. соц.-экон. ун-та. 2014. № 4 (53). С. 38–41.
15. Структурно-инвестиционная политика в целях обеспечения экономического роста в России: монография / под науч. ред. В.В. Ивантера. М.: Научный консультант, 2017. 196 с.
16. Дружинин П.В., Прокофьев Е.А. Моделирование отраслевых структурных сдвигов в экономике России // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 16 (415). С. 26–35.
17. Мицек С.А., Мицек Е.Б. Структурные факторы роста экономики Российской Федерации: региональный, отраслевой и макроэкономический аспекты // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 7. С. 118–128.
18. Малкина М.Ю. Экономический рост и структурные сдвиги в российской экономике // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 33 (415). С. 2–14.

19. Карелина М.Г. Статистический анализ диверсификации интеграционной активности в экономике России // Молодой ученый. 2013. № 10. С. 377–379.
20. Shi Ch.Y., Yang Y. A Review of Shift-Share Analysis and its Application in Tourism. *International Journal of Management Perspectives*, 2008, vol. 1, iss. 1, pp. 21–30.
21. Лукин Е.В. Структурные сдвиги в региональной экономике (на материалах Вологодской области) // Вопросы территориального развития. 2018. № 5 (45). DOI: 10.15838/tdi.2018.5.45.2
22. Блохин А.А. Влияние институциональных различий на экономический рост // Проблемы прогнозирования. 2019. № 5. С. 16–27.
23. Леонидова Е.Г., Румянцев Н.М. К вопросу об активизации потребительского и инвестиционного внутреннего спроса // Проблемы развития территории. 2020. № 1 (105). С. 52–63. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.4
24. Захаров А.И. Экономический диспаритет регионов Северо-Запада РФ: причины и следствия: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 25.00.24. Новосибирск, 2009. 24 с.
25. Ивантер А., Скоробогатый П., Ульянов Н. Вернуть Лондон в Россию // Эксперт. 2019. № 47. С. 13–18.
26. Долженков А. Инвестиционный кодекс для всех, помощь для избранных // Эксперт. 2019. № 48. С. 40–43.
27. Эмиров Н.Д., Примак Т.А. Деофшоризация экономики Российской Федерации и пути решения проблемы // Научн. журн. НИУ ИТМО. Сер.: Экономика и экологический менеджмент. 2019. № 4. С. 136–141.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никита Михайлович Румянцев – инженер-исследователь, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: rumyanik.95@gmail.com

Rumyantsev N.M.

REVISITING STRUCTURAL TRANSFORMATIONS OF THE REGIONAL ECONOMY

Research on the structure of the economy and its changes is currently becoming particularly relevant due to the close correlation with economic growth. This trend is noted by both theoretical scientists and practical managers. These issues are even more acute at the regional level due to the rapid changes and less developed tools for managing structural transformations of the economy. The article presents the problem of the regional socio-economic systems' structural transformations analysis. The main theoretical prerequisites of structural research in the works of major foreign and domestic economists are studied. A brief review of current publications close to the topic of the work is conducted, and the areas requiring additional research are identified. The author presents the analysis of the structure of economic systems of the regions of the Russia's European North, i.e. industrial, territorial, reproductive and technological. A number of statistical and calculated indicators are identified, based on which the analysis of structural changes in the economy was carried out. The intensity of structural transformations of the economy in the regions of the European North of the Russian Federation is estimated using an integral indicator; the results

are presented graphically. The study comprehensively covered most of the main approaches to the structure of the regional economy, with the exception of the institutional cross-section, which will later be included in a separate study due to the complexity of the current assessment. A retrospective and comparative analysis of structural transformations in the regional socio-economic systems of the European North of Russia is carried out. The author makes the conclusions regarding the proposed management tools for eliminating sectoral and territorial disparities, stimulating domestic demand and increasing the rate of accumulation, as well as modernizing the economy in order to make a transition to higher technological structures and lengthen the value chains in the regional economy. The importance of balanced structural policy is noted, and measures of structural and investment policy aimed at the balanced economic growth are described. The research makes its contribution to science by identifying current trends in socio-economic processes and structural shifts in the economy of the regions in the European North of Russia.

Transformation, structure of economy, disparity, industry, region, structural changes, the European North of Russia.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

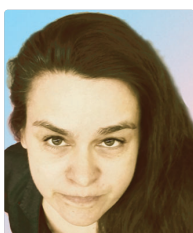
Nikita M. Rumyantsev – Research Engineer, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: rumyanik.95@gmail.com

DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.5

УДК 657.6 | ББК 65.052

© Чекавинская Г.А.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА АУДИТА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ДИСКУРС



ГАЛИНА АЛЕКСЕЕВНА ЧЕКАВИНСКАЯ

Вологодский государственный университет

Российская Федерация, 160000, г. Вологда, ул. Мальцева, д. 2

E-mail: galina.chekavinskaya@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3341-3226

Статья посвящена междисциплинарной дискуссии экономической теории и аудита. Институциональный подход в России представлен новой институциональной экономической теорией и экономической социологией. Научное сообщество отмечает, что приемы институциональной экономики можно использовать для разработки широкого круга проблем. Институты требуют изучения и измерения, что снизит неопределенность экономических систем. Цель исследования – развитие комплекса теоретических положений, связанных с обобщением институциональных представлений об аудите. Научная новизна заключается в разработке концептуальной схемы института аудита с позиций системной экономической теории. Выполнен анализ возможности и необходимости использования новых подходов при рассмотрении аудита. Одним из них является институциональный подход, который необходимо применять в качестве формы и способа исследования. Обоснован процесс смены парадигмы аудиторской науки. Доказана гипотеза о применимости инструментов институциональной экономической теории в отраслевых экономических исследованиях с приоритетом положений неинституционализма. Изучена категория «подход к исследованию» при обосновании особой роли аспектного подхода наряду с системным и концептуальным, выделены варианты интеграции подходов. Проанализирована эволюция исследований аудита на основе институциональной теории по материалам работ зарубежных авторов из США, Великобритании, Пакистана, Нидерландов, Ливии, Малайзии, Австралии, Франции, Канады, Германии, Украины. Установлены научные приоритеты применения институционального уровня исследований, выделены особенности системной интерпретации институтов в целом. Определены аудиторские проблемы, отмечена ситуация кризиса в аудиторской деятельности РФ, что обосновывает не-

Для цитирования: Чекавинская Г.А. Институциональная парадигма аудита: междисциплинарный дискурс // Проблемы развития территории. 2020. № 3 (107). С. 72–89. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.5

For citation: Chekavinskaya G.A. Institutional Paradigm of Audit: Multidisciplinary Discourse. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 3 (107), pp. 72–89. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.5

обходимость развития новой институциональной теории аудита. Расширена конструкция институционального подхода к аудиту, включающая три направления: философское, методологическое и институциональный анализ. Представлена концептуальная структурная схема, основанная на системной методологии Г.Б. Клейнера, учитывающая установленные функциональные взаимосвязи между подсистемами института аудита. Обоснованы научные положения института аудита как объекта, среды, процесса и проекта, их достоверность. При этом установлены взаимосвязи донор-реципиент между проектом и средой в структуре института аудита, показано, что средовое влияние на проект осуществляется через процессы и объекты. Институт аудита как проект представлен самым существенным элементом в условиях стагнации аудиторской деятельности, выделены его сущностные характеристики: аудиторская политика, стратегия развития, аудиторские инновации, адаптация международных стандартов аудита, концепция развития аудита. Предметом дальнейших поисковых исследований могут стать выявление степени сбалансированности подсистем института аудита, ее измерение путем расчета потенциала («мощности») и интенсивности обмена между подсистемами.

Неоинституционализм, институциональный подход, аудиторские проблемы, институциональная парадигма, эволюция исследований аудита, новая институциональная теория аудита, институт аудита как объект, среда, процесс и проект.

Формирование исследовательской проблематики

Совокупность методологических подходов исследования аудита дает основание полагать, что в экономической науке об аудите наблюдается процесс смены парадигмы. Ее сущность состоит в «признанных всеми научных достижениях, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [1, с. 11].

Парадигму в методологии науки связывают с исходной концептуальной схемой, моделью постановки проблем и способов их решения, методами исследования, ценностями, техническими навыками и средствами, преобладающими в течение конкретного исторического периода в научном сообществе и ставшими научной традицией. Парадигма позволяет уточнять, распознавать, разрабатывать и конкретизировать суть вещей и ситуаций. «Парадигмальная теория» формулирует проблему, гарантирует «существование определенного решения», но и требует усилий, направленных «на разработку парадигмы» [1, с. 50].

Классифицируя экспериментальную деятельность, Т. Кун особо выделяет «эмпирическую работу, которая предпринимается

для разработки парадигмальной теории в целях разрешения некоторых оставшихся неясностей...» [1, с. 49].

Особо ценным можно считать вывод Т. Куна о том, что «формирование парадигмы и появление на ее основе более эзотерического типа исследования является признаком зрелости развития любой научной дисциплины» [1, с. 30]. По Куну, концепция развития наук – это смена парадигм, при этом в науке наблюдаются признаки предреволюционной ситуации. По нашему мнению, такие признаки присутствуют в современном аудите.

Междисциплинарная дискуссия аудита и экономической теории выдвинула на первый план институциональную экономику. Еще Д. Норт подчеркивал необходимость междисциплинарности в исследовании экономических систем: «Понимание того, как функционирует экономическая система, требует учета очень сложных запутанных взаимосвязей между обществом и экономикой» [2, с. 143–144].

В настоящее время институциональный подход в России представлен прежде всего новой институциональной экономической теорией и экономической социологией [3, с. 6–49]. Важность нового подхода к ма-

кросэкономике, основой которого является применение институциональной методологии, подчеркивает Р.М. Нуреев: «Приемы институциональной экономики используются для разработки широкого круга проблем – от организации конкурсов на использование ограниченных ресурсов до оценок воздействия на общественное благосостояние новых законов (оценки регулирующего воздействия)» [4, с. 10].

Расширение междисциплинарного курса отмечается в работе [4, с. 13], содержащей существенный аргумент: для развития систем актуальным можно считать использование методов как традиционного институционализма, так и неoinституционализма с широким спектром их направлений. К последнему относятся теория прав собственности, теория трансакционных издержек, теория контрактов, теория общественного выбора, новая экономическая история, экономическая теория права, экономическая теория преступной и правоохранительной деятельности, экономика фирмы, экономическая теория контрактов, теория человеческого капитала, экономическая теория организаций, экономика развития.

Очень важным аргументом для использования институционального подхода в научных исследованиях можно считать выводы О.С. Сухарева: «Именно институты создают определенный уровень неопределенности в системе. Задачей эффективного управления является как раз возможность снять или снизить имеющуюся высокую неопределенность, обеспечив достижение планируемых результатов» [5, с. 34].

Неполнота и несовершенство информации и спецификация прав собственности в аудиторском бизнесе, рыночный механизм аудита и многообразие других рынков, постоянный обмен и возникающие при этом трансакционные издержки, из-за которых возрастает значение экономических и социальных институтов, – признаки того, что методологию институциональной экономики необходимо применять при объяснении аудиторской теории и практики.

Неопределенность разрушает любую экономическую систему, которая и так подвержена кризисам и экономическим дисбалансам. Аудиторские фирмы борются за рыночное господство, что определяет значительные трансакционные издержки. Твердые правила и механизмы принуждения к их выполнению (институты) помогут их сократить, поэтому и в аудиторской деятельности роль институтов должна быть должным образом оценена.

Существуют и другие мнения. Приоритет системной парадигмы подчеркивает Т.В. Петренко, отмечая, что «институциональная теория, дополненная эволюционными взглядами, не в состоянии охватить рассматриваемые экономические явления в комплексе» [6, с. 27]. Причиной такого утверждения она считает убеждение в том, что только системная парадигма позволит проанализировать объективные законы экономического развития, выделить взаимосвязи с помощью логически обоснованной методологии, аргументированного и достаточно полного категориального аппарата.

Не отрицая прочих подходов, на первый план мы выдвигаем институциональную парадигму аудита с приоритетом положений неoinституционализма – изучение институтов через процессы влияния на решения экономических агентов и применение к экономической системе аудита основополагающих инструментов, относящихся к модели человека. Системный подход будет использован при анализе института аудита.

Объяснение аудиторских процессов с позиции экономической теории перспективно и актуально на уровне РФ, но имеет свои особенности в разрезе регионов. Институт аудита является необходимым и важным элементом региональной экономической системы. Экономический потенциал регионов определяет неодинаковое экономическое поведение на рынке аудиторских услуг. В связи с этим в региональном масштабе правила и механизм принуждения индивидов к их исполнению могут отличаться. Институциональный подход в исследовании аудита позволяет учитывать региональные нормы и обычаи поведения

в обществе (включая предпринимательскую активность), а также их закрепление в виде законов, организаций, учреждений и т. д. Задача концептуального формирования и развития института аудита в РФ на всех уровнях (включая региональный) поставлена в 2016 году Минфином РФ, итоги еще не подведены.

Методология исследования

Цель исследования – развитие комплекса теоретических положений, связанных с обобщением институциональных представлений об аудите.

Для достижения цели поставлены следующие задачи, определившие структуру работы:

- обосновать аргументы, подтверждающие необходимость междисциплинарности при изучении экономических систем, в том числе аудита;

- рассмотреть различные подходы к исследованию с позиции теории метода исследования и определить место институционального подхода;

- проанализировать эволюционные векторы развития институциональной теории аудита в мире и России;

- раскрыть практику применения институционального подхода в научных исследованиях областей, смежных с аудитом;

- упорядочить и структурно оформить сущностные формулировки категории «институт» и элиминировать актуальные методологические установки в сферу аудита;

- разработать концепцию института аудита как основы экономического поведения с позиций системной экономической теории.

Научная новизна заключается в разработке концептуальной схемы института аудита с позиций системной экономической теории, в том числе:

- доказана гипотеза о применимости инструментов институциональной экономической теории в отраслевых экономических исследованиях на основе приоритетов положений неинституционализма;

- установлены научные приоритеты применения институционального уровня исследований;

- выделены особенности системной интерпретации институтов в целом;

- обоснована особая роль аспектного подхода в научных исследованиях, выделены варианты интеграции подходов;

- выполнено методологическое обоснование применения институционального подхода как формы и способа исследования аудита;

- проанализирована эволюция исследований аудита на основе институциональной теории по материалам работ зарубежных авторов;

- расширена конструкция институционального подхода исследования аудита, включающая три направления: философское, методологическое и институциональный анализ;

- представлена концептуальная структурная схема института аудита;

- обоснована и доказана достоверность научных положений, представляющих институт аудита в виде теоретической конструкции «институт аудита как объект, среда, процесс и проект».

При формулировке гипотезы автор опирался на анализ проблематики существующих исследований в области институционального подхода к аудиту. Автор подвергает проверке гипотезу о том, что инструменты институциональной экономической теории могут быть применимы в отраслевых экономических исследованиях на этапе смены парадигм, что определяет новую концепцию развития, которая должна быть построена на основе междисциплинарной дискуссии аудита и экономической теории.

Следующие уровни научного знания после парадигмы – теория и методология. Для цели выполнения любого исследования необходимо различать два типа теории: теория предмета исследования (конкретной проблемы, разрешение которой требует проведения исследования) и теория метода исследования. Коллектив авторов во главе с З.В. Брагиной [7, с. 16] к первому типу тео-

рии относит «некое общее безотносительное знание», а ко второму – «знание для проведения исследования».

Второй тип теории по своей сути есть теория методологии как исследовательская процедура, которая имеет отличную от общей теории структуру и содержит:

«1. Прошлое знание – как типовое, и консервативное – как своя полная или неполная база данных.

2. Теорию – как надо находить решение поставленной задачи вне какой-либо предметной области.

3. Выработку такого знания, которое позволяет решить поставленную задачу, т. е. обоснование последовательности действий» [7, с. 17].

Многие ученые используют категорию «подход к исследованию», выносят наименование конкретизированного подхода в заголовки своих научных работ. Категориальная форма данного термина наиболее точно раскрыта в следующем определении: «Подход – это ракурс исследования, это исходная позиция, отправная точка, с которой исследование начинается и которая определяет его направленность относительно цели» [7, с. 26]. Следует отметить, что подход формулируется только после обозначения цели, объекта и предмета исследования, далее выбирается методология, включающая определение и формулировку ориентиров и ограничений.

Среди трех классических исследовательских подходов в экономической науке (аспектный, системный и концептуальный) в современных условиях аспектный подход становится наиболее актуальным. Он связан с анализом объекта с определенной точки зрения, через систему конкретных взглядов и раскрытие одной из сторон объекта.

«Аспектный подход представляет собой выбор одной грани проблемы по принципу актуальности или по принципу учета ресурсов, выделенных на исследование» [7, с. 26]. Системный подход также важен, он предполагает учет всех аспектов проблемы, определение характера связей между аспектами, свойствами и характеристиками, выделение главного и суще-

ственного, исполнение принципов взаимосвязи и целостности.

Так, например, проблема обеспечения доверия в аудите может иметь исторический, логический, качественный, количественный, модельный, структурный, функциональный, экономический, социально-психологический, юридический, институциональный, комплексный, системный аспекты и т. д.

По нашему мнению, в качестве метода для решения различных экономических проблем институциональный подход применяется в интеграции с неоклассическим, экономико-правовым, политико-экономическим, социально-философским, эволюционным, иерархическим, цивилизованным, воспроизводственным, корпоративным, конъюнктурным, кластерным, этно-экономическим, процессным, социодинамическим, пространственным, агент-ориентированным подходами. Встречаются и разновидности институционального подхода: структурно-институциональный, процессно-институциональный, мотивационно-институциональный, синергетико-институциональный.

В отдельных работах приводится четкая структура подходов к теории аудита, возникшая по причине применения приема аналогии. Например, предлагается учитывать три группы и шесть видов подходов, используемых в теории учета [8]. Подходы закрепляются за конкретными теориями аудита: персоналистические теории (налоговый, правовой, этический, бихевиористический), материалистические (экономические) теории (экономический подход, который подразделяется на макро-, микроэкономический и социально-корпоративный), нейтральная теория (структурный подход). Следует отметить, что автор не рассматривает возможность применения институционального подхода к теории аудита, а также не учитывает то, что предлагаемые подходы встроены в не самую распространенную классификацию теорий аудита по сравнению с классическими теориями адекватности, контроллинга и консалтинга.

Ранее мы привели доказательства преимуществ применения институционального подхода в исследовании аудиторской деятельности РФ, обосновали необходимость дальнейшего существования института аудита в России [9], определили направления по формированию институциональной среды инновационного развития региональной аудиторской деятельности и разработали этапы институционального развития аудита [10].

Но наука об аудите динамична, а интерес к институциональному подходу как форме и способу ее исследования сохраняется, однако логически истинных, достаточных, доказанных аргументов, подтверждающих тезис о том, «что институт аудита имеет значение» и «структура института аудита четко определена», недостаточно. Попытаемся восполнить этот пробел.

Обзор эволюционных векторов исследования аудита в институциональной проекции

Институциональные аспекты существования и развития знаний об аудите изучены не в полной мере. Возникает научная проблема получения четко изложенных параметров необходимых обществу новых научных знаний об аудите, оформленных в научную теорию, истинность которой должна быть доказана проведенной проверкой. Без их всестороннего и глубокого исследования не приходится говорить о фундаментальности современного российского аудита.

Современный аудит в широком смысле слова, с позиций авторского подхода, – это форма административного и экономического контроля развития территорий [11].

В России долгое время не позволялось применять «иное знание» об аудите, известное за рубежом. Это стало причиной кризиса в аудите, так как сущность «иного знания» позволила бы разрабатывать и находить решение аудиторских проблем через призму определения влияния институтов на поведение в обществе, а также оценивать возникновение, изменение и измерение институтов. В России теория аудита заклю-

чалась в рамки законов и стандартов, мало исследовалась природа аудита и его многоаспектность, а исследовательские процедуры не отличались многообразием. «Иное знание» – это взгляд на аудит как науку и практику с позиций применения институциональной теории.

В 1960–1970-е гг. институциональные воззрения в мире начали содержательно меняться, в первую очередь в США. Эволюция институциональной среды аудита в США определила развитие российского аудита. Характеристика процесса принятия решений в разрезе активных и пассивных счетов и оформления аудиторских отчетов отражает нормы раннего американского аудита [12]. По нашему мнению, в отдельных исследованиях [13] при оценке системы правил и институциональной среды аудита в США уже в 1960-е гг. более явно реализовывались элементы концепции методологического институционализма. Попытка объяснить институциональный статус аудита посредством постулатов и стандартов была сделана американскими учеными в работе «Философия аудита» [14].

Зарубежные исследования институционального поля аудита продолжались: так, в 1980 году изучено применение экономических правил и норм аудита на свободных и регулируемых рынках [15]; в 1982 году американский ученый [16] проанализировал деятельность аудитора как экономического агента и опубликовал свое исследование в журнале учетной науки. Развитие этой теории можно проследить в статье «Агентские проблемы, аудит и теория фирмы, некоторые доказательства» [17]. Приложение институциональной теории к аудиту для изучения его кризисного состояния в 1991 году обосновали и апробировали также американские исследователи [18].

Важность реализации институционального подхода к аудиту в рамках применения теории агентов была подтверждена в 2005 году Институтом дипломированных бухгалтеров Англии и Уэльса и поддержана Институтом дипломированных бухгалтеров Пакистана путем дословного перевода сте-

нограммы Форума Аудита Качества, на котором отмечалось, что изучение отношений принципала-агента в аудите очень важно для понимания направления развития обязательного аудита, его полезности и цели [19]. Это стимулировало международную дискуссию о роли аудита.

Следование концепции методологического институционализма при изучении аудита наблюдается также в работах ученых из США и Нидерландов. Они рассматривают аудит как другую практику управления и наделяют его свойством распознавать общественные интересы [20].

Более поздние зарубежные публикации особо трактуют применение институциональной теории в аудите. В работе авторов из Ливии и Малайзии [21] выделены три теории, лежащие, по их мнению, в основе построения эффективного внутреннего аудита: теория агентов, институциональная теория, теория коммуникации. Авторы доказывают, что именно институциональная теория объясняет, как формируются организационные структуры и практики посредством изменений, вызванных внешними силами, которые воздействуют как на отдельных лиц, так и на организации. К ним относятся законы и правила (принудительный изоморфизм), выбор других организаций (миметический изоморфизм), консультационные или профессиональные органы (нормативный изоморфизм).

Зарубежные исследователи подчеркивают, что изучение области аудита традиционно проводилось в рамках агентской теории, абстрагированной от институциональной среды [22]. Ученые Австралии [23] утверждают, что неоклассические экономические теории были основной причиной ограниченного исследования в области внутреннего аудита. Авторы критикуют предположение о том, что организационные феномены обусловлены только максимизацией личных интересов отдельных лиц, они подтверждают, что поведение людей не может быть отвлечено от социальных установок. По нашему мнению, предложение использовать институциональную теорию для исследо-

вания аудита в развитых и развивающихся странах [23] объективно и эволюционно обоснованно.

Применять новую институциональную теорию при изучении вопросов регулирования аудита рекомендуют Ch. Bake, J. Bédard, Ch. Hauret [24]. Регулирование аудита рассматривается ими на примере стран США, Франции и Канады с момента принятия Закона Сарбейнса – Оксли 2002 года в США. Авторы интерпретируют растущее кажущееся сходство в регулятивных структурах для обязательного аудита в трех странах как результат внешнего давления со стороны глобальных рынков капитала для стандартизованных нормативных процедур. Однако это очевидное сходство может также быть формой «развязки», при которой субъекты в институциональной области профессионального регулирования под давлением мощных внешних сил стремятся повысить свою легитимность, сохраняя при этом внутреннюю гибкость и определенную способность к сопротивлению внешним воздействиям в институциональной сфере.

На основе выводов профессора Стэнфордского университета (США) [25] можно констатировать, что профессия аудитора сама придерживается институциональной модели, но данная модель меняется с течением времени и требует исследования. Например, именно институциональный анализ позволяет авторам из Великобритании [26] сделать новый качественный вывод о мотивации изменений в практике и структуре функций внутреннего аудита при внедрении систем планирования на предприятиях.

Исследуя регулирование аудита в Германии, L. Lohlein применяет теорию агентов, изучает модели институционального взаимодействия в аудите [27]. Третья глава его диссертационной работы посвящена вопросам институционального обслуживания аудита, его устройства и институциональных нарушений. Автор обосновывает предотвращение возможного институционального уничтожения профессии аудитора на примере Германии.

Ученые из Австралии и Великобритании [28] признают, что на развитие аудиторской политики, практики и стандартизации в международном масштабе оказывают влияние не узко экономические факторы, а широкий набор факторов институциональных. Анализируя аудиторские проблемы, они относят Россию к группе стран с неэквивалентным переводом аудиторских стандартов наряду с Македонией, Черногорией, Словакией, Словенией, Сербией, Греческой Республикой и Польшей. В основу их исследования положен институциональный подход, а его применение в аудите базируется на предпосылке: организации способны реагировать на давление со стороны институциональной среды (механизм принуждения).

Важная основа для классификации институциональных факторов аудиторской сферы представлена в статье Е.А. Петрик [29]. В ней структурированы составляющие института аудита в Украине: наука, профессия, подготовка специалистов.

Для России исследование аудита с помощью институциональных теорий – сравнительно новое направление в науке. Постановкой проблем в этой области и их решением занимаются Е.М. Гутцайт, В.Т. Чая, В.И. Петрова, В.В. Панков, Н.В. Ким, С.М. Бычкова, Н.В. Фабисович, Л.А. Чайковская, П.П. Баранов, Е.Ю. Итыгилова, Н.А. Кондрашова. Но конструкцию «институциональная теория аудита» в научном обороте используют единицы и в первую очередь по причине того, что отдельные элементы теории нуждаются в совершенствовании.

Динамика развития общей методологии институциональных исследований представлена в работе А.Е. Шаститко: «После подведения в 1987 году первых итогов операционализации концепций Коуза в сборнике, посвященном 50-летию статьи «Природа фирмы» (Уильямсон, Уинтер, 2001), институциональные исследования приобрели гораздо больший масштаб. И если в 1990-е гг. появились обзорные работы, посвященные методам и результатам институциональной экономики (Эггертссон, 2001; Фуруботн,

Рихтер, 2005), то в 2000-е гг. была опубликована хрестоматия по новой институциональной экономической теории (Menard, Shirley, 2008)» [30].

В 1990-е годы ученые постсоциалистических стран стали размышлять над трудами классиков институционализма: Т. Веблена, У. Митчелла, Д. Коммонса, Г. Мюрдаля, Д. Норта, Д. Ходжсона, А. Тойнби. Но до 1998 года не предпринималось попыток систематизированного изложения институционального подхода в экономической науке России. В 2001 году Р.М. Нуреев [31] призвал развивать новые направления исследований. На первый план он выдвинул анализ трансформации институтов в постсоветской России и в других периферийных странах на основе положений теории институционализма. В 2010 году Е.М. Гутцайт рекомендовал активно переходить от традиционного экономического к экономико-социологическому подходу в аудите.

В России немногие авторы представляют аудит в институциональной проекции с научной точки зрения [32–33]. Интересы большинства лежат в плоскости исследования отдельных инструментов аудита (например, аудиторского риска, существенности, аудиторских доказательств, аналитических процедур, аудиторской выборки и т. д.) с методической точки зрения, и приставка «институциональная...», к сожалению, не несет в себе необходимой смысловой нагрузки, т. е. аспектный подход не реализуется. Кроме того, методологические новеллы институциональной экономики слабо учитываются применительно к области аудита (например, системная интерпретация институтов и возможность их измерения).

Полемика об аудите как проблемном институте, в современных условиях кризиса не выполняющем свою природную функцию, представлена в трудах П.П. Баранова: «Сегодня уже не требует особых доказательств существование глубокого системного кризиса аудита как института, ограждающего экономику и социум от информационного риска...» [34]. Институтом защиты прав собственности называет аудит главный

аудитор Банка России [35]. Он отмечает, что «развитие категории контроля, как инструментария неинституционализма, нашло отражение в теории «принципала-агента» [35, с. 7]. Эти и последующие аргументы согласуются с убеждениями Т. Куна: «Новая теория предстает как непосредственная реакция на кризис» [1, с. 107].

Анализируя статистику рынка аудиторских услуг, Е.М. Гутцайт выявляет тенденцию уменьшения интереса хозяйствующих субъектов к институту инициативного аудита и к институту аудита в целом [36]. Отмечается парадигмальная неопределенность в области аудита [37], в том числе негативная тенденция ухода от конкретных вопросов развития аудиторской деятельности в России к общим вопросам и отсутствие стройной теории аудита и аудиторской деятельности и концептуальных основ их развития. Р.П. Булыга, М.В. Мельник называют аудит одним из сложнейших видов профессиональной деятельности, анализируют причины невыполнения аудиторами своей роли в период мирового экономического кризиса и предлагают меры по выводу профессии из состояния стагнации [38]. По нашему мнению, особую ценность представляет концепция реформирования и новая парадигма аудита XXI века, предлагаемая авторами [38]. Многоаспектными в области аудита можно считать исследования К.К. Арабян [39], которая применяет эволюционный подход при изучении аудиторских процессов, затрагивает вопросы нормативно-правового регулирования аудиторской деятельности, в институциональном аспекте анализирует ее сущность и роль в системе экономических отношений, поднимает проблемы обеспечения качества аудита. «Институциональное поле» по отношению к практикам внутреннего контроля исследует научный коллектив во главе с В.В. Панковым [40]. В исследованиях, поддержанных РФФИ [41], также обращается внимание на институциональные аспекты аудита.

В работах ряда авторов присутствует четкое разграничение нормативно-правового и институционального обеспечения различ-

ных экономических явлений: контроля, учета, аудита. Оно является дискуссионным и отражает, скорее всего, общий методологический подход к исследованию и объектную трактовку института. Двоякая характеристика модели российского аудита представлена у М.А. Азарской [42]: с позиций институциональной теории и законодательной базы регулирования аудиторской деятельности, при этом аудит называется прикладной наукой, а задачи исследования в первую очередь связываются с теоретическим обоснованием модели развития аудита.

Применение институционального подхода признается в научных исследованиях областей, смежных с аудитом. Законодательные органы РФ (Счетная палата) отмечают наличие институциональных аспектов внешнего и внутреннего контроля и при построении методик оценки эффективности антикоррупционных программ выделяют нормативно-правовое, институциональное и экономическое направление [43]. Предлагается методология институционального подхода в управленческом учете [44]. Авторы доказывают, что применение институционального подхода позволяет получать стандартизированные учетные модели, особый интерес вызывает оценка эффективности применения концепции институциональной достройки. Фундаментальной работой в области построения институциональной теории бухгалтерского учета является монография [45]. Анализируя теоретические проблемы конвергенции систем финансового учета различных стран с МСФО, коллектив авторов во главе с Н.А. Каморджановой признает применение институционального подхода в исследовании экономических явлений, что отражено в определении процесса конвергенции [46, с. 20] и реализовано через изучение системы норм, правил и возможностей МСФО [46, с. 39]. На предпосылки использования институционального подхода путем применения теории прав собственности при формировании налоговых обязательств корпоративных структур указывает Д.Л. Комягин [47].

Анализируя механизм принятия решений в сфере бюджетной политики, исследователь [48] рассматривает его составляющие: институциональную (органы публичной власти, организации и общественные институты, участники процесса), нормативно-правовую (правовые нормы нормативных правовых актов), инструментальную (средства и приемы реализации), идеологическую (общее стремление политики, миссия). По нашему мнению, исходя из приема аналогии, это определяет возможность применять данную классификацию при определении аудиторской политики.

Систему аудита можно считать частью государства, ставящей целью трансформировать все другие сферы с помощью независимой проверки и подтверждения достоверности бухгалтерской (финансовой) отчетности с учетом исполнения также и превентивной функции. Особенностью является то, что такая система требует научно-методического обоснования на государственном уровне. Например, при выделении уровней обеспечения сферы деятельности государства подчеркивается: «Решая свои прикладные задачи в борьбе с преступностью, каждое государство должно иметь не только свою институциональную и правовую базу, но и соответствующее научно-методическое обеспечение...» [49].

Разработка концептуальной схемы института аудита

Ранее нами была предложена конструкция институционального подхода к исследованию аудита, представлена авторская теория методологии исследования аудита, включающая три направления [50]:

1. Философское – определяет критерии анализа оснований для применения институционального подхода, раскрывает статус подхода в общей институциональной теории, рассматривает стратегию его развития, включая выбор актуальных проблем (Зачем применяем? Почему применяем?).

2. Методологическое – формирует общенаучный статус, специально-методологические и теоретические функции инсти-

туционального подхода (Как будем применять? Какие преимущества получим?). Методологическое направление закрепляет преимущества междисциплинарности в исследовании аудита, обосновано на уровне анализа теневых отношений [51, с. 63–67].

3. Институциональный анализ предусматривает применение методов, базирующихся на идеях и положениях институциональной теории, и получение конкретных научных выводов – исходной концептуальной установки (парадигмы). Институциональный анализ аудита – исследовательская программа, которая изучает связь знания об аудите и его организационно-институционального контекста в условиях фактической исторической конкретности. Избирая аудит предметом анализа, мы рефлексивно обращаемся к проблематике организационных форм и институтов аудита, рассматриваем вопросы их специфики и генеалогии, эвристической продуктивности и границ используемой методологии анализа применительно к сфере аудита.

Исследователи [52] называют институционализм и историческую школу более конкретным канонем экономической науки, отмечают ориентир на непосредственное практическое применение, учет пространственной и временной специфики, связь с другими общественными науками, наличие собственной философии, теории и практики. Основой институционализма можно считать прагматистскую философию Дж. Дьюи [52]. Новым исследованиям аудита соответствует точка зрения Дьюи о том, что все институты в основном разумны, если только мы «откроем и будем придерживаться их изначального смысла» [3].

На основе философских суждений Дж. Дьюи делает очень важный вывод: «Прагматистский подход к экономике – это рассмотрение ее как поток деятельности вовлеченных в нее людей. В потоке экономической деятельности можно выделить следующие четыре уровня: 1) когнитивный; 2) институциональный; 3) властный; 4) ресурсно-технологический» [3]. Особо подчеркивается, что институциональный

уровень имеет значение, когда изучается механизм экономической деятельности и изменения, происходящие в нем.

О. Сухарев поддерживает приоритет институционального анализа в исследовании экономических изменений: «Если неоклассика исследует существо экономических явлений, проблему выбора в аспекте распределения предпочтений и доходов, то институциональную экономику прежде всего интересует, как и почему функционируют общественные институты, в какой мере они определяют аллокацию ресурсов и доходов и как определяют поведение человека в конкретных исторических условиях. Но проблемой остается то, что взгляды на природу и сущность института, процесс наследования институциональных признаков, определение связи институтов и потребностей «расходятся даже у признанных лидеров институционального движения», и остается неясным, «как представить институт в виде образов мышления и стереотипов» [53, с. 11].

Приведем отдельные сущностные формулировки понятия «институт». Классическое определение института Д. Норта: «Институты — это “правила игры” в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» [2, с. 18]. Эволюционные виды категории «институт» анализируются в монографии [54]: к ним относятся нормы и правила, организации и учреждения, органы и отношения, сообщества и статусы, рутины и ритуалы, обычаи и традиции, образ мышления и поведения. Структурное дополнение получает категория института в определении А.А. Аузана: «Институт — это правило или совокупность правил, имеющие внешний механизм принуждения индивидов к исполнению» [55, с. 32]. Современные ученые не отрицают трактовку институтов как правил, организаций, но новейшим признается системная интерпретация института: «Если институты можно исчислять, то почему бы их и не измерять? Но для этого необходим системный подход к институтам. Особое значение подход имеет в ситуации переходного

процесса: то, что в стабильном состоянии принимается за данность, перестает быть таковой при переходе» [56]. Такую системность мы не исключали и ранее, рассматривая институциональный подход в аудите как разновидность комплексного и системного подходов по признаку тесного взаимодействия исследователя с представителями разных наук (аудит, экономическая теория, институциональная экономика) в области решения аудиторских проблем [50, с. 284].

Согласно системной методологии [57, с. 14–46] институты трактуются как объекты, среды, процессы и проекты, а основные парадигмы экономики — это неоклассика («объектная» парадигма (1920–1980 гг.)), институциональная экономика («средовая» парадигма (1920–1990 гг.)), эволюционная теория («процессная» парадигма (1980–2000 гг.)), системная экономика («системная» парадигма (конец 1990-х по настоящее время)). Системная интерпретация института признается в работе Б.А. Ерзнкяна [56], который вместо трактовки институтов как правил, организаций и прочего предлагает идентифицировать и изучать систему.

По нашему мнению, обращение к парадигмам направлено на преодоление фрагментарности и несвязности в экономической науке об аудите. Аудиторская профессия и аудиторский рынок требуют разработки и осуществления неотложных мер по их совершенствованию. Меры, согласно концепции Минфина, должны быть реализованы к 2021 году. Элиминируя методологические установки [57] в сферу аудита, предлагаем авторскую концепцию института аудита как основы экономического поведения, в рамках которой и следует развивать научную теорию аудита, а также его положения, заявленные в Проекте Концепции дальнейшего развития аудиторской деятельности в Российской Федерации, одобренном Советом по аудиторской деятельности 23 июня 2016 года:

1. Институт аудита как объект — это система организаций, которые совместно порождают регулярность социального поведения (экономические институты: государство,

государственные и негосударственные учреждения, организационно-правовые структуры, государственные и частные предприятия).

2. Институт аудита как среда – это система правил, структурирующих социальные взаимодействия. Наличие правил игры (ограничительных рамок) уже подчеркивает значимость институциональной среды (нормы, традиции, схемы, правила поведения, алгоритмы, матрицы поведения индивидов, мотивы поведения, привычки, моральные и правовые нормы) [2].

3. Институт аудита как процесс – это система представлений об аудите как игре по правилам во времени и пространстве. Здесь следует изучать механизмы и устройства в структурах управления, выявлять издержки в местах стыковок технологических процессов аудита и осуществления трансакций. По нашему мнению, процессное изучение аудита позволит понять его природу (конкуренция, экономические явления и механизмы, общественное мнение, институциональный механизм).

4. Институт аудита как проект – это результат взаимодействия института аудита как объекта, среды и процесса. Данное определение основано на предложении трактовать систему как средство решения проблемы (проект) и включать в проект убеждения и верования – основу неформальных норм [56]. А убеждения и верования формируют идеологию. В нашем случае проектом является «Проект Концепции дальнейшего развития аудиторской деятельности в Российской Федерации, одобренный Советом по аудиторской деятельности 23 июня 2016 года». Это существенное новое дополнение, развивающее сложившуюся систему уже известных научных знаний об аудите.

В отличие от институциональной концепции аудита [33, с. 206–210] мы исследуем институт аудита как систему, включающую требования к нему как объекту, среде, процессу и проекту.

По нашему мнению, не совсем обоснованно выделять собственно «институт аудита» как отдельный элемент институци-

ональной концепции, т. к. в определение института аудита автор [33, с. 206–210] уже закладывает саму формулировку институциональной концепции. Кроме того, при следовании методологии [58] трактовка института аудита как среды воспринимается нами как более емкое понятие, которое объединяет два первых элемента институциональной концепции аудита Н.Г. Кондрашовой: 1) институт аудита как «комплекс основополагающих концепций, норм, правил и стандартов, определяющих основное содержание аудиторской деятельности»; 2) институциональная среда аудита как «организационно-экономические отношения различных субъектов в ходе аудиторской деятельности». Отсюда вытекает вывод, что сами правила и отношения по поводу их соблюдения должны быть совокупным элементом концепции.

По нашему мнению, институт аудита – это не просто набор нормативных установок или учреждений. Институт аудита как проект (средство решения проблемы) можно соотносить с понятиями «институциональная система», «институциональная структура», «институциональная среда», «институциональный механизм», общепринятой трактовки которых именно для области аудита не существует. Приведем авторские позиции.

Институциональная структура аудита характеризует институт аудита как объект, упорядочивает и ограничивает отношения в ходе аудиторской деятельности, это система ее субъектов.

Институциональная среда аудита – это совокупность экономических, правовых, политических и социальных норм, координирующих организационно-экономические отношения различных субъектов в ходе аудиторской деятельности. В настоящее время институциональная среда аудита активно формируется и изменяется.

Институциональный механизм аудита – это институт аудита как процесс, методы и способы использования норм, правил и стандартов аудита на практике. Это способ установления порядка, стабильности и следования правилам хозяйственного механиз-

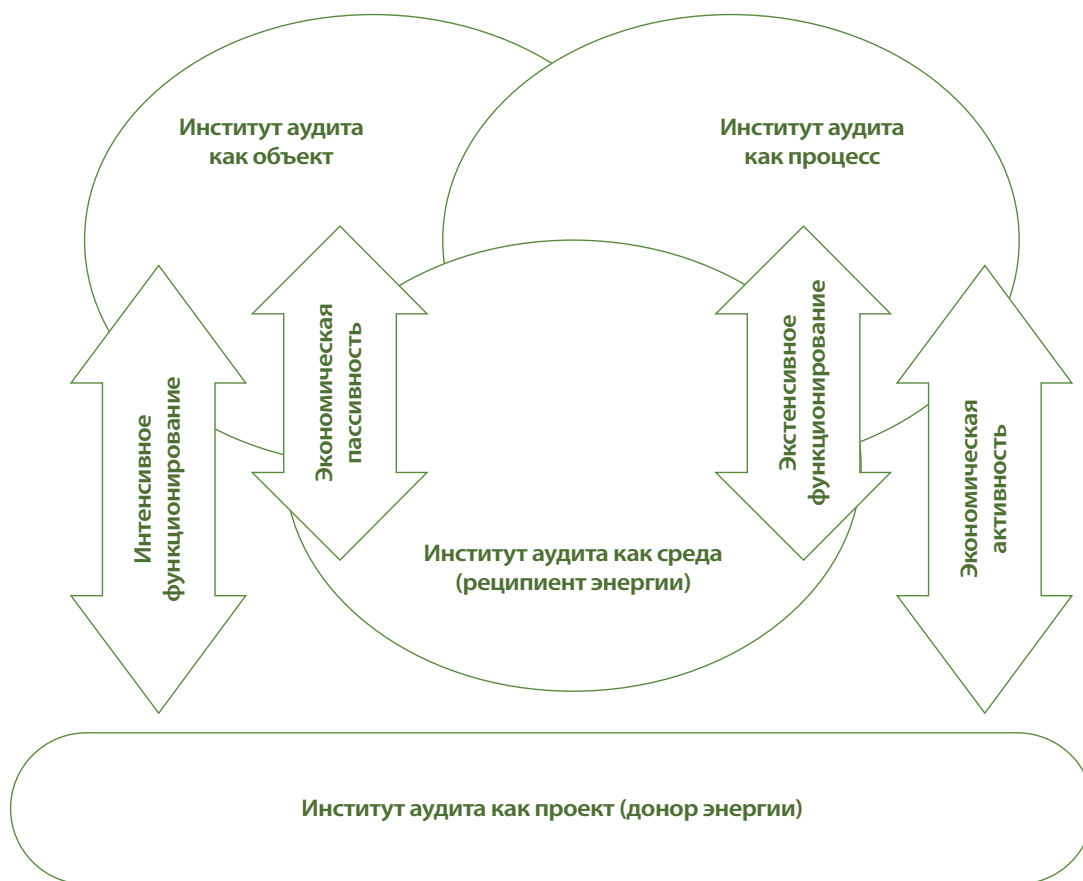


Рис. Концептуальная схема института аудита с позиций системной экономической теории

Источник: составлено автором.

ма, а также обеспечения воспроизводства адекватных проявлениям внешней среды институтов.

Следует с сожалением отметить, что разработчики Проекта Концепции дальнейшего развития аудиторской деятельности в Российской Федерации, одобренного Советом по аудиторской деятельности 23 июня 2016 года¹, не приводят четких критериев оформления института аудита в РФ, отождествляют термин «аудиторская деятельность» и «институт аудита». Определения собственно института аудита не приводится, что дает основания для неоднозначной его трактовки. В Концепции присутствуют следующее утверждение: «... к 2016 году в Российской Федерации сформирован и функционирует институт

аудита, соответствующий, в основном, современной международной признанной модели организации и регулирования аудиторской деятельности». Но свидетельств такого соответствия приведено недостаточно.

Если следовать научному направлению, то предлагаемая нами структура института аудита является достоверной и может подвергаться рассмотрению в такой интерпретации по аналогии с институтом «экономической семьи» – тетрадой, разработанной Г.Б. Клейнером [58], включающей четыре экономические системы разных типов (объекты, среды, процессы и проекты). Но при этом необходимо учитывать функционал подсистем и взаимосвязей в области сотрудничества между парами взаимодействий:

¹ Проект Концепции дальнейшего развития аудиторской деятельности в Российской Федерации: одобр. Советом по аудиторской деятельности РФ 23 июня 2016 г. // Портал Министерства финансов Российской Федерации. URL: http://minfin.ru/common/upload/library/2016/06/main/proj_concep_ot_230616.pdf (дата обращения 12.12.2016).

«объект-среда», «среда-процесс», «процесс-проект», «проект-объект» (рис.).

Г.Б. Клейнер называет тетраду минимальным системным комплексом, способным самостоятельно функционировать в экономике, и отмечает, что «в кризисный период наиболее важная роль принадлежит самой активной проектной подсистеме, в межкризисный – средовой, наименее активной по природе» [59, с. 123].

Условия функционала подсистем аудита и взаимосвязей лежат в плоскости жизненного цикла экономической системы и ее пространства. Проекты и процессы экономически активны, так как это подсистемы с ограниченным жизненным циклом, соответственно, среды и объекты – экономически пассивны. Проекты и объекты – ограниченные в пространстве системы, поэтому они стремятся интенсивно использовать занимаемое пространство. Среда и процессы могут не экономить пространство и функционируют экстенсивно. Следовательно, институт аудита как среда абсолютно пассивен и получает статус реципиента энергии, а институт аудита как проект абсолютно активен – это донор энергии.

Таким образом, с помощью инструментов экономической теории мы доказали, что институт аудита как среда, то есть система правил различных видов, структурирующих социальные взаимодействия, активно влияет на институт аудита как проект, сущностное выражение которого – это аудиторская политика, стратегия развития, аудиторские инновации, адаптация международных стандартов аудита, концепция развития аудита. Причем средовое влияние на проект осуществляется через процессы и объекты.

Вывод

Аудит как экономическую систему можно и нужно изучать с применением новой теории метода исследования.

Сущность «институциональной парадигмы» в исследовании аудита раскрывается через методологические возможности

институционального подхода: расширение предметных границ теоретического пространства, переход на новые уровни и направления исследований, структурная перестройка в знании об аудите, создание предпосылок и условий для новых форм междисциплинарного синтеза, устранение методологических пробелов в науке об аудите. Институциональный анализ снимает проблему «черных ящиков», так как познание перемещается с макроуровня на микроуровень.

Применение институционального подхода позволяет исследовать аудит как целостное явление, выраженное в конструкции «институт аудита как объект – институт аудита как среда – институт аудита как процесс – институт аудита как проект». Причем функция элемента «институт аудита как проект», по нашему мнению, связывается с модификацией аудиторской политики России через совершенствование механизма предоставления коллективных благ, а проектируемая эффективная институциональная система аудита способна обеспечить экономический рост.

Немаловажным является и региональный аспект аудиторской теории и практики, так как доверие к бизнесу формируется в том числе и через отчетность, которая достоверна. Мнение о степени достоверности отчетности, о возможности и безопасности конкретного сотрудничества выражают аудиторы. Мнение зарубежных исследований об аудите как другой практике управления, лежащей в плоскости распознавания общественных интересов, соответствует институциональному подходу и подтверждает предпосылку полезности аудита для адекватного информационного и организационного обеспечения региональной экономической системы.

Результаты исследования могут применяться при изучении проблем природы аудита и его методологии практикующими аудиторами, бухгалтерами, при подготовке бакалавров и магистров, а также использоваться в качестве материалов к

обсуждению в научных дискуссиях аудиторского сообщества по вопросам развития института аудита, в том числе в качестве основы для разработки одного из приоритетных направлений Проекта Концепции «Развитие институтов аудиторской профессии и аудиторского рын-

ка», что связано с задачами по повышению престижа аудиторской профессии и качества аудиторских услуг. Авторская методологическая конструкция института аудита может быть учтена при подготовке новой редакции Федерального закона «Об аудиторской деятельности».

ЛИТЕРАТУРА

1. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
2. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
3. Ефимов В.М. Экономическая наука и философия: прагматический подход. URL: http://inecon.org/docs/Efimov_abstract_20160414.pdf (дата обращения 10.01.2020).
4. Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / под ред. Р.М. Нуреева. М.: Моск. общ. научн. фонд, 2001. 804 с.
5. Сухарев О.С. Институциональный анализ в исследовании экономических изменений: принципы, допущения, ограничения // Экон. анализ. 2016. № 33 (336). С. 2–13.
6. Петренко Т.В. Эволюция парадигмы экономической науки в контексте формирования системной парадигмы // Вестн. Таганрог. ин-та управления и экономики. 2012. № 1. С. 22–27.
7. Брагина З.В., Соколова Ю.В., Кerpелева А.В. Методология научных исследований. Ярославль: МУБиНТ, 2016. 160 с.
8. Алексеева И.В. Исследование сущности и экономической природы стратегического аудита и его объектов // Аудит и финансовый анализ. 2010. № 6. С. 172–182.
9. Chekavinskaya G.A. Institutional Status of Audit in the Russian Federation: Research Problems. *World Applied Sciences Journal*, 2013, vol. 27, no. 13A, pp. 53–57. DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.27.elelc.12
10. Чекавинская Г.А. Формирование интегрированной системы социально-экономического развития аудиторской деятельности в Российской Федерации: институциональный подход. Вологда: ВоГТУ, 2012. 99 с.
11. Chekavinskaya G.A. Audit as form of administrative and economic impact on basic elements of the production system of the territory. *International Journal of Applied and Fundamental Research*, 2013, no. 2. Available at: <http://www.science-sd.com/pdf/2013/2/24353.pdf> (accessed 20.12.2019).
12. Bell William H. *Auditing*. Prentice Hall, 1928. 507 p.
13. Johnson James T., Brasseaux J. Herman. *Readings in Auditing*. Sous-Western Publishing Company, 1960. 665 p.
14. Mautz R., Sharaf H. *The Philosophy of Auditing*. American Accounting Association, 1961. 248 p.
15. Wallace W.A. *The Economic Role of the Audit in Free and Regulated Markets*. New York, University of Rochester, 1980. 50 p.
16. Antle R. The auditor as an economic agent. *Journal of accounting research*, 1982, vol. 20, iss. 2, pp. 503–527.
17. Watts R., Zimmerman J. Agency problems, auditing and the theory of the firm, some evidence. *Journal of Law and Economics*, 1983, vol. 26, iss. 3, pp. 613–633.
18. Fogarty T., Helan J.B., Knutson D.L. The rationality of doing «nothing»: Auditors' responses to legal liability in an institutionalized environment. *Critical Perspectives on Accounting*, 1991, no. 2 (3), pp. 201–226.
19. *Audit Quality: Agency Theory and the Role of Audit*. Institute of Chartered Accountants of Pakistan, 2006. 14 p.
20. Hayes R., Dassen R., Schilder A., Wallage Ph. *Principles of auditing: an Introduction to International Standards on Auditing*. Prentice Hall (Financial times), 2005. 692 p.
21. Endaya Kh. A., Hanefah M.M. Internal Audit Effectiveness: An Approach Proposition to Develop the Theoretical Framework. *Research Journal of Finance and Accounting*, 2013, vol. 4, no. 10, pp. 92–102.

22. Pilcher R., Gilchrist D., Singh I. *The Relationship between Internal and External Audit in the Public Sector – A Case Study*. Paper submitted to the AFAANZ Conference, 2011, July.
23. Mihret D.G., James K., Mula J.M. Antecedents and Organisational Performance Implications of Internal Audit Effectiveness: Some Propositions and Research Agenda. *Pacific Accounting Review*, 2010, no. 22 (3), pp. 224–252.
24. Bake Ch., Bédard J., Hauret Ch. The regulation of statutory auditing: An institutional theory approach. *Managerial Auditing Journal Emerald Group*, 2014, vol. 29, iss. 5, pp. 371–394.
25. Scott Richard W. Lord of the Dance: Professionals as Institutional Agents. *Organization Studies*, 2008, no. 29 (2), pp. 219–238.
26. Elbardan H., Alic M., Ghoneim A. Resource Planning Systems Introduction and Internal Auditing Legitimacy: An Institutional Analysis. *Information systems management*, 2016, vol. 33, iss. 3, pp. 231–247.
27. Lohlein L. *Guarding the guardians essays on audit regulation*. Dissertation, University of Luxembourg, 2016. 227 p.
28. Boolaky P., Soobaroyen T. Adoption of International Standards on Auditing (ISA): Do Institutional Factors Matter? *International Journal of Auditing*, 2017, no. 21, pp. 59–81.
29. Петрик Е.А. Формирование и развитие современного аудита в Украине: институциональный подход // *Международ. бухг. учет*. 2013. № 9. С. 45–52.
30. Шаститко А.Е. О методологии институциональных исследований (к 80-летию статьи Рональда Коуза «Природа фирмы») // *Вопросы экономики*. 2016. № 8. С. 96–119.
31. Нуреев Р.М. На пути к созданию новой макроэкономики: вклад институционализма // *Журн. институц. иссл.* 2013. Т. 5. № 1. С. 6–20.
32. Итыгилова Е.Ю. Институциональное и методологическое обоснование качества бухгалтерского учета и аудита. СПб.: СПбГЭУ, 2015. 444 с.
33. Кондрашова Н.Г. Институциональная концепция аудита // *Аудит и финансовый анализ*. 2012. № 4. С. 206–210.
34. Баранов П.П. Хроники аудиторов Британской короны: неизвестные страницы истории аудита // *Аудитор. ведомости*. 2016. № 4. С. 43–64.
35. Горегляд В.П. Современный аудит: проблемы и перспективы // *Деньги и кредит*. 2017. № 2. С. 6–13.
36. Гутцайт Е.М. О статистике рынка аудиторских услуг: год 2015 // *Аудитор. ведомости*. 2016. № 6. С. 9–25.
37. Чая В.Т. Исходная парадигма развития аудиторской деятельности: проблемы и решения // *Аудитор. ведомости*. 2013. № 11. С. 13–20.
38. Булыга Р.П., Мельник М.В. *Аудит бизнеса. Практика и проблемы развития*. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 264 с.
39. Арабян К.К. *Теория аудита и организация аудиторской проверки*. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 336 с.
40. Панков В.В., Чайковская Л.А., Кожухов В.Л. Институциональные подходы к внедрению практик внутреннего контроля // *Аудит и финансовый анализ*. 2015. № 6. С. 133–138.
41. Ляпкина А.В. Институциональные аспекты аудита бухгалтерской финансовой отчетности // *Современные тенденции развития науки и технологий: мат-лы XVI междунар. науч.-практ. конф.* Белгород: АПНИ, 2016, № 7–8. С. 66–70.
42. Азарская М.А. Институциональная модель российского аудита // *Экономические науки*. 2015. № 6. С. 130–133.
43. Степашин С.В. Государственный финансовый контроль в противодействии коррупции // *Журн. рос. права*. 2012. № 7. С. 15–17.
44. Чая В.Т., Ассанаев Н.Ш. Методология применения институциональных подходов в управленческом учете строительной компании // *Аудит и финансовый анализ*. 2015. № 6. С. 60–62.
45. Жук В.Н. *Основы институциональной теории бухгалтерского учета*. СПб.: АНО «ИПЭВ», 2013. 416 с.

46. Каморджанова Н.А., Селезнева А.В., Смольникова Ю.Ю. Различные системы финансового учета: адаптация к МСФО. СПб.: СПбГЭУ, 2016. 83 с.
47. Комягин Д.Л. Казна и бюджет. М.: Наука, 2014. 498 с.
48. Конопляник Т.М. Современный формат теории прав собственности корпоративных структур в налоговом учете // Бухгалтерский учет, анализ и аудит: история, современность и перспективы развития: мат-лы XII междунар. науч. конф. студентов, аспирантов, преподавателей. СПб.: СПбГЭУ, 2017. С. 85–90.
49. Малевски Г. Литовское общество криминалистов: вектор движения – европейская интеграция // Эксперт-криминалист. 2012. № 4. С. 15–19.
50. Чекавинская Г.А. Научно-методологический подход к аудиту в институциональной проекции. СПб.: НИУ ИТМО, 2016. С. 282–285. URL: <http://openbooks.ifmo.ru/ru/file/4274/4274.pdf> (дата обращения 10.04.2020).
51. Головкин М.В. Методологические особенности институционального подхода к исследованию теневых отношений: преимущества междисциплинарности // Проблемы современной экономики. 2011. № 2. С. 63–67.
52. Ефимов В.М., Автомонов В.С. Прагматизм, два канона экономической науки и два либерализма. URL: http://inecon.org/docs/Efimov_Avtonomov_paper.pdf (дата обращения 15.11.2019).
53. Сухарев О. Эволюционная экономика, «неоклассика» и инновации: Й. Шумпетер, Я. Корнай и «эффект моды» в науке // Инвестиции в России. 2012. № 7. С. 34–40.
54. Иншаков О.В., Фролов Д.П. Эволюция институционализма в российской экономической мысли (IX–XXI вв.). Т. 1. М.: Экономистъ, 2007. 511 с.
55. Аузан А.А. Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория. М.: ИНФРА-М, 2011. 447 с.
56. Ерзнкян Б.А. К измерению и исчислению институтов. URL: https://drive.google.com/file/d/0B_BdkUQW0di4aVg0NU01c3BVM2M/view (дата обращения 10.10.2019).
57. Эволюционная и институциональная экономическая теория: дискуссии, методы и приложения: монография / ред. А.Ю. Архипов, С.Г. Кирдина, Е.М. Мартишин. СПб.: Алетейя, 2012. 368 с.
58. Клейнер Г.Б. Системная экономика – новое направление в экономической науке. URL: <http://900igr.net/prezentacija/ekonomika/sistemnaja-ekonomika-novoe-napravlenie-v-ekonomicheskoy-teorii-g.b.klejner-zam-167225/sistemnaja-karakteristika-osnovnykh-paradigm-ekonomicheskoy-nauki-21.html> (дата обращения 25.12.2017).
59. Клейнер Г.Б. Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории. Ч. 2 // Вопросы экономики. № 1. С. 117–138.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Галина Алексеевна Чекавинская – кандидат экономических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет». Российская Федерация, 160000, г. Вологда, ул. Мальцева, д. 2; e-mail: galina.chekavinskaya@mail.ru

Chekavinskaya G.A.

INSTITUTIONAL PARADIGM OF AUDIT: MULTIDISCIPLINARY DISCOURSE

The article is devoted to interdisciplinary discussion on economic theory and audit. The institutional approach in Russia is represented by a new institutional economic theory and economic sociology. The scientific community notes that techniques of institutional economics may be used to

develop a wide range of problems. Institutions need to be studied and measured, and it will reduce the uncertainty of economic systems. The purpose of the research is to develop a set of theoretical provisions related to the generalization of institutional ideas about audit. Scientific novelty is development of a conceptual scheme of the institute of audit from a position of system economic theory. The analysis of the possibility and necessity to use new approaches while overiewing audit is performed. One of them is the institutional approach which is necessary to use as a form and method of research. The process of changing the paradigm of audit science is justified. The hypothesis on the applicability of tools of institutional economic theory in sectoral economic studies with the priority of neo-institutionalism is proved. The category “approach to research” is studied with justifying the special role of the aspect approach together with the system and conceptual approaches, and options for integrating approaches are highlighted. The evolution of audit research, based on institutional theory, is analyzed using works of foreign authors from the USA, Great Britain, Pakistan, the Netherlands, Libya, Malaysia, Australia, France, Canada, Germany, and Ukraine. Scientific priorities of applying institutional level of studies are established, and features of the system interpretation of institutions are highlighted. Audit problems are identified, the crisis in the audit activity of the Russian Federation is noted, and it justifies the need to develop the new institutional audit theory. The structure of the institutional approach to audit has been expanded to include three areas: philosophical, methodological, and institutional analysis. A conceptual structural scheme, based on the system methodology of G.B. Kleiner, is presented. It considers established functional interconnections between subsystems of the audit institute. Scientific provisions of the audit institute as an object, environment, process, project, and its reliability are substantiated. At the same time, the donor-recipient interconnections between the project and the environment in the structure of the institute of audit are established. It is shown that the environmental impact on the project is carried out through processes and objects. The institute of audit as a project is represented by the most significant element within the stagnation of audit activity, its essential characteristics are highlighted: audit policy, development strategy, audit innovations, adaptation of international standards of audit, the concept of audit development. The subject of further studies could be the identification of the degree of the audit institute’s subsystem balance, its measurement by calculating the potential (“capacity”) and the intensity of exchange between subsystems.

Neo-institutionalism, institutional approach, audit problems, institutional paradigm, evolution of audit research, new institutional theory of audit, institute of audit as object, environment, process, and project.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galina A. Chekavinskaya – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Vologda State University”. 2, Maltseva Street, Vologda, 160000, Russian Federation; e-mail: galina.chekavinskaya@mail.ru

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ

DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.6

УДК 368.1 | ББК 65.271

© Аксютинa С.В.

СТРАХОВОЙ РЫНОК РФ: ОЦЕНКА И ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ



СВЕТЛАНА ВАСИЛЬЕВНА АКСЮТИНА

Вологодский государственный университет

Российская Федерация, 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15

E-mail: s_vasilievna@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0342-9529

В статье рассмотрены основные количественные и качественные показатели страхового рынка РФ за 2010–2019 гг., свидетельствующие о неравномерном развитии страховых отношений, что определяет необходимость ориентации на новую модель страхового бизнеса. За исследуемый период произошла трансформация страхового рынка со значительным изменением структуры страховых премий при сохранении универсальных предложений страховых программ и высокой концентрации сборов в Центральном федеральном округе. Присутствующая неравномерность замедляет развитие рынка страхования и обуславливает преодоление структурных и территориальных диспропорций, для снижения которых необходимо активно применять новые страховые продукты и цифровые технологии продаж. Способствовать дальнейшему росту страхового рынка может повышение страховой культуры и финансовой грамотности экономических агентов при одновременной активизации действий страховщиков по формированию потребительского спроса. В статье выдвигается гипотеза о том, что преодолеть тенденции неравномерного и инерционного развития страхового рынка РФ возможно путем усиления цифрового страхования и активного внедрения программ, ориентированных на персональные клиентские потребности. С учетом всемирного тренда оцифровывания экономики требуется усилить государственный контроль над информационными рисками и регулировать страховое мошенничество. Исходя из вышеизложенного, целью исследования выступает обоснование направлений развития страхового рынка РФ в условиях клиентоориентированной и цифровой модели страхового бизнеса. Основные задачи: рассмотрение теоретических подходов к функционированию рынка страхования и обобщение современных проблем его развития в РФ; оценка динамики ос-

Для цитирования: Аксютинa С.В. Страховой рынок РФ: оценка и приоритетные направления развития // Проблемы развития территории. 2020. № 3 (107). С. 90–102. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.6

For citation: Aksjutina S.V. Insurance Market of the Russian Federation: Assessment and Priority Development Directions. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 3 (107), pp. 90–102. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.6

новых показателей, индикаторов и уровня цифровизации страхования; определение направлений и условий дальнейшего развития рынка страховых услуг. Новизна работы заключается в рассмотрении основных тенденций развития страхового рынка РФ, свидетельствующих о замедлении его роста и сохранении диспропорций в страховании, причинами которых являются: низкий уровень цифровизации страхования, недостаточность инноваций в страховом деле и индивидуальных страховых программ, основывающихся на специфическом спросе страхователей. Практическая значимость исследования состоит в возможности использовать результаты в учебном процессе и в научной дискуссии в качестве методологической базы, в государственных органах управления для повышения эффективности управленческих решений по вопросам контроля и регулирования страховых отношений.

Страховой рынок, показатели и индикаторы страхования, инновации в страховании, цифровизация страхового дела, страховые продукты.

Введение

Страхование, как один из ведущих элементов экономики, все больше входит в жизнь современного общества. Оно является самым эффективным механизмом управления рисками. За последнее десятилетие укрепляются позиции страховых компаний на финансовом рынке. При этом страхование, главная задача которого – защита имущественных интересов страхователей, в полной степени не ориентировано на индивидуальные потребности клиентов.

Страхование способствует устойчивому росту экономики, обеспечивая ее долгосрочными инвестиционными ресурсами и формируя новые страховые инструменты на финансовом рынке, стабилизирует социально-экономические процессы в обществе, выступает гарантом имущественных интересов страхователей. Современная модель развития страхового рынка должна приобрести инновационный характер, что обуславливает ориентацию на клиентов, коренным образом меняя поведение страховщиков¹.

Актуальность проблем, связанных с развитием страхового рынка, подтверждается многочисленными исследованиями. Вопросы развития страхования и его отдельных отраслей в РФ рассматриваются в трудах Ю.Т. Ахвледзиани, Д.В. Брызгалова, С.А. Белозерова, Д.Б. Гасановой, Н.Б. Грищенко, И.А. Еременко, Н.В. Завьялкиной,

Н.М. Ованесян. На необходимость инноваций в страховании указывают А.Н. Зубец, А.В. Козлов, Н.Е. Саввина, на развитие регионального сектора страхового рынка обращают внимание Л.А. Орланюк-Малицкая, Е.Л. Прокопьева. Вопросы современных инструментов продвижения страховых продуктов и цифрового страхования исследованы О.Ю. Красильниковым, А.В. Румянцевой, А.А. Цыгановым, Н.Е. Щербаковой и др.

Вместе с тем недостаточно внимания уделено проблемам, связанным с поиском направлений для сглаживания неравномерности в развитии страхового рынка в РФ. В указанном контексте актуальность приобретают вопросы развития страхового рынка в условиях цифровизации и ориентации страховых программ на потребности страхователей, что позволит активно развивать региональные страховые сегменты и усилить позиции страхования на финансовом рынке.

Теоретические аспекты исследования

Следует отметить, что в последние годы позиции страхования в финансовой системе становятся более прочными, повышается значимость инвестиционного и накопительного страхования, обеспечивается конкурентоспособность страховых компаний. В условиях цифровизации изменяется содержание страхового дела (оцифровывание технических процессов в страховой компа-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 22 июля 2013 г. № 1293-р «Об утверждении Стратегии развития страховой деятельности в Российской Федерации до 2020 года». URL: <http://www.pravo.gov.ru>

нии, новые страховые продукты и цифровые технологии) [1] при неизменности его сущности, проявляющейся в защите интересов страхователей в результате солидарной и замкнутой раскладки ущерба.

Взаимоотношения экономических субъектов по защите имущественных и личных интересов страхователей строятся на рынке страховых услуг, выступающем механизмом реализации данных отношений при наступлении неблагоприятных ситуаций. Классическая интерпретация рынка страхования предполагает наличие экономической основы соединения интересов страхователей и страховщиков, функционирования с учетом спроса и предложения, стимулирования создания новых страховых продуктов, новых способов предоставления страховых услуг, требующихся потенциальному страхователю. Обеспечение конкурентоспособности предлагаемых страховых продуктов зависит не только от тарифной политики страховых компаний, но и от инструментов [2], методов обслуживания потребителей страховых услуг [3–6], в том числе с применением цифровых технологий [1; 7].

Обобщая мнения исследователей по вопросам функционирования российского страхового рынка, отметим следующее. В основном он рассматривается как совокупность отношений между экономическими агентами по купле-продаже страховых продуктов [3; 4; 8–13]. Существует интерпретация страхового рынка как процесса реализации денежных отношений, связанных с формированием и распределением страховых фондов, предназначенных для страховой защиты [6]. Кроме того, он является интегрированной системой, объединяющей рынок страховщиков, страхователей и страховых продуктов и имеющей назначение «обмена страховщиком готового продукта на соответствующий эквивалент, исходя из спроса потребителей, руководствующихся качеством, надежностью предлагаемой страховой услуги» [14, с. 74].

Соответственно, условием эффективного развития страхового рынка можно считать

способность страховщиков своевременно удовлетворять постоянно меняющиеся потребности страхователей в страховой защите. Всемирный тренд оцифровывания экономических отношений в обществе затрагивает и страховой рынок. Дистанционное обслуживание и цифровой формат взаимоотношений между участниками страховых отношений призваны повысить привлекательность страховых продуктов, поскольку требуют меньших затрат времени на заключение договора и урегулирование претензий со стороны страхователя и удешевляют стоимость обслуживания клиентов со стороны страховщика, тем самым оказывая влияние на снижение страхового тарифа.

В современной литературе особое внимание уделяется вопросам инновационного развития страхования и повышения потребительской ценности страховых продуктов. В указанном аспекте (с точки зрения клиентоориентированной модели страхования) под страховым продуктом понимается комплексное обеспечение защиты имущественных интересов страхователя, реализуемое в предпочтительной для него форме по принципу «здесь и сейчас», включая заключение договора и урегулирование страховых случаев [1; 4; 6; 8; 15–17].

Облегчить задачу внедрения инноваций и цифровых технологий в страховой процесс позволяют мобильные приложения. Интернетизация страхового рынка зависит от множества объективных и субъективных факторов: стабильной работы сети Интернет, обеспечения безопасности процедуры заключения договора, цифровой и финансовой грамотности страхователей, наличия предложения цифровых продуктов, активности страховщиков в социальных сетях и т. д. Вместе с тем недостаточность рекламы и просветительской работы со стороны страховщиков при отсутствии цифровых платформ, позволяющих в режиме онлайн осуществлять выбор страховых продуктов и сравнивать условия их предоставления, препятствует расширению прямых продаж, в том числе и с использованием интернет-технологий.

Ориентация на спрос потребителей страховых услуг устраняет инерционное развитие страхового рынка, предопределяет покрытие новых рисков (например, информационных), создание новых продуктов, под которыми понимаются подретушированные продукты [15], заимствованные с других рынков продукты, отдельные части стандартных продуктов [16]. Такая клиенто-ориентированная модель способствует расширению страховой защиты в пространстве, что в совокупности с цифровизацией позволит сгладить неравномерность и сократить территориальные диспропорции, присущие российскому страховому рынку. Следует отметить, что неравномерность является объективной характеристикой любой социально-экономической системы, она связана с притягиванием капитала с периферии в центр [18], наличием различной степени информированности экономических агентов [19], низким уровнем инновационной деятельности [20]. Это в полной мере транслируется на страховой рынок.

Технический прогресс, активное внедрение цифрового страхования: интернетизации, индивидуализации и дигитализации страхования – позволит повысить его эф-

фективность и качество [1]. Развитие цифровых каналов продаж при одновременном росте страховой культуры и финансовой грамотности населения будет способствовать развитию региональных рынков страхования [6; 21].

При этом следует учесть новые угрозы информационных рисков и мошенничества, сопровождающих финансовые операции в условиях цифровых технологий. В данном случае необходимо государственное регулирование и усиление контрольных процедур для осуществления безопасной и надежной страховой деятельности, способной обеспечить защиту интересов страхователей.

Оценка страхового рынка РФ

Основные показатели страхового рынка РФ и их динамика за период 2010–2019 гг. (рис.) свидетельствуют о стабильном развитии страхования. Отмечается устойчивая тенденция роста страховых премий с незначительным увеличением страховых выплат, что объясняется возрастанием доли долгосрочного личного страхования, где присутствуют отсроченные выплаты.

За рассматриваемый период в результате преобразования страхового бизнеса (анну-

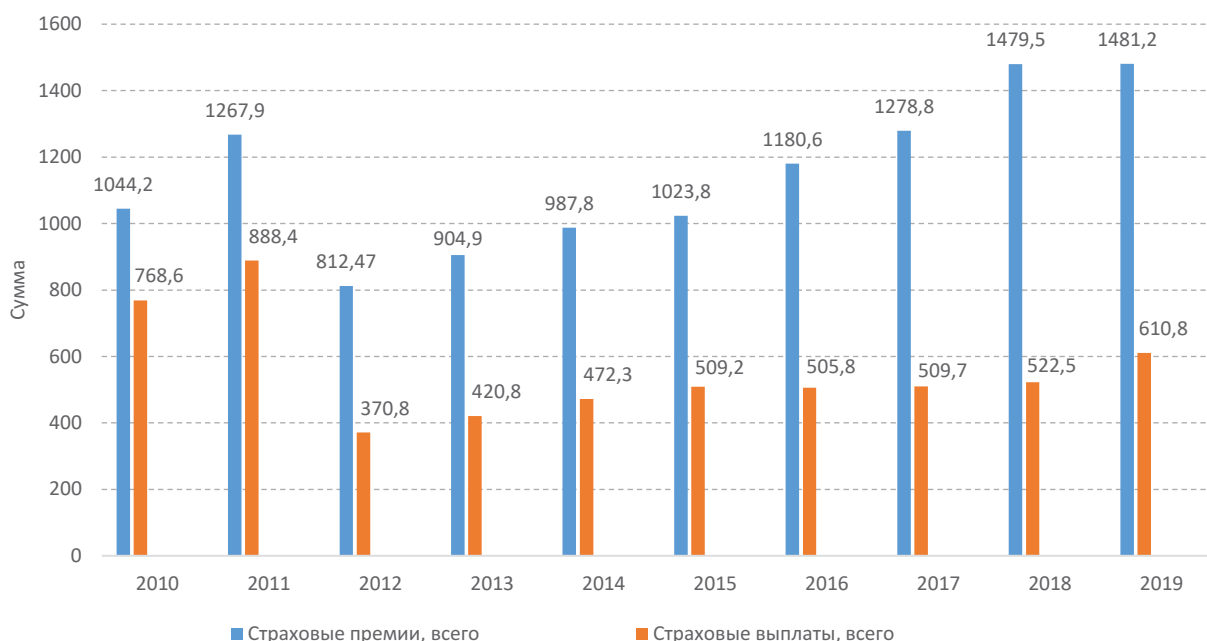


Рис. Динамика страховых премий и страховых выплат в РФ за период 2010–2019 гг., млрд руб.

Составлено по: ЦБ РФ. Сведения о страховых премиях. URL: https://www.cbr.ru/insurance/reporting_stat

Таблица 1. Динамика показателей, характеризующих страхование в РФ за период 2010–2019 гг.

Показатель	Год										Изменение, 2019 год к 2010 году
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	
Количество страховых организаций, ед.	600	579	469	432	416	344	256	226	199	178	29,7%
Количество заключенных договоров страхования, млн ед.	128,1	133,2	140,7	139,1	157,9	144,7	167,8	193,1	202,6	208,1	162,5%
Доля страховых премий, полученных с использованием интернета, % от общего объема	-	-	-	-	0,28	0,31	0,5	2,5	5	4,6	+4,6 п. п.
Средняя страховая премия на 1 договор страхования в РФ, тыс. руб.	8093	9533	5764	6478	6228	7142	6930	6622	7303	7118	87,9%
Средняя страховая выплата на 1 договор страхования, тыс. руб.	6049	6773	2676	3018	2998	3552	2994	2640	2578	2935	48,5%
Уровень страховых выплат, %	74,7	71,1	46,4	46,6	48,1	49,7	43,2	39,9	35,3	41,2	-33,5 п. п.
Доля страховых премий в ВВП, %	2,24	2,11	1,19	1,23	1,24	1,24	1,38	1,4	1,44	1,35	-0,89 п. п.
Страховые премии на душу населения, тыс. руб.	7,25	8,88	5,66	6,28	6,84	7,06	8,12	8,75	10,13	10,09	139,1%

Составлено по: ЦБ РФ. Статистические показатели и информация об отдельных субъектах страхового дела. URL: <https://www.cbr.ru/insurance/>

лирование лицензий на страхование, реорганизация страхового бизнеса) происходит значительное сокращение страховых компаний (с 600 ед. в 2010 году до 178 в 2019 году).

Количественные и качественные показатели, а также индикаторы страхового рынка РФ приведены в *табл. 1*.

Сопоставляя показатели страхового рынка в 2010 и 2019 гг., можно отметить, что при уменьшении количества страховщиков и снижении страховой премии, приходящейся на один договор, качественные показатели улучшаются, что проявляется в сокращении уровня страховых выплат и увеличении основного индикатора страхового рынка – плотности страхования (объем страховых премий на душу населения). Темпы роста страховых премий уступали приросту ВВП, что отразилось на втором индикаторе страхового рынка – глубине проникновения, снизившемся на 0,89 п. п.

Устойчивая тенденция роста объемов страховых премий, наблюдавшаяся с 2012 по 2018 год, прекращается в 2019 году, когда происходит замедление развития страхово-

го рынка. В отношении предыдущего года в 2019 году сбор страховых премий возрос на 0,1%, страховая премия в расчете на один договор сократилась на 2,5%. Страховые выплаты в целом по рынку страхования РФ увеличились на 16,9%, в расчете на один договор – на 13,8%, коэффициент выплат повышается на 5,9 п. п.

Следует отметить стабильный рост доли премий, полученных с использованием сети Интернет, с 2014 года, однако значение данного показателя остается на крайне низком уровне (5% в 2018 году, 4,6% в 2019 году).

Из 178 страховых компаний 82% сборов страховых премий осуществляется 20 крупнейшими страховщиками. Лидерами, входящими в ТОП-5, являются: АО «СОГАЗ», ООО СК «Сбербанк страхование жизни», АО «АльфаСтрахование», СПАО «Ингосстрах», СПАО «РЕСО-Гарантия» (совокупная доля рынка – 44,2%). Десятка крупнейших страховых компаний охватывает страховой рынок на 67,6%².

Рассматривая структуру страховых премий в разрезе федеральных округов (*табл. 2*),

² Страхование сегодня: TOP 20 – крупнейшие страховые компании. URL: <https://www.insur-info.ru/statistics/analytics>

Таблица 2. Структура страховых премий по федеральным округам в 2010–2019 гг., %

Территория	Год					
	2010	2012	2014	2016	2018	2019
По договорам страхования на территории Российской Федерации – всего	100	100	100	100	99,996	99,99
Центральный федеральный округ	56,0	56,5	57,4	58,6	59,9	59,0
Северо-Западный федеральный округ	10,4	9,9	9,8	9,8	9,3	11,3
Южный федеральный округ	4,5	4,6	4,5	4,7	4,6	4,2
Приволжский федеральный округ	12,4	12,2	12,2	11,6	11,4	10,5
Уральский федеральный округ	7,1	7,2	6,5	5,8	5,9	5,9
Сибирский федеральный округ	6,2	6,3	6,1	5,9	5,3	5,5
Дальневосточный федеральный округ	2,2	2,1	2,2	2,3	2,7	2,5
Северо-Кавказский федеральный округ	1,2	1,2	1,2	1,2	1,0	1,0
За пределами Российской Федерации	–	–	–	–	0,004	0,01

Составлено по: данные отчетности по отдельным субъектам страхового дела. URL: https://www.cbr.ru/statistics/insurance/#a_59438

Таблица 3. Изменение структуры страховых премий 2010, 2018–2019 гг., %

Вид страхования	2010 год	2018 год	2019 год	Изменение, 2019 год к 2010 году
Обязательное страхование	17,7	17,0	16,0	-1,7
Имущественное страхование	56,2	30,7	31,5	-24,7
Личное страхование (без страхования жизни)	22,0	21,7	24,9	+2,9
Страхование жизни	4,0	30,6	27,7	+23,7
Всего	100	100,0	100	x

Составлено по: ЦБ РФ. Сведения о страховых премиях. URL: https://www.cbr.ru/insurance/reporting_stat

можно отметить, что значительных изменений на протяжении десятилетнего периода не наблюдается, стабильно увеличивается доля сбора премий в Центральном федеральном округе (с 56 до 59%), происходит перетягивание ресурсов с периферии в центр, незначительно возрастает доля СЗФО (+0,9%) и Дальневосточного федерального округа (0,3%), в остальных округах доля сборов страховых премий снижается.

Отраслевая структура страховых премий за исследуемый период (табл. 3) позволяет говорить о значительных изменениях на рынке страхования.

Изменение структуры страховых премий в 2018–2019 гг. по сравнению с 2010 годом свидетельствует о трансформации страхового рынка. При незначительном изменении обязательного страхования возрастает объ-

ем накопительных долгосрочных продуктов страхования жизни, сокращая долю имущественного страхования. Замедление продаж автомобилей в кредит, снижение объемов выдачи ипотечных кредитов могут замедлить развитие сегмента имущественного страхования, отличающегося предложением стандартных продуктов. Основываясь на экспертных оценках и результатах нашего исследования, становится возможным заключить, что драйвером развития страхового рынка РФ остается страхование жизни, которое при снижении уровня банковских процентов по вкладам обладает конкурентоспособностью и при дальнейшем увеличении налоговой льготы может способствовать заинтересованности населения в долгосрочном страховании. С учетом стабильного снижения доли имущественного страхо-

вания и сокращения объемов страхования жизни в 2019 году актуализируются вопросы, связанные со страховым маркетингом и разъяснительной работой страховщиков с потенциальными страхователями, активным внедрением цифровых каналов продаж и новых страховых продуктов. Нацеленность на дальнейшую активизацию страхования, позволяющего создать финансовую безопасность граждан, требует предложения индивидуальных страховых продуктов и удобных способов получения страховых услуг, в том числе в дистанционном формате. В настоящее время перечень страховых продуктов незначителен: обязательные виды страхования предполагают сборы по ОМС и ОСАГО, добровольные виды страхования в основном включают продажу полисов ДМС, страхования автотранспорта и ипотечное страхование. Появляются новые виды страховых продуктов, например, страхование онкологических заболеваний, страхование дронов. При этом высокая стоимость полисов при стандартном наборе покрываемых рисков не позволяет не только привлекать новых клиентов, но и удерживать имеющуюся клиентскую базу.

Очевидно, экстенсивное страхование исчерпывает себя. В дальнейшем требуется инновационный путь развития, включающий увеличение плотности и глубины страхования в регионах, внедрение клиентоориентированных программ, активизацию цифрового страхования. Необходимо обратить внимание на развитие каналов с использованием сети Интернет, что позволит сократить издержки страховщиков и стоимость страховых полисов, повысить привлекательность страховых услуг.

По оценкам специалистов концентрация рынка страхования в целом умеренная (коэффициент Херфиндаля – Хиршмана находится в интервале НИ ниже 1000) [10]. Соответственно, страховой рынок является конкурентным, но в отношении его отдельных сегментов (например, страхование жизни, добровольное медицинское страхование, страхование от несчастных случаев) имеет место олигополия, на сегодняшний день

не требующая вмешательства государства с целью антимонопольного регулирования. Однако, как было отмечено ранее, необходимость регулирования возникает в связи с возрастающей ответственностью страховщиков при совершении цифрового страхования.

Таким образом, оценка основных показателей развития страхового рынка позволяет отметить замедление и территориальную неравномерность его развития с наибольшей концентрацией страхового рынка в Центральном федеральном округе, низкие показатели цифрового страхования, значительные структурные изменения в сборе страховых премий, преимущественное предложение универсальных страховых продуктов, без учета новых рисков и потребностей клиентов.

Существенным аспектом упрочения позиций страхования на финансовом рынке является преодоление неравномерности его развития, что характерно не только российской, но и зарубежной практике функционирования страхового рынка [22; 23].

Направления развития страхового рынка РФ

Проведенное исследование позволяет определить важнейшие направления развития страхового рынка РФ в современных условиях. Во-первых, в качестве важнейшего направления следует обозначить цифровизацию страхования, влекущую изменение каналов дистрибуции, предоставление страховщиками страхователям возможности получить услуги в дистанционном формате. Это соответствует новой клиентоориентированной модели страхового бизнеса и основному требованию клиента – получать услугу «здесь и сейчас», а также урегулировать страховые случаи без посещения страховой компании, предусматривает ориентацию потребительского поведения на прямые продажи через интернет с использованием мобильных телефонов, смартфонов и специальных приложений. Дистанционный доступ требует наличия необходимых компетенций страхователей для работы в цифровой сре-

де и доступа к сети Интернет. Препятствия цифровизации в страховании могут создавать различного рода факторы:

- субъективные факторы, проявляющиеся в страховой и цифровой культуре, степени доверия страховщикам, подверженности традиционным каналам приобретения страховок;

- объективные факторы – доступность и качество интернета, ограниченность инновационных предложений, новые киберриски, страховое мошенничество.

Активизация цифровых технологий в страховании неизбежно приведет к появлению новых информационных (кибер) рисков, что требует обеспечить безопасность страховых отношений. Из-за стремительного роста IT-технологий и информационной инфраструктуры в современном обществе увеличивается число киберпреступлений. Согласно официальным данным МВД России количество таких преступлений в 2018 году выросло на 92% по сравнению с предыдущим годом³. Такая ситуация способствует актуализации вопросов о защите данных от потери, хакерских атак, простоя и утечки конфиденциальной информации, а страхование киберрисков является лучшим выходом, служащим для минимизации возможного ущерба [24]. Проблемы киберрисков наряду со страховым мошенничеством охватывают весь мировой страховой рынок, что, несомненно, требует государственного вмешательства.

Киберстрахование – это страховой продукт по защите киберрисков любых организаций и физических лиц, чья деятельность каким-либо образом связана с обработкой и хранением различных данных в глобальном информационном пространстве⁴. В настоящее время страхование киберрисков только начинает свое развитие, но можно

выделить ряд страховых компаний, успешно осуществляющих указанную деятельность: АО «АльфаСтрахование», ООО СК «Сбербанк страхование», СПАО «Ингосстрах», СПАО «РЕСО-Гарантия». Новым решением киберстрахования должен стать вывод технологий в облака, в том числе – появление автономных облачных СУБД, работающих без участия человека, и активное применение технологий блокчейн.

Во-вторых, развитие российского страхового рынка предусматривает совершенствование процедур контроля и регулирования страховых преступлений. Многие страны на протяжении длительного периода ведут организованную борьбу со страховым мошенничеством. Например, в Финляндии число злоупотреблений в сфере страхования сокращается путем наделения регулятора рынка финансовых услуг страны (Federation of Finnish Financial Services) полномочиями по профилактике страхового мошенничества⁵. В практике Германии существует и успешно функционирует Союз страховщиков (Gesamtverband der Deutschen Versicherungswirtschaft)⁶, в Канаде создано специальное страховое бюро (Insurance Bureau of Canada)⁷, в Польше имеется Палата страхования (Polska Zba Ubezpieczen)⁸. Указанные организации уже в течение длительного периода времени достаточно удачно выполняют функции контроля и регулирования страховых преступлений на основе накопленной статистики о правонарушениях.

Заслуживает внимания датская практика, когда Страховая Ассоциация «The Danish Insurance Association» проводит семинары, в том числе узкоспециализированные (автострахование, интернет-мошенничество и т. д.), нацеленные на повышение осведомленности страховщиков и страхователей о видах и способах страхового мошенничества⁹.

³ Российская газета (RG.RU). URL: <https://rg.ru/2019/03/25/kolokolcev-chislo-kiberprestuplenij-v-rossii-velichilos-v-16-raz.html>

⁴ Cyber: getting to grips with a complex risk. Sigma, Swiss Re Institute. URL: http://media.swissre.com/documents/sigma1_2017_en.pdf

⁵ Financial Services. Insurance. The Federation of Finnish Financial Services. URL: <http://www.finanssiala.fi>

⁶ About Us. The Berlin-based German Insurance Association. URL: <http://www.en.gdv.de>

⁷ Insurance Crime. The Insurance Bureau of Canada. URL: <http://www.ibc.ca>

⁸ Who we are. The Polish Insurance Association. URL: <https://www.piu.org.pl>

⁹ The impact of insurance fraud. Insurance Europe. URL: <http://www.insuranceeurope.eu>

Аналогичным образом осуществляется работа в Германии, где для специалистов страховых компаний, занимающихся вопросами урегулирования убытков, ежегодно проводятся семинары и тренинги, позволяющие обучиться способам распознавания и последующего предотвращения страхового мошенничества.

В России действует Бюро страховых историй, находящееся в подчинении Российского союза автостраховщиков. Других организаций, занимающихся вопросами борьбы со страховым мошенничеством, нет. Основываясь на положительном зарубежном опыте, считаем целесообразным усилить государственный контроль над страховым мошенничеством путем создания Единого бюро страховых правонарушений, основной целью которого должно выступать сокращение убытков, наносимых страховыми мошенниками.

В-третьих, необходимо сглаживать неравномерность страхового рынка, в частности развивать региональные рынки и преодолевать территориальные диспропорции. В определенной степени цифровизация страхования позволит получать страховые услуги независимо от места нахождения страхователя, в том числе в отдаленных от городов территориях. Отметим, что отсутствие цифровых платформ онлайн-выбора программ страхования затрудняет принятие страхователями обоснованных решений по передаче риска страховым компаниям. Появление новых программ страхования, таких как «умное каско», «плати как ездешь», телемедицина и т. д., не сопровождается активными маркетинговыми действиями страховщиков, что приводит к неосведомленности страхователей и их нежеланию заключать договоры добровольного страхования. Также могут быть востребованы классические программы с дополнительными опциями (страхование жизни с опциями медицинского страхования, страхования онкологических заболеваний, рисков в связи с потерей работы и т. д.), программы с ограниченным перечнем рисков и низкой стоимостью страхования.

К примеру, в регионах представляется возможным развивать телемедицину, которая позволяет заменить постоянные обращения к врачам при наличии хронических заболеваний, сокращает количество необоснованных вызовов скорой помощи, поскольку необходимую консультацию можно получить в дистанционном режиме. Также в рамках телемедицины могут применяться отдельные части программы (например, при наличии лишнего веса путем телемедицинского биомониторинга), что, по своей сути, является новым страховым продуктом.

В настоящее время многие люди используют датчики и фитнес-браслеты, позволяющие отследить биометрические параметры: пульс, количество пройденных шагов, потраченных калорий и т. д. Помимо этого программа может включать дистанционные консультации врача-диетолога для контроля заболеваемости как детей, так и взрослых при нахождении в любой точке мира, особенно на отдыхе, когда сбивается режим питания. Целесообразность реализации данной программы обосновывается экономией времени пациента в результате замены личного посещения диетолога, получением персонализированных консультаций и помощи, не выходя из дома.

Такой клиентоориентированный подход к страхованию способствует привлекательности страховых услуг. В совокупности с государственным контролем над страховым мошенничеством и киберрисками можно повысить качество предоставляемых страховых услуг, обеспечить доверие граждан к институту страхования, что поможет страхованию глубже проникнуть в экономику, повысить его плотность и привлечь новые объемы инвестиционных ресурсов.

Условиями дальнейшего успешного развития страхового рынка можно назвать активное использование адаптированного передового зарубежного опыта для повышения гарантии и качества страховой защиты в результате ужесточенного контроля над страховым мошенничеством и киберрисками; обеспечение качества работы сети Интернет и расширение зон доступа для

использования цифровых технологий; внедрение индивидуального подхода к страхователям и предоставление возможности для выбора ограниченного перечня рисков с целью снизить стоимость страхового продукта; повышение финансовой грамотности и страховой культуры экономических агентов.

Для достижения средних европейских значений, характерных для индикаторов развития страхового рынка, необходимо значительно увеличить сбор страховых премий, что в краткосрочной перспективе достаточно сложно реализовать. Тем не менее, учитывая, что стабильно растет количество пользователей интернет-ресурсов и на государственном уровне реализуется программа повышения финансовой грамотности населения, имеется достаточно большое количество возможностей для реализации новых программ, следует предположить стабильный тренд роста страховых премий, в том числе с учетом цифровых каналов.

Выводы

Подводя итог нашего исследования, можно заключить:

1. Страховой рынок РФ постепенно переходит на качественно новый уровень своего развития, ориентируясь на удовлетворение интересов страхователей в условиях цифровой экономики. Современное состояние страхового рынка характеризуется низкой цифровизацией, недостаточным использованием страхового потенциала в силу отсутствия индивидуализированных предложений, преобладанием унифицированных продуктов, что приводит к снижению объемов страховых премий и ухудшению качественных показателей страхового рынка, обострению его проблем. Цифровые тренды в страховании без изменения сущности страховых отношений обуславливают новое содержание защиты имущественных интересов экономических агентов, определяют усиление государственного контроля над безопасностью страховых отношений в целях сокращения информационных рисков и мошенничества. Современные требования страхователей заключаются в простоте

цифрового страхования, круглосуточном доступе к страховым услугам, понятности информации о страховом продукте, возможности приобрести требуемое индивидуальное страховое покрытие. Универсальные страховые продукты не всегда отвечают потребностям страхователей в силу недостаточной или избыточной страховой защиты либо стоимости страховых услуг.

Соответственно, инновационные подходы к формированию страховых продуктов как отдельных частей универсальных продуктов способны повысить привлекательность страхования. Остается нерешенной проблема создания цифровых платформ, позволяющих в режиме онлайн осуществлять не только заключение договора, но и сравнение условий страхования, выбор требуемых страховых программ. Удовлетворение указанных потребностей страхователей даст возможность активно внедрять инновационные продукты, сокращать издержки при оказании страховых услуг, расширять сферу деятельности и способствовать глубине проникновения страхования в экономику.

2. В период 2012–2018 гг. наблюдалась устойчивая тенденция инерционного роста основных показателей и индикаторов страхового рынка, однако его уровень оставался недостаточно высоким. В 2019 году замедлилось развитие страхового рынка и снизились отдельные количественные и качественные показатели страхования. Присутствует неравномерное территориальное и отраслевое развитие страхования, проявляющееся в наибольшей концентрации страховых премий в Центральном федеральном округе (59% в 2019 году). Безусловными лидерами на рынке страхования с долей 44,2% от общего объема собранных премий выступают ТОП-5 страховщиков: АО «СОГАЗ», ООО СК «Сбербанк страхование жизни», АО «АльфаСтрахование», СПАО «Ингосстрах», СПАО «РЕСО-Гарантия». За исследуемый период структура страховых премий претерпела существенное изменение. В 2010 году преобладающее количество сборов страховых премий (56,2%) относилось к имущественному страхованию, в 2019

году более половины (52,6%) собранных страховых премий приходилось на личное страхование, что свидетельствует о трансформации страхового рынка, ослаблении позиций имущественного страхования и усилении роли долгосрочного страхования жизни с использованием накопительных и инвестиционных программ. Сгладить неравномерность развития страхового рынка в территориальном и отраслевом аспектах поможет активное внедрение цифровизации, позволяющей страхователю в нужное время и в любом месте приобрести страховую защиту, и индивидуализации страхования, предусматривающей возможность обоснованного выбора страхового покрытия.

3. Проблема неравномерности и замедления развития страхования требует комплексного решения, в том числе и на государственном уровне, поскольку имеет высокую экономическую значимость, позволяя формировать долгосрочные инвестиционные ресурсы, и при этом реализует социальную защиту жизненных интересов страхователей, сбережение и накопление средств, независимо от места их нахождения. Развитие цифрового страхования влечет новые информационные риски и возможности для страхового мошенничества. Ориентируясь на положительный зарубежный опыт, целесообразно на государственном уровне обе-

спечить ведение единого реестра страховых правонарушений для предотвращения страхового мошенничества, повышения качества страховых услуг и гарантии страховой защиты.

Таким образом, дальнейшее развитие рынка страхования, увеличение глубины проникновения в экономику и плотности страхования становится возможным не только при активных действиях страховщиков и повышении роли государства, выражающейся в усилении контроля над функционированием страхового рынка, но и готовности потенциальных страхователей стать реальными потребителями страховых продуктов.

В исследовании установлено, что процессы цифровизации недостаточно затронули страховой рынок, существующие традиционные подходы к его функционированию являются неэффективными. Это определяет новые направления его развития: преодоление территориальной неравномерности за счет развития региональных рынков с учетом клиентоориентированной модели страхового бизнеса, внедрения индивидуального подхода к рискам страхователей и предложения новых продуктов; цифровизацию процессов страхования и в данном контексте усиление государственного контроля, связанного со страховым мошенничеством и информационными рисками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цыганов А.А., Брызгалов Д.В. Цифровизация страхового рынка: задачи, проблемы и перспективы // Экономика. Налоги. Право. 2018. № 2. С. 111–120. DOI: 10.26794/1999-849X2018-11-2-111-120
2. Румянцева А.В., Румянцева Е.И. Социально-экономические аспекты развития страхового рынка: современные инструменты продвижения // Дискуссия. 2019. Вып. 93. С. 28–36. DOI: 10.24411/2077-7639-2019-10003
3. Ахвледиани Ю.Т. Рынок страховых услуг: современные тенденции и перспективы развития: монография. М.: РУСАЙНС, 2017. 236 с.
4. Белозеров С.А., Чернова Г.В., Калайда С.А. Современные факторы развития страхового рынка // Страховое дело. 2018. № 6. С. 31–36.
5. Козлов А.В. Качество страхового продукта // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 9. С. 110–115.
6. Прокопьева Е.Л. Современный страховой рынок России: проблемы и потенциал развития // Финансы и кредит. 2019. Т. 25. № 1. С. 177–195. DOI: 10.24891/fc.25.1.177

7. Красильников О.Ю., Красильникова Е.В. Теория и практика развития интернет-страхования // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2015. Т. 15. Вып. 3. С. 243–248. DOI: 10.18500/1994-2540-2015-15-3-243-248
8. Брызгалов Д.В. Теоретические подходы к страхованию жизни: проблемы и пути их преодоления // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2018. Т. 11. № 4. С. 415–427. DOI: 10.24891/fa.11.4.415
9. Гасанова Д.Б., Ашурбекова З.Н., Магомедова П.А. Современное состояние страхового рынка России // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. № 2. С. 154–161. DOI: 10.26726/1812-7096-2019-2-154-161
10. Грищенко Н.Б. Концентрация страхового рынка России: тенденции и прогнозные оценки // Проблемы прогнозирования. 2019. № 1. С. 113–122.
11. Еременко И.А., Сопельник Е.Ю., Хавстович Д.С. Актуальность рынка страхования жизни в России // Вектор экономики. 2018. № 11. С. 137.
12. Завьялкина Н.В. Страхование жизни в России: проблемы и перспективы развития // Алт. вестн. гос. и муниц. службы. 2018. № 16. С. 87–88.
13. Ованесян Н.М., Сопельник Е.Ю. Рынки страхования жизни в РФ: особенности и перспективы // Kant. 2018. № 1. С. 204–207.
14. Полякова А.А., Кожанчикова Н.Ю., Дударева А.Б. Современные тенденции функционирования рынка страховых услуг России // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 70–83. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-10-70-83
15. Зубец А.Н., Лебедева А.Д. Инновации на российском страховом рынке // Финансы. 2013. № 6. С. 55–58.
16. Саввина Н.Е. Инновации в российском страховании: мода или необходимость? // Вестн. Финанс. ун-та. 2014. № 6. С. 74–83.
17. Щербакова Н.В., Ильиных Ю.М. Страхование в эпоху цифровых и интернет-технологий // Экономика. Профессия. Бизнес. 2019. № 1. С. 83–86. DOI: 10.14258/201912
18. Friedmann J. *Regional Development Policy: A Case of Study Venezuela*. Cambridge: M.I.T. Press, 1966. 279 p.
19. Perroux F. Note sur la ville consideree comme pole de developpement et comme foyer du progress. *Revue Tiers-Monde*, 1967, vol. 8, no. 32, pp. 1147–1158.
20. Губанова Е.С., Клещ В.С. Методологические аспекты анализа уровня неравномерности социально-экономического развития регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 1. С. 58–75. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.4
21. Орланюк-Малицкая Л.А. Страховой интерес как базис развития регионального страхования // Региональная экономика и управление. 2017. № 4. С. 1. URL: <https://eee-region.ru/article/5201>
22. Sajid Mohy Ul Din, Arpah Abu-Bakar, Angappan Regupathi. Does insurance promote economic growth: a comparative study of developed and emerging/developing economies. *Cogent Economics & Finance*, 2017, no. 5, pp. 1–12. DOI: 10.1080/23322039.2017.1390029
23. *GfK Consumer Trend. The Super Connected Consumers revealed*. Available at: http://www.gfk.com/uk/documents/thought-pieces/the_super_connected_consumer_joseph_staton.pdf
24. Иванов И.К. Кибер-страхование: как обеспечить информационную безопасность бизнесу // Большой портал для малого бизнеса. 2016. № 16. С. 13–24.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Светлана Васильевна Аксютина – кандидат экономических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет». Российская Федерация, 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: s_vasilievna@mail.ru

Aksjutina S.V.

INSURANCE MARKET OF THE RUSSIAN FEDERATION: ASSESSMENT AND PRIORITY DEVELOPMENT DIRECTIONS

The article explores main quantitative and qualitative indicators of the insurance market of the Russian Federation (RF) for 2010–2019 that indicate uneven development of insurance relations. It defines the need to focus on a new model of the insurance business. During the study period, there was the transformation of the insurance market with a significant change in the structure of insurance premiums. At the same time, universal offers of insurance programs and a high concentration of fees in the Central Federal District were maintained. The present unevenness slows down the insurance market development and causes the overcoming of structural and territorial imbalances. To reduce the latter, it is necessary to actively use new insurance products and technologies of digital sales. The increase of the insurance culture and financial literacy of economic agents may contribute to the further growth of the insurance market while simultaneously activating insurers' actions to generate consumer demand. The article hypothesizes that it is possible to overcome trends of uneven and inertial development of the RF insurance market by strengthening digital insurance and actively implementing programs focused on personal needs of clients. Considering the global trend of the economy's digitization, it is necessary to strengthen state control over informational risks and to regulate insurance fraud. Therefore, the purpose of the study is to justify development directions of the RF insurance market within a customer-oriented and digital model of the insurance business. Main objectives: to review theoretical approaches to the insurance market functioning and to generalize modern development problems in Russia; to evaluate dynamics of main indicators and the level of insurance digitalization; to define directions and conditions for further development of the insurance market. The novelty of the work is the overview of main trends of the RF insurance market development that indicate a slowdown in its growth and the persistence of imbalances in insurance, the reasons for which are: low level of insurance digitalization, insufficient innovations in the insurance business and individual insurance programs, based on insurers' special demand. The practical significance of the research is the possibility to use the results as a methodological basis in the educational process and a scientific discussion and to improve the efficiency of management decisions concerning the control and regulation of insurance relations in government administration bodies.

Insurance market, insurance indicators, innovations in insurance, digitalization of the insurance business, insurance products.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Aksjutina – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Vologda State University”. 15, Lenina Street, 160000, Vologda, Russian Federation; e-mail: s_vasilievna@mail.ru

DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.7

УДК 368.1 | ББК 65.271

© Васильева Т.С.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА СТРАХОВАНИЯ И ЕГО РОЛЬ В ЭКОНОМИКЕ¹



ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА ВАСИЛЬЕВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: vasilievats@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0372-8414

В современных условиях страхование является важнейшей сферой обеспечения устойчивости социально-экономического развития как в целом страны, так и ее регионов. На наш взгляд, особое значение имеет развитие регионального страхового рынка, под которым понимается совокупность страховых компаний, национальных страховых рынков отдельных регионов, связанных между собой тесными интеграционными связями. Так, становление региональных страховщиков происходит стихийно, без реальной поддержки со стороны государства и специальных программ с определением стратегических и тактических целей их развития. В связи с этим цель статьи – изучить тенденции развития региональных рынков страхования на примере Вологодской области, выявить его проблемные зоны, определить роль страхования в экономике, разработать предложения по улучшению регионального страхового рынка. Рассмотрим период 2013–2019 гг., чтобы проследить изменения в секторе страхования после принятия Стратегии от 2013 года. Научная новизна исследования связана с получением следующих результатов. С помощью количественных показателей и качественных характеристик описано состояние российского страхового рынка с периода становления по настоящее время. Систематизированы факторы, влияющие на развитие региональных рынков страхования. На примере Вологодской области проведен анализ регионального страхового рынка, а также рассчитан уровень концен-

Для цитирования: Васильева Т.С. Актуальные вопросы развития регионального рынка страхования и его роль в экономике // Проблемы развития территории. 2020. № 3 (107). С. 103–115. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.7

For citation: Vasil'eva T.S. Current issues of regional insurance market development and its role in the economy. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 3 (107), pp. 103–115. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.7

¹ Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № 0168-2019-0005 «Исследование факторов и методов устойчивого развития территориальных систем в изменяющихся геополитических и геоэкономических условиях».

трации страховщиков с использованием индекса Херфиндаля – Хиршмана. В ходе исследования выявлены основные тенденции и причины, влияющие на развитие регионального страхования. Разработаны предложения по оптимизации структуры регионального страхового рынка. На наш взгляд, данные материалы могут представлять практический интерес как для исследователей, которые занимаются вопросами и проблематикой развития страхования, так и для потребителей страховых услуг в целях повышения уровня страховой культуры и финансовой грамотности.

Страхование, страховой рынок, Вологодская область, рыночная концентрация, регион, экономический рост.

Введение

В настоящее время страхование является одним из значимых видов финансовой деятельности, обеспечивая защиту интересов как физических, так и юридических лиц при наступлении неблагоприятных событий, таким образом, повышая стабильность жизни субъектов экономики и отдельных граждан [1]. Различные виды страхования позволяют снизить уровень социальной напряженности в обществе, что особенно важно в условиях трансформации всей социально-экономической системы. Так как устойчивое развитие экономики предопределяет и качество жизнедеятельности населения, и благополучие хозяйствующих субъектов, потому что члены общества выступают в роли потребителей этих товаров и услуг, то страхование приобретает обоюдovýгодный характер [2–4].

Страхование, как вид финансовой деятельности, появилось в России еще в XIX веке, однако его развитие началось с принятия Федерального закона № 4015-1 «Об организации страхового дела в РФ» в 1992 году². Отметим, что страхование в обществе играет роль механизма, который оперативно перераспределяет денежные средства от всех участников фонда к тем, у кого произошел страховой случай и кому необходима финансовая помощь. Выполняя свои основные функции (защитную, инвестиционную, социально-сберегающую), страхование обеспечивает предпринимательской деятельности и обществу в целом стабильное раз-

витие, придает дополнительный стимул экономическому развитию. Так, к 1997 году количество страховых организаций на рынке оказалось наивысшим, после чего начало снижаться: 1997 год – 2950 страховых компаний, 2019 год – 256 (табл. 1). Данная тенденция возникла в связи с осуществлением надзора за деятельностью страховщиков Центральным банком РФ и, как следствие, ужесточением законодательных норм, отзывом лицензий у существующих компаний, снижением темпов образования новых. Также отметим, что в 2000-е гг. произошел пик количественного и качественного развития страховой системы России.

Необходимо заметить, что для российского страхового рынка на данном этапе развития характерны снижение общего количества его участников, укрепление позиций оставшихся страховщиков (увеличение заключенных договоров, наращивание страховых премий).

Теоретические аспекты исследования

Согласно Стратегии социально-экономического развития страховой деятельности в России, приоритетной задачей является развитие региональной страховой сферы. Исходя из постановления Правительства РФ № 226-р от 2013 года, страхование следует рассматривать как стратегический сегмент экономики. Во-первых, оно позволяет существенно снижать нагрузку расходной части бюджетов различных уровней за счет

² Закон РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307

Таблица 1. Основные показатели российского страхового рынка

Показатель	Год								Абсолютное изменение, 2018 год к 1992 году
	1992	1997	2000	2010	2016	2017	2018	2019	
Количество субъектов страхового дела	900	2950	1166	771	364	302	274	256	-644
Из них: число страховщиков	618	1893	980	585	251	217	194	175	-443
Совокупный уставный капитал субъектов страхового дела, млн руб.	457	4920	23785	149513	183984	205572	206338	201343	200886
Страховые взносы, млн руб.	7863	36570	170074	557180	1180631	1278842	1479552	1484888	1477025
Страховые выплаты, млн руб.	5226	26911	138566	294508	505790	509722	523004	610865	605639

Составлено по: данные интернет-портала «Страхование сегодня». URL: <http://www.insur-info.ru>

компенсаций ущербов при форс-мажорных обстоятельствах, привлечения инвестиционных средств в экономические проекты, включая зарубежные, а также уменьшает доли государственных расходов на покрытие разного рода убытков и способствует развитию предпринимательства. Во-вторых, являясь элементом социальной защиты населения, страхование способствует социально-экономической стабильности в обществе. В-третьих, оно становится источником внутренних долгосрочных инвестиций в экономику страны. В-четвертых, за счет централизации и уменьшения компенсационных фондов, участия в восстановлении и образовании основных производственных фондов, страхование предоставляет возможность для оптимизации деятельности субъектов экономики. В-пятых, обеспечивает гарантии возмещения ущерба и разрешения конфликтных ситуаций [5; 6].

Региональный рынок страхования стал предметом исследования многих ученых, таких как Е.В. Коломин, Л. Андреева, А. Архипов, О.В. Чернова и др. [7–16]. Вместе с тем анализ литературы позволил выявить множество подходов к определению понятия «региональный страховой рынок».

Так, большинство авторов определяют его как объединение национальных рынков отдельных регионов или же как страховой рынок отдельной области. На наш взгляд, данное понятие следует трактовать как сферу экономических отношений, т. к. регион – часть экономического района страны, обладающая отличительными естественными, исторически сложившимися, относительно устойчивыми социально-экономическими, природохозяйственными и иными особенностями. Исходя из этого, определим региональный рынок страхования как совокупность экономических отношений, которые возникают при формировании и использовании средств страхового фонда посредством механизма купли-продажи такого специфического товара, как страховая услуга, с участием производителей, продавцов и покупателей, а также иных физических и юридических лиц, государства, в административных границах субъекта Российской Федерации.

Мы выявили следующие особенности регионального страхового сектора:

- региональные страховые рынки принадлежат к рынкам с высоким уровнем капитализации средств, так как способны на-

капливать большие объемы денежной массы, используемые для инвестирования и способствующие улучшению экономической ситуации в регионе и его привлекательности для потенциальных инвесторов;

- играют одну из ключевых ролей в воспроизводственной системе региона, тем самым облегчая нагрузку на региональный бюджет и способствуя экономическому развитию региона;

- региональный рынок страховых услуг характеризуется устойчивыми отношениями между страхователями и страховщиками, способными предложить такое количество страховых продуктов, которое удовлетворило бы сложившийся спрос на них в регионе;

- неконкурентоспособность региональных страховщиков с ведущими компаниями города Москвы;

- неспособность региональных страховых компаний принимать к собственному удержанию крупные риски на уровне региона, так как основная масса страховых премий, через непосредственно страхование, а также через систему перестрахования и со-страхования, уходит за его пределы.

Страхование – важный инструмент, который можно и необходимо использовать для укрепления как региональной экономики, так и экономики страны в целом. Тем не менее на протяжении всего периода своего существования страховой рынок РФ характеризуется ярко выраженной территориальной диспропорцией в развитии. Она прояв-

ляется в расхождении структуры, динамики, тенденций, в проблемах его развития на общероссийском и региональных уровнях, что обусловлено рядом объективных факторов (табл. 2).

На наш взгляд, наибольшее влияние на развитие регионального рынка страхования оказывают экономические факторы, так как экономическая ситуация региональных страховщиков зависит от состояния экономики как региона, так и страны в целом. Наиболее значимыми экономическими показателями оценки развития страхования являются промышленный потенциал, трудовые ресурсы, демографическая и социальная структура региона, уровень жизни населения.

Метод исследования

Ориентируясь на совокупные показатели российского сектора страхования, вряд ли можно сделать объективные выводы о проблемах и тенденциях, присущих для него на региональном уровне. В связи с этим анализ проблем, социально-экономических условий и потенциала развития регионального рынка страхования стоит рассматривать индивидуально для каждого субъекта Российской Федерации. Так, в Вологодской области в 2019 году индекс физического объема ВРП составлял 101,8% к уровню предыдущего года, индекс промышленного производства – 102,1%, индекс потребительских цен – 104,3%,

Таблица 2. Факторы, влияющие на перспективное развитие страховых рынков региона

Группа факторов	Факторы
Экономические	Сворачивание инвестиционных проектов, нехватка оборотных средств организаций; сокращение реальных доходов населения региона; отказ от совершения крупных покупок в условиях неопределенности
Социальные	Недостаточно развитая финансовая грамотность населения и, как следствие, недоверие к институтам страхования; высокий уровень урбанизации в регионе
Политические	Усиление регулирующей роли государства в страховом секторе; стабильность политической власти как на федеральном, так и на региональном уровнях
Техногенные	Использование ИТ в деятельности страховщиков; развитие онлайн-страхования, а также внедрение электронных продаж страховых полисов по обязательным видам страхования
Составлено по: [17–22].	

Таблица 3. Основные социально-экономические показатели Вологодской области

Показатель	Год							Относительное изменение, 2019 год к 2013 году, %
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	
Валовый региональный продукт, млрд руб.	346,2	387,2	478,9	477,2	508,3	582,6	610,7	176,4
Индекс промышленного производства, %	102,5	103,7	102,6	99,8	101	104,2	102,1	114,1
Индекс физического объема инвестиций в основной капитал, %	49,3	99,0	93,3	121,6	108,3	102,3	101,8	126,7
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций, млрд руб.	21,5	-27,5	105,6	157,1	401,1	207,7	248,8	1157,2
Индекс потребительских цен, %	107,2	112,0	112,0	105,0	102,2	103,9	104,3	145,9
Индекс физического объема оборота розничной торговли, %	101,7	102,0	90,3	95,6	103,6	105,8	103,4	99,7
Среднемесячная реальная заработная плата одного работника, %	104,4	98,3	89,0	99,8	104,9	106,9	107,4	105,2
Реальные располагаемые денежные доходы населения, %	105,4	102,7	98,8	100,2	93,5	99,4	103,7	97,9

Составлено по: данные Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>

среднемесячная реальная заработная плата – 107,4%, реальные располагаемые денежные доходы – 103,7% (табл. 3). Увеличение среднедушевых денежных доходов населения, объемов ВРП, развитие черной металлургии, объемов инвестиций в капитал, а также остальных основных социально-экономических показателей способствует благоприятному развитию страхового сектора в рассматриваемом регионе [23; 24].

На сегодняшний день общепринятого подхода к оценке регионального страхового рынка нет, отсутствует и четкое выделение индикаторов, позволяющих диагностировать региональные рынки и провести их сравнительный анализ в отдельных регионах. Тем не менее анализ различных подходов к оценке региональных страховых рынков⁵ помог разработать методику, которой мы будем пользоваться в нашем исследовании. На первом этапе проведем оценку индикаторов распространения страхования в регионе (количество зарегистрированных и действующих страховых организаций; страховые премии и страховые возмещения).

⁵ Диагностика региональных страховых рынков: монография / кол. авт.; под науч. ред. В.Ф. Бадюкова [и др.]. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2007. 196 с.

Далее рассмотрим показатели страхового портфеля, а также дадим оценку состояния рынка с точки зрения степени монополизации и характера конкуренции. На последнем этапе нами будут описаны индикаторы проникновения страхования в региональный рынок и оценен спрос на страховые услуги. Так, на 2019 год в Вологодской области насчитывалось порядка 65 страховщиков, количество собранных премий в регионе за семилетний период возросло на 768,1 млн руб. Это положительный момент в экономике региона. На фоне роста премий коэффициент выплат за рассматриваемый период сократился на 14,5%, что позволяет говорить о более качественном предоставлении услуг и урегулировании страховых случаев (табл. 4).

Тем не менее стоит отметить, что в исследуемом субъекте РФ за рассматриваемый период функционировала лишь одна местная страховая компания (ОБС «Кооп-Ресурс»), что подтверждает проблему территориальных диспропорций. Для сравнения отметим, что на долю по собираемости страховой премии Вологодской области при-

Таблица 4. Показатели деятельности страховых компаний в Вологодской области

Показатель	Год							Абсолютное изменение, 2019 год к 2013 году
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	
Число страховых компаний, действующих в Вологодской области (в т. ч. филиалы)	63	70	55	61	68	64	65	2
Собранные страховые премии, тыс. руб.	4865242	5470075	5741594	5770392	6134550	6673365	6509728	1644486
Доля страховых премий от всего рынка, %	0,54	0,55	0,56	0,49	0,48	0,45	0,44	-0,10
Страховые выплаты, тыс. руб.	2733323	2877378	3040919	2967526	2364164	2259 580	2713944	-19379
Доля страховых выплат от всего рынка, %	0,65	0,61	0,60	0,59	0,46	0,43	0,44	-0,21
Коэффициент выплат, %	56,18	52,60	52,96	51,43	38,54	33,86	41,69	-14,49

Составлено по: данные интернет-портала «Страхование сегодня». URL: <http://www.insur-info.ru>



Рис. Распределение страховых премий по видам страхования за 2013 и 2019 гг. по Вологодской области

Составлено по: данные интернет-портала «Страхование сегодня». URL: <http://www.insur-info.ru>

ходится лишь 0,44%, в то время как Москве, Санкт-Петербургу и Московской области принадлежит 49,34, 8,36 и 3,98% премий соответственно.

Что касается структуры распределения страховых премий по предлагаемым видам страхования, то отметим, что наибольшие изменения произошли в сфере добровольного страхования. К 2019 году возросла доля страхования жизни, подчеркивающая заинтересованность в данном виде страхования и платежеспособность граждан, а также рост долгосрочного инвестирования для страховщиков (рис.).

Деловая активность хозяйствующих субъектов в значительной степени зависит от того, насколько комфортны условия для ведения бизнеса в той или иной сфере. Страховой рынок относится к числу наиболее высококонкурентных, где наиболее ярко выражен тренд на монополизацию. В ходе развития монополии на страховом рынке прослеживаются социально-экономические последствия – от увеличения тарифов на страховые услуги, ухудшения качества обслуживания до подрыва конкуренции как основы рыночного саморегулирования. В связи с этим считаем не-

обходимым оценить степень монополизации рынка страхования Вологодской области, используя как российский индекс концентрации CR, так и индекс Херфиндаля – Хиршмана.

Отметим, что индекс концентрации CR, который показывает процентную долю крупнейшей компании в общем объеме анализируемого рынка по основным экономическим параметрам, использует в своих отчетах и аналитических обзорах Федеральная антимонопольная служба РФ. Однако он имеет некоторые ограничения в применении и неточности, а также отличается низкой информативностью.

Выбор индекса концентрации Херфиндаля – Хиршмана (HNI) объясняется опытом зарубежных стран, которые имеют устойчивую многолетнюю практику ежеквартальной оценки необходимости вмешательства государства с целью контроля конкурентоспособной рыночной обстановки. Кроме того, данный индекс является базовым параметром в Америке, с его помощью наглядно демонстрируется перераспределение частей отрасли между разными компаниями [25; 26].

Индекс Херфиндаля – Хиршмана определяется по следующим формулам:

$$HNI = \sum_{i=1}^n S_i^2 \quad (1)$$

$$HNI = S_1^2 + S_2^2 + \dots + S_n^2, \quad (2)$$

где:

S_i – доля каждого конкретного участника рынка.

По значениям индекса Херфиндаля – Хиршмана и коэффициентов концентрации рынка разбивают на три типа, а именно:

- высококонцентрированный рынок
(70% < CR < 100%;
1800 п. < HNI < 10000 п.);
- умеренноконцентрированный рынок
(45% < CR < 70%;
1000 п. < HNI < 1800 п.);

– низкоконцентрированный рынок
(CR < 45%; HNI < 1000 п.) [27–29].

Для анализа концентрации рынка страхования Вологодской области была сделана выборка данных по организациям, которые имеют показатель надежности на уровне не ниже «ruAA» (по итогам оценки рейтингового агентства «ЭкспертРА»), что означает высокий уровень как кредитоспособности, так и финансовой надежности/устойчивости.

Из табл. 5 следует, что из 65 страховщиков Вологодской области почти 58% на рынке страховых услуг занимают 10 страховых организаций, причем доля в 20% принадлежит ПАО СК «Росгосстрах». Также отметим увеличение доли рассматриваемых компаний на 24% за семилетний период.

Оценка и результаты

Представленные ниже расчеты говорят об изменении уровня концентрации на страховом рынке Вологодской области. Данный анализ проводился по показателям: абсолютному уровню концентрации (K), индексу концентрации (CR), индексу Херфиндаля – Хиршмана (HNI).

А так как абсолютный уровень концентрации:

$$K_{2019} = \frac{1}{65} = 0,015385$$

$$K_{2013} = \frac{1}{63} = 0,015873,$$

то мы можем говорить о наличии на страховом рынке Вологодской области монополистической конкуренции.

При расчете индекса концентрации (CR) были получены следующие результаты:

$$CR_{2013} = \sum_{i=1}^5 20,17+4,61+3,12+2,81+1,18=31,89 \%$$

$$CR_{2019} = \sum_{i=1}^5 19,75+13,22+7,51+7,21+3,93=51,62 \%$$

Увеличение показателя уровня концентрации в 2019 году свидетельствует о

Таблица 5. ТОП-10 страховых организаций Вологодской области

Наименование организации	2013 год			2019 год			Абсолютное изменение, 2019 год к 2013 году, %
	страховые премии, тыс. руб.	выплаты, тыс. руб.	доля на рынке, %	страховые премии, тыс. руб.	выплаты, тыс. руб.	доля на рынке, %	
РОСГОССТРАХ	1439,00	778375,00	0,03	1285950,00	586169,00	19,75	19,72
СОГАЗ	981217,00	756388,00	20,17	860815,00	546299,00	13,22	-6,95
ИНГОССТРАХ	224361,00	162321,00	4,61	488756,00	157374,00	7,51	2,90
ВСК	136867,00	58409,00	2,81	469243,00	171570,00	7,21	4,40
РЕСО-ГАРАНТИЯ	151926,00	80076,00	3,12	255887,00	120169,00	3,93	0,81
ВТБ СТРАХОВАНИЕ	12756,00	2348,00	0,26	158497,00	7845,00	2,43	2,17
АЛЬФАСТРАХОВАНИЕ	57323,00	23819,00	1,18	120616,00	123827,00	1,85	0,67
СБЕРБАНК СТРАХОВАНИЕ	24821,00	0,00	0,51	110636,00	6335,00	1,69	1,18
ЕРВ ТУРИСТИЧЕСКОЕ СТРАХОВАНИЕ	347,00	0,00	0,01	484,00	470,00	0,01	0,00
АЛЬЯНС	45256,00	11641,00	0,93	6,00	142,00	0,00	-0,93
Итого	1636313,00	1873377,00	33,63	3750890,00	1720200,00	57,62	23,99
Итого по региону	4865242,00	2733323,00	100,00	6509728,00	3439460,00	100,00	-

Составлено по: данные интернет-портала «Страхование сегодня». URL: <http://www.insur-info.ru>

снижении доли страхового рынка у страховщиков, не входящих в состав топ-10 организаций по уровню надежности «ruAA», а также о росте рыночных долей крупных организаций (например, рыночная доля СПАО «Ингосстрах» к 2019 году увеличилась на 4,3%). Полученные результаты говорят об умеренном уровне концентрации, а при его нарастании возможно возникновение олигополии. Что касается компаний, не входящих в топ-10, то можно отметить их слабую конкурентоспособность и повышенный уровень риска и банкротства.

Рассчитаем индекс Херфиндаля – Хиршмана, отражающий наиболее объективное состояние рынка:

$$HNI_{2013} = \sum_{i=1}^{10} 20,17^2 + 4,61^2 + 3,12^2 + 2,81^2 + 1,18^2 + 0,93^2 + 0,51^2 + 0,26^2 + 0,03^2 + 0,01^2 = 448,29 \text{ п.}$$

$$HNI_{2019} = \sum_{i=1}^{10} 19,75^2 + 13,22^2 + 7,51^2 + 7,21^2 + 3,93^2 + 2,43^2 + 1,85^2 + 1,69^2 + 0,01^2 + 0,00^2 = 700,84 \text{ п.}$$

По итогам расчета индекса заключим, что в 2013 году страховой рынок Вологодской области был низкоконцентрированным, что характеризуется развитой конкуренцией. К 2019 году данные показатели возросли, вследствие чего мы можем говорить об умеренноконцентрированном рынке страховых услуг, слабой конкуренции, неравномерности присутствующих субъектов и росте монополизации. Исходя из этого, следует, что остальным региональным компаниям довольно трудно сформировать доминирующее положение и пробиться в десятку лидеров.

Для анализа распространения страховых услуг в экономике определим их долю в валовом региональном продукте (табл. 6).

На рынке страхования Вологодской области доля региональных страховщиков составляет лишь 1,5%, что подтверждает наличие высокой конкуренции со стороны филиалов таких крупных компаний, как «Росгосстрах» и «СОГАЗ». Также, исходя из расчетов, видим, что к 2019 году, в сравнении с 2013 годом, доля совокупной страховой премии в ВРП уменьшилась на 0,34% и составила 1,07%, что говорит об ухудше-

Таблица 6. Показатели оценки проникновения страхового сектора в экономику Вологодской области

Показатель	Год							Абсолютное изменение, 2019 год к 2013 году
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	
Доля региональных страховщиков, %	1,59	1,43	1,82	1,64	1,47	1,56	1,54	-0,05
Страховые премии на душу населения, руб.	4067,26	4583,72	4820,78	4858,52	6746,83	5714,90	5608,35	1541,09
Страховые выплаты на душу населения, руб.	2285,01	2411,13	2560,38	2498,58	3068,84	1935,05	2963,21	678,20
Доля страховых премий в ВРП, %	1,41	1,41	1,20	1,21	1,56	1,15	1,07	-0,34

Составлено по: данные Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>

нии развития данного рынка страхования (см. табл. 6). Для сравнения: доля страховой премии в ВВП Китая в 2018 году составила 4,4%, Японии – 9,5%, Великобритании – 10,2%, США – 7,5%, России – 1,4%.

Заметна тенденция к росту размера страховых премий на одного жителя. Страховые премии в Вологодской области в 2019 году составили 5608 рублей на одного жителя. К примеру, в США на одного жителя приходится 4174,1 долл. страховых премий, в Швейцарии – 6933 долл., в Финляндии – 5060,7 долл., в России – 10,1 тыс. руб. [30–33].

Считаем необходимым оценить показатели уровня жизни и урбанизации региона для выявления платежеспособного спроса на страховые услуги физических лиц в Вологодской области. Исходя из данных рейтинговой оценки российских регионов по качеству жизни, отметим, что Вологодская область входит в треть регионов с наименее благоприятными условиями жизни в России. Малый рост заработной платы (увеличение на 6,1% в 2019 году в сравнении с 2018 годом), недоверие и отсутствие финансовой грамотности граждан неблагоприятно сказываются на развитии рынка страхования в области. Необходимо сказать, что наличие развитой городской инфраструктуры и концентрация населения также влияют на сбыт страховых продуктов и услуг. Так, в Вологодской области доля городского населения состав-

ляет 72,6%, из них более 70% проживает в двух городах – Вологде и Череповце, с наибольшей концентрацией доходов у населения и возможностью приобретения услуг страхования.

Таким образом, можем заключить, что в Вологодской области существует ряд проблем, не позволяющих в полной мере использовать страхование как систему финансовой защиты интересов граждан, организаций и в целом развития региона:

- неконкурентоспособность и малое количество местных страховых организаций, приводящее к оттоку свободных денежных средств в место регистрации головной страховой компании, что лишает область инвестиционных ресурсов;
- недостаточный охват страховыми услугами компаний и граждан области из-за низкой страховой культуры и финансовой грамотности;
- низкое сервисное обслуживание клиентов;
- уровень доверия граждан лишь к крупным компаниям, находящимся в регионе, в частности это «Росгосстрах» и «СОГАЗ»;
- соотношение цены и качества предоставления услуг.

Выводы и предложения

Таким образом, страхование выступает как финансовый стабилизатор, необходи-

мый для социально-экономического развития и региона, и страны в целом, обеспечивая при этом на микроуровне – оперативное возмещение понесенного ущерба и восстановление производственных процессов, на макроуровне – бесперебойное воспроизводство процесса экономического развития.

Проведенное исследование позволило обозначить необходимость решения на государственном уровне следующих ключевых задач.

1) Развитие приоритетных видов страхования, которые имеют социально-экономическую направленность и гарантируют стабильный экономический рост. Так, например, развитие страхования жизни может увеличить страховые резервы, являющиеся важным источником долгосрочных инвестиций в экономику региона. Для достижения этого необходимы изменения законодательных норм, направленных на увеличение базы льготного налогообложения, мотивирующего как физических, так и юридических лиц на осуществление страхования жизни.

2) Развитие инфраструктуры страхового бизнеса, повышение доверия населения к институту страхования, популяризация страхования. Так, рейтингование региональных страховщиков с целью выявления их надежности и финансовой устойчивости, информирование граждан о наличии местных страховщиков, «прозрачность» документации на официальных источниках, обеспечение объективной оценки размера понесенного ущерба, эффективность механизма досудебного урегулирования споров повысили бы недостаточный уровень финансовой культуры потребителей.

3) Развитие региональных страховых программ для сохранения и поддержки бизнеса, так как страхование является не только способом возмещения убытков от понесенных страховых случаев, но и средством за-

щиты от неблагоприятных изменений экономических условий, способом сокращения бюджетных рисков за счет сохранения финансовой устойчивости предприятий-налогоплательщиков. Так как состояние страхового рынка является производной от состояния экономики региона, то успешная деятельность компаний будет способствовать как стабилизации социальной сферы, так и увеличению объема налогов и, следовательно, пополняемости доходной части бюджета и развитию региона.

4) Модернизация системы страховой деятельности и стратегии развития отрасли, учитывающая все особенности и специфику регионального страхового сектора. Так, рассматривая страховой рынок в региональном аспекте, отметим, что в настоящее время актуальной проблемой остается значительная асимметрия территориального развития российских регионов. В некоторых субъектах РФ, в особенности центральных, рынки страхования достаточно развиты, при этом в большей части регионов России мы можем наблюдать частичное или полное отсутствие страховщиков и удовлетворительного уровня страховых интересов. Это объясняется концентрацией страховщиков в крупных промышленно-развитых городах.

Наращиванию зарегистрированных субъектов страхового дела в большинстве регионов могло бы способствовать введение региональной страховой лицензии на осуществление деятельности с разработкой методики определения и контроля соответствия принимаемых рисков и капитала страховщика.

По нашему мнению, реализация предложенных направлений поможет развить региональный страховой рынок и в целом позволит страховой отрасли стать стратегическим сектором экономики России, обеспечивающим социально-экономическую защищенность общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксютин С.В. Страховой рынок РФ: проблемы и перспективы // Проблемы развития территории. 2014. № 2. С. 115–126.
2. Ускова Т.В. О потенциале развития российских территорий // Проблемы развития территории. 2018. № 5 (97). С. 7–17. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.1
3. Социально-экономические проблемы локальных территорий: монография / Т.В. Ускова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 196 с.
4. Проблемы формирования и реализации социально-экономического потенциала развития территорий: монография / кол. авт.; под науч. рук. В.А. Ильина [и др.]. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 386 с.
5. Васильева Т.С. Теоретические аспекты имущественного страхования и проблемы его развития // Вопросы территориального развития. 2019. № 5 (50). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28376>. DOI: 10.15838/tdi.2019.5.50.2
6. Харламова Е.Е., Дмитриев А.С. Российский рынок страховых услуг: текущее положение и перспективы // Вестн. ИЭ РАН. 2019. № 6. С. 51–62.
7. Андреева Л., Архипов А. Интеграция российского страхового рынка в мировую экономику: проблемы и перспективы // Экономист. 2003. № 6. С. 47–54.
8. Васильев Н.М. Российский страховой бизнес и нормативы Всемирной торговой организации // Финансы. 2003. № 9. С. 41–44.
9. Коломин Е.В. Проблемы российского страхового рынка // Бизнес и банки. 1999. № 15. С. 115–127.
10. Зубец А.Н., Ковалев О.Н. Влияние экономического кризиса на страховой рынок // Финансы. 1998. № 12. С. 38–39.
11. Цыганов А.А., Лайков А.Ю. Проблемы развития страхового рынка // Финансы. 2003. № 7. С. 49–51.
12. Сплетухов Ю.А. Проблемы развития страхования имущества // Финансы. 2002. № 1. С. 57–60.
13. Савкин Д. Некоторые аспекты возникновения и развития института страхования // История государства и права. 2002. № 1. С. 25–28.
14. Постникова И.Ю. Российский рынок перестрахования: параметры и процессы // Финансы. 2002. № 4. С. 42–45.
15. Мамедов А.А. Страховая политика как составная часть финансовой политики государства // Страховое дело. 2004. № 2. С. 14–19.
16. Луконин С.В. Финансовая устойчивость страховых компаний и пути ее повышения // Страховое дело. 2003. № 5. С. 28–31.
17. Румянцева А.В., Румянцев Е.И. Социально-экономические аспекты развития страхового рынка: современные инструменты продвижения // Дискуссия. 2019. № 2. С. 28–36.
18. Оборин М.С., Райнхардт Р.О. Системообразующая роль предприятий – монополистов российского страхового рынка // Управленец. 2018. № 3. С. 32–39.
19. Гасанова Д.Б., Ашурбекова З.Н., Магомедова П.А. Современное состояние страхового рынка России // РППЭ. 2019. № 2 (100). С. 138–144.
20. Лобанов С.Ю. Угрозы финансовой безопасности рынка страховых услуг и методы ее обеспечения // Вестн. ГУУ. 2018. № 7. С. 137–143.
21. Ованесян Н.М., Сопельник Е.Ю. Рынки страхования жизни в РФ: особенности и перспективы // Журн. KANT. 2018. № 1 (26). С. 204–207.
22. Сударикова И.А. Добровольное страхование в России: тенденции, проблемы, перспективы развития // Вестн. Сарат. гос. соц.-экон. ун-та. 2018. № 5 (74). С. 170–174.

23. Прокопьева Е.Л. Структурные диспропорции развития региональных страховых рынков в России // Вопросы экономики. 2019. № 10. С. 146–155.
24. Суржикова Е.М. Состояние региональных рынков страхования в Российской Федерации // Вестн. Рост. гос. экон. ун-та. 2019. № 2. С. 192–196.
25. *Horizontal Merger Guidelines*. U. S. Department of Justice and the Federal Trade Commission. August 19, 2010. 34 p. Available at: <http://www.ftc.gov/sites/default/files/attachments/merger-review/100819hmg>
26. Landes W., Posner R. Market power in antitrust cases. *Harvard Law Review*, 1981, no. 94, pp. 937–996.
27. Тепкаева З.З. Страховой рынок России. Современное состояние и перспективы развития // Экон. науки. 2016. № 9 (141). С. 51–56.
28. Чернова О.В. Концентрация рынка страхования жизни в России как один из факторов прогнозируемого замедления темпов роста отрасли // Вестн. ВГУИТ. 2017. № 1 (71). С. 460–463.
29. Грищенко Н.Б. Концентрация страхового рынка России: тенденции и прогнозные оценки // Проблемы прогнозирования. 2019. № 1. С. 113–122.
30. Dongsheng Wang, Yumei Li. The Development of Foreign Capital Insurance Market. *FDI and Economic Growth in China*, 2019, no. 3, pp. 872–885.
31. Ul Din S.M., Regupathi A., Regupathi A. Insurance Effect on Economic Growth – Among Economies in Various Phases of Development. *Review of International Business and Strategy*, 2017, no. 27, pp. 501–519.
32. Васильева Т.С. Актуальные вопросы оценки финансового состояния страховой организации // Журн. иссл. по управлению. 2018. № 11. С. 54–73.
33. Цыганов А.А., Кириллова Н.В. Страховой рынок Российской Федерации. Региональный аспект // Экономика региона. 2018. № 4. С. 1270–1281.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Татьяна Сергеевна Васильева – инженер-исследователь, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: vasilievats@mail.ru

Vasil'eva T.S.

CURRENT ISSUES OF REGIONAL INSURANCE MARKET DEVELOPMENT AND ITS ROLE IN THE ECONOMY

In modern conditions, insurance is an important sphere of providing for the sustainability of socio-economic development of the country as a whole and its regions. According to the author, the development of the regional insurance market, which is understood as a set of insurance companies, national insurance markets of individual regions, linked by close integration ties, is of particular importance. Thus, the formation of regional insurers occurs spontaneously, without real support from the state and special programs with the definition of strategic and tactical goals for their development. In this regard, the purpose of the article is to study the development trends of regional insurance markets by the example of the Vologda Oblast, identify its problem areas, determine the role of insurance in the economy, and develop proposals for improving the regional insurance market. The author considers the period from 2013 to 2019 to track the changes in the insurance sector after the adoption of the Strategy in 2013. The scientific novelty of the research is associated with

the following results. The state of the Russian insurance market from the period of its formation to the present time is described by means of quantitative indicators and qualitative characteristics. The factors influencing the development of regional insurance markets are systematized. An analysis of the regional insurance market is carried out by the example of the Vologda Oblast, and the level of concentration of insurers is calculated using the Herfindahl – Hirschman index. The study identified the main trends and causes affecting the development of regional insurance. The proposals to optimize the structure of the regional insurance market have been developed. The materials may be of practical interest both for researchers who deal with the issues and problems of insurance development, and for consumers of insurance services in order to improve the level of insurance culture and financial literacy.

Insurance, insurance market, Vologda Oblast, market concentration, region, economic growth.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tat'yana S. Vasil'eva – Research Engineer, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: vasilievats@mail.ru

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.8

УДК 332.1:314.4 | ББК 65.049(2)

© Козлова О.А., Трушкова Е.А., Макарова М.Н.

ОЦЕНКА ВЗАИМОСВЯЗИ РЕСУРСОБЕСПЕЧЕННОСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ¹



ОЛЬГА АНАТОЛЬЕВНА КОЗЛОВА

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29
E-mail: olga137@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0448-3519; ResearcherID: M-4659-2016



ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ТРУШКОВА

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29
E-mail: trushkova_ea@inbox.ru

ORCID: 0000-0001-7232-2576; ResearcherID: N-2663-2017



МАРИЯ НИКИТИЧНА МАКАРОВА

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29
E-mail: maria_makarova87@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6144-6178; ResearcherID: H-7717-2017

В статье рассматривается актуальная проблема увеличения продолжительности жизни населения на основе снижения предотвратимой смертности, сокращения заболеваемости и повышения общественного здоровья. Ее решение является приоритетной задачей для социально-экономического развития России. Цель исследования состоит в формировании методического

Для цитирования: Козлова О.А., Трушкова Е.А., Макарова М.Н. Оценка взаимосвязи ресурсообеспеченности здравоохранения и продолжительности жизни населения: региональный аспект // Проблемы развития территории. 2020. № 3 (107). С. 116–127. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.8

For citation: Kozlova O.A., Trushkova E.A., Makarova M.N. Assessment of the interconnection between availability of healthcare resources and population's life duration: Regional aspect. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 3 (107), pp. 116–127. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.8

¹ Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-010-01049 «Методология и методика системной оценки взаимосвязи средовых факторов и здоровья населения в задаче устойчивого развития регионов России».

инструментария по выявлению и оценке взаимосвязи располагаемых ресурсов здравоохранения и продолжительности жизни населения в российских регионах. Оригинальность работы заключается в адаптации системы показателей российской статистики к методологии оценки здоровья населения и эффективности функционирования здравоохранения, используемой Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Анализ проводится на основе данных Росстата за 2010 и 2018 годы по четырем показателям, характеризующим функционирование системы здравоохранения в российских регионах и аналогичным тем, которые применяются в методологии ОЭСР. Научная новизна исследования состоит в том, что авторами на основе используемого подхода предложен методический инструментарий по определению индекса ресурсообеспеченности региональной системы здравоохранения с последующей его апробацией на российских регионах. На основе сопоставления полученных региональных индексов ресурсообеспеченности систем здравоохранения и показателей продолжительности жизни проведено разделение российских регионов на «типичные» и «нетипичные» с последующим делением последних на четыре кластера в зависимости от варианта соотношения «ресурсообеспеченность здравоохранения – продолжительность жизни». За период 2010–2018 гг. отмечен рост числа регионов, в которых проводимую политику по ресурсообеспеченности здравоохранения в целом можно оценивать как эффективную. Сделан вывод о том, что региональные различия в формировании ресурсообеспеченности здравоохранения требуют дифференцированного подхода к формированию и реализации государственной политики в данной сфере с обязательным учетом сложившейся динамики демографической составляющей. Результаты исследования будут полезны органам исполнительной власти федерального и регионального уровня, а также могут быть интересны для обсуждения в научной дискуссии, использования в научной и учебной деятельности.

Продолжительность жизни, здоровье, ресурсы здравоохранения, регионы, оценка.

Введение

Увеличение продолжительности жизни населения к 2030 году до 80 лет за счет снижения предотвратимой смертности, сокращения заболеваемости и повышения общественного здоровья является для России приоритетной задачей, обозначенной Президентом Российской Федерации в национальных целях и стратегических задачах развития страны на период до 2024 года².

По определению ВОЗ, на состояние здоровья влияют такие факторы, как биологические свойства организма (18–22%); развитие системы здравоохранения (8–10%); качество окружающей среды (18–20%); образ жизни и социально-экономические условия (49–53%) [1]. По оценкам ВОЗ, система здравоохранения оказывает не столь значительное влияние на здоровье человека, как, например, образ жизни. В то же время она

наиболее чувствительна к управляющему воздействию. Данный факт делает ее важным объектом государственной социально-экономической политики и обуславливает необходимость повышения эффективности государственных расходов на здравоохранение для достижения максимальной отдачи от вложенных средств.

Как в зарубежной, так и отечественной литературе вопросам взаимосвязи расходов на здравоохранение и его эффективности уделяется достаточно внимания. Наиболее часто встречаются несколько направлений исследований.

Во-первых, это выявление причинно-следственных связей между социально-демографической характеристикой населения и предшествующими расходами на здравоохранение (П.-И. Кремье, П. Уэллетт, К. Пилон [2], Х.Дж. Ролден, Д. ван Бодегом, Р. Вестендорп [3], В.Е. Дэвид, Д. Каннинг [4],

² О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200> (дата обращения 12.07.2019).

К. Леппо, И. Оллила, С. Пена, М. Висмэр, С. Кук [5, с. 53]).

Во-вторых, активно развивается методология обоснования бюджетных расходов на здравоохранение в зависимости от текущего и прогнозируемого влияния социально-демографических и экономических факторов в целях повышения эффективности государственной политики в данной сфере [6; 7, с. 17–18; 8–10; 11, с. 738; 12].

Во-третьих, исследуются региональные различия в уровне расходов на здравоохранение и их влияние на состояние здоровья населения. Так, например, И.П. Каткова, В.И. Катков рассматривают вопросы социального неравенства в отношении здоровья и справедливости финансового вклада на здравоохранение, при этом предлагают соотносить основные показатели государственных расходов на здравоохранение в зависимости от государственных доходов на федеральном и региональном уровнях [13, с. 14]. Дж. Скиннер анализирует региональную дифференциацию населения по уровню здоровья, вызванную как субъективными предпочтениями людей в выборе медицинских услуг, так и региональными различиями в доходах и доступе к услугам здравоохранения [14]. Д.Дж. Клайн, А.Д. Браун, А.С. Детский отмечают, что «расходы на здравоохранение увеличиваются по двум причинам: пациенты потребляют больше услуг, и стоимость этих услуг увеличивается» [15, с. 1543].

Для России с ее огромными пространствами важной детерминантой уровня здоровья населения является степень его региональной дифференциации. Так, например, масштабы территориальных различий в обеспеченности жителей страны основными ресурсами здравоохранения исследованы К.Н. Калашниковым [16]. К.А. Борисенкова, используя методы пространственного анализа, оценивает эффект влияния пространства на уровень здоровья населения, обращая внимание при этом и на государственные расходы в сфере здравоохранения [17].

Пространственные деформации системы здравоохранения в регионах России и вызванные этим проблемы, связанные с невозможностью достичь целевых показателей в сфере здоровья населения, неэффективным использованием государственных средств, рассматриваются М.А. Грицко и Е.О. Колибиной [18, с. 119].

Сравнительный анализ не дает полной характеристики состояния региональных систем здравоохранения, однако способствует выявлению относительно сильных и слабых сторон их функционирования в различных регионах и формированию региональных приоритетов политики в сфере развития здравоохранения. Кроме пространственного среза распределения бюджетных расходов учитывается временной лаг направленных финансовых ресурсов в здравоохранение и формирование здоровья населения (см., например, [19]).

Таким образом, оценка взаимосвязи здоровья населения и системы здравоохранения в региональном разрезе является актуальной исследовательской задачей.

Методические основы исследования

Данные

В исследовании использованы данные Росстата о социально-экономическом положении регионов России за 2010 и 2018 годы в части показателей о работе системы здравоохранения в российских регионах, а также об объемах их консолидированных бюджетов и структуре их расходования.

Методы

Мы опираемся на методологию ОЭСР по оценке здоровья населения различных стран и эффективности функционирования национальных систем здравоохранения³. Она позволяет сравнивать ключевые показатели здоровья населения и эффективности системы здравоохранения в государствах, а также дает возможность проанализировать различия в состоянии здоровья и поведении людей по отношению к здоровью; в доступе к

³ OECD (2019) Health at a Glance 2019: OECD Indicators, OECD Publishing, Paris. URL: <https://www.oecd.org/health/health-systems/health-at-a-glance-19991312.htm> (accessed 11.02.2020); URL: <https://doi.org/10.1787/4dd50c09-en>

медицинскому обслуживанию и в его качестве; в эффективности использования имеющихся ресурсов для здравоохранения. На наш взгляд, аналогичный подход применим для компаративного анализа здравоохранения регионов России.

Согласно данному подходу страны ОЭСР сравниваются по пяти измерениям: состояние здоровья, факторы риска для здоровья, доступ, качество и результаты, ресурсы здравоохранения. И хотя такой сравнительный анализ не позволяет определить, какие государства в целом имеют наиболее эффективные системы здравоохранения, он выявляет относительные сильные и слабые стороны различных стран ОЭСР в сфере формирования общественного здоровья. В свою очередь, результаты такого аналитического исследования помогают определить приоритетные области деятельности для национальных органов исполнительной власти по указанным пяти направлениям.

В нашем исследовании остановимся на одном из направлений – ресурсах здравоохранения, проанализируем четыре показателя, доступные для всех регионов России и аналогичные тем, которые применяются в методологии ОЭСР:

- расходы консолидированного бюджета на здравоохранение на душу населения, рублей (Health costs per capita – *HC*);
- доля расходов на здравоохранение, % от консолидированного бюджета региона (Share of health costs – *SHC*);
- численность врачей на 10000 человек населения (Doctors – *D*);
- численность среднего медицинского персонала на 10000 человек населения (Nurses – *N*).

Комплексная оценка ресурсов здравоохранения региона рассчитывается в виде агрегированного индекса после нормирования перечисленных показателей минимаксным методом (см., например, [20]) по формуле (1):

$$I_{hr} = \frac{I_{HC} + I_{SHC} + I_D + I_N}{4} \quad (1)$$

Для оценки здоровья населения выбран показатель средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении (Life expectancy – *LE*), использование которого в качестве прокси-переменной для измерения здоровья обосновано многими исследователями (см. подробнее [21]).

Кластеризация регионов по показателям здоровья и ресурсообеспеченности системы здравоохранения проводилась путем построения диаграмм рассеяния, где на горизонтальной оси обозначена продолжительность жизни, а на вертикальной – индекс ресурсов здравоохранения. Выделен кластер типичных регионов, значение исследуемых показателей которых является близким к среднему и попадает в диапазон ($\bar{x} \pm \sigma$). Остальные нетипичные регионы разбиты на группы в зависимости от поведения исследуемых показателей (лучше/хуже среднего значения).

Результаты и обсуждение

Анализируя данные статистики за 2010–2018 гг. (табл.), мы можем отметить, что за этот период в России ожидаемая продолжительность жизни населения выросла с 68,9 до 72,9 лет (на 4 года), вместе с этим изменились значения статистических характеристик ОПЖ в региональном разрезе. Так, минимальное значение показателя увеличилось с 57,5 до 63,6 года, максимальное – с 74,7 до 82,4, среднее – с 68,1 до 72,2. Однако дифференциация российских регионов по продолжительности жизни осталась на неизменном уровне – коэффициент вариации ОПЖ составляет 0,04.

В отличие от продолжительности жизни, показатели ресурсообеспеченности здравоохранения имеют отрицательную динамику. Несмотря на то что за анализируемый период номинальные среднедушевые расходы региональных бюджетов на здравоохранение увеличились с 5339,8 до 7434,0 руб. в год, реальный показатель в 2018 году составил 4356,1 руб. на душу населения (с учетом накопленного ИПЦ 170,7% к уровню 2010 года). Кроме того, значительно выросла дифференциация регионов по данному показате-

Таблица. Статистические характеристики распределения показателей продолжительности жизни и ресурсообеспеченности здравоохранения в регионах России в 2010 и 2018 гг.

Характеристики ряда данных	LE	HC	SHC	D	N	I_{HR}
2010 год						
Минимум	57,5	1198,5	3,9	28,3	70,1	0,082
Максимум	74,7	20632,7	19,9	84,8	160,9	0,850
Среднее	68,1	5339,8	11,7	48,0	113,0	0,382
Коэффициент вариации	0,04	0,79	0,23	0,24	0,16	0,40
2018 год						
Минимум	63,6	1303,3	2,6	29,3	72,7	0,124
Максимум	82,4	47866,6	13,8	81,2	159,2	0,820
Среднее	72,2	7434,0	7,3	47,8	109,3	0,335
Коэффициент вариации	0,04	1,28	0,29	0,20	0,16	0,35
Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели 2011; Регионы России. Социально-экономические показатели 2019. URL: https://www.gks.ru/folder/210/document/13204						

лю: если в 2010 году коэффициент вариации составил 0,79, то в 2018 году уже 1,28, т. е. повысился почти в два раза. Одновременно сократилась доля бюджетных расходов на здравоохранение в общих расходах консолидированных бюджетов регионов с 11,7 до 7,3% с некоторым увеличением дифференциации (коэффициент вариации составил 0,23 и 0,29 соответственно). В среднем по стране снизилась обеспеченность врачами с 48,0 до 47,8 на 10000 человек и средним медицинским персоналом с 113,0 до 109,3 на 10000 человек. При этом дифференциация регионов по данным показателям незначительно сократилась (обеспеченность врачами) либо осталась неизменной (обеспеченность средним медицинским персоналом).

В целом следует отметить, что за период 2010–2018 гг. индекс ресурсообеспеченности здравоохранения I_{HR} сократился с 0,382 до 0,335. При этом существенно выросло минимальное значение индекса и несколько уменьшился коэффициент вариации.

Построение диаграмм рассеяния показателей LE и I_{HR} в региональном разрезе (рис. 1) еще раз подтвердило описанные тенденции: во-первых, произошел существенный сдвиг общей массы регионов вдоль оси LE вправо; во-вторых, наблюдается концентрация регионов около средних значений, что свидетельствует о сокращении дифференциации.

Согласно инструментарию, описанному выше, нами проведена кластеризация регионов по исследуемым показателям. Так, в 2010 году к группе типичных отнесены 49 регионов (или 58%). Для них характерны продолжительность жизни и уровень ресурсообеспеченности здравоохранения, близкие к средним по стране: LE в интервале 65,4–70,7 и I_{HR} в интервале 0,248–0,515. Остальные регионы – нетипичные – можно разделить на четыре кластера (рис. 2).

Кластер «Высокий I_{HR} – Низкая LE» ($I_{HR} > 0,515$; $LE < 65,4$) включает 9 регионов, характеризующихся низким уровнем социально-экономического развития, неблагоприятными эколого-климатическими условиями, высокой заболеваемостью жителей и высокой смертностью населения в трудоспособном возрасте, что существенно снижает продолжительность жизни людей. При этом среднедушевые бюджетные расходы на здравоохранение выше общероссийского показателя в 2–4 раза во всех регионах указанной группы, кроме Республики Тыва и Забайкальского края. В последних двух высокая ресурсообеспеченность здравоохранения достигается более высокими показателями численности врачей и среднего медицинского персонала. В остальных регионах кластера повышенные расходы на здравоохранение возникают вследствие низкой плотности населения и малой транспортной до-

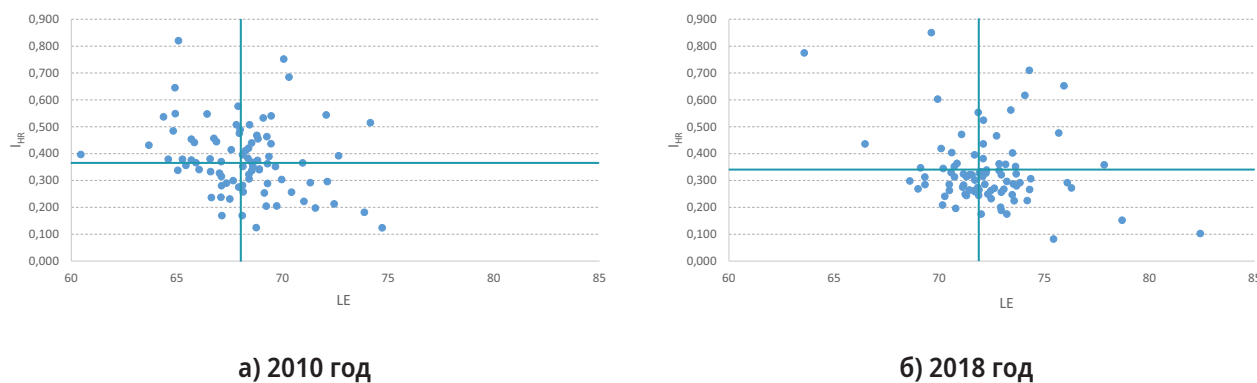


Рис. 1. Диаграмма рассеяния LE и I_{HR} регионов России



Рис. 2. Кластеризация нетипичных регионов России в 2010 году

ступности территорий проживания, а также сложных условий содержания инфраструктуры здравоохранения в зависимости от климатических особенностей.

Кластер «Низкий I_{HR} – Низкая LE» ($I_{HR} < 0,248$; $LE < 65,4$) включает 7 регионов со средним уровнем социально-экономического развития, высокой заболеваемостью жителей, высокой смертностью населения в

трудоспособном возрасте. При этом для всех регионов группы характерны низкие показатели составляющих ресурсообеспеченности здравоохранения: среднедушевые расходы бюджета по соответствующему направлению составляют 60–90% от общероссийского уровня, обеспеченность врачами и средним медицинским персоналом также существенно отстает от среднего уровня по стране.

Кластер «Низкий I_{HR} – Высокая LE » ($I_{HR} < 0,248$; $LE > 70,7$) включает 12 регионов, характеризующихся низким уровнем социально-экономического развития, благоприятными эколого-климатическими условиями, низкой заболеваемостью населения (за исключением Калининградской и Ростовской областей), а также низкой смертностью людей в трудоспособном возрасте (за исключением Тамбовской области), что и способствует достижению высокой продолжительности жизни, несмотря на низкую ресурсообеспеченность здравоохранения. Она складывается из недостаточного числа врачей и среднего медицинского персонала, а также очень скудных среднелюдских бюджетных расходов на здравоохранение (25–90% от среднероссийского уровня) во всех регионах кластера, за исключением Калининградской и Ленинградской областей (120–160% соответственно).

Кластер «Высокий I_{HR} – Высокая LE » ($I_{HR} > 0,515$; $LE > 70,7$) составляют 6 регионов, которые характеризуются низкой заболеваемостью и смертностью трудоспособного населения, что вместе с высокой обеспеченностью врачами (в 1,5–2 раза выше общероссийского уровня) определяет достаточно высокую продолжительность жизни. Однако регионы данного кластера необходимо разбить на две подгруппы. Во-первых, это регионы с высоким уровнем социально-экономического развития (г. Москва, г. С.-Петербург, ХМАО, ЯНАО), позволяющим им иметь среднелюдские бюджетные расходы на здравоохранение в 2,5–3,5 раза больше, чем в целом по России. Во-вторых, это Астраханская область и Республика Северная Осетия – Алания, где среднелюдские бюджетные расходы на здравоохранение составляют 70–90% от общероссийского уровня, однако благоприятные эколого-климатические условия компенсируют некоторую недостаточность финансирования здравоохранения, помогая сохранять относительно высокую продолжительность жизни.

Реализация государственной политики в сфере народосбережения и общественного здоровья позволила к 2018 году значительно улучшить ситуацию и во многом реализовать задачу повышения продолжительности жизни. К этому времени количество типичных регионов увеличилось до 62 (73%), для них были характерны следующие параметры: LE в интервале 69,4–75,0 и I_{HR} в интервале 0,200–0,471.

Нетипичные регионы распределились по тем же кластерам, что и в 2010 году, однако количество и состав каждого кластера претерпели изменения (рис. 3). Так, в кластере «Высокий I_{HR} – Высокая LE » ($I_{HR} > 0,471$; $LE > 75,0$) число регионов увеличилось до 7, в эту группу вошла Томская область. В остальных трех кластерах число регионов сократилось, значительно изменился их состав.

Из кластера «Высокий I_{HR} – Низкая LE » ($I_{HR} > 0,471$; $LE < 69,4$) территории Дальнего Востока (Амурская, Магаданская, Сахалинская области, Еврейская АО, Чукотский АО) к 2018 году перешли в кластер типичных регионов. Теперь указанная группа включает 4 региона. Ненецкий АО и Республика Тыва сохранили свои позиции, Республика Коми и Камчатский край переместились в данную группу из кластера типичных регионов в результате опережающего роста ресурсообеспеченности здравоохранения за счет, например, реализации приоритетного проекта «Обеспечение своевременности оказания экстренной медицинской помощи гражданам, проживающим в труднодоступных районах», целевым индикатором которого является увеличение доли лиц, госпитализированных по экстренным показаниям в течение первых суток (в 2018 году – 83,5%, в 2019 году – 90%)⁴. Таким образом, привлечены финансовые ресурсы для оказания медицинской помощи в экстренной форме с использованием санитарной авиации. Однако, несмотря на все предпринятые усилия, продолжительность жизни населения в этих регионах

⁴ Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1640 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения» (с изм., вст. в силу 1 января 2018 г.).



Рис. 3. Кластеризация нетипичных регионов России в 2018 году

остаётся существенно ниже среднероссийского показателя. Кроме того, сохраняется высокая смертность населения от болезней системы кровообращения и новообразований⁵.

Кластер «Низкий I_{HR} – Низкая LE » ($I_{HR} < 0,200$; $LE < 69,4$) состоит из 5 регионов, причем 3 из них в 2010 году входили в кластер типичных (Республика Марий Эл, Курганская и Кемеровская области), 1 – «Высокий I_{HR} – Низкая LE » (Забайкальский край). Для регионов данной группы характерны как сокращение ресурсообеспеченности здравоохранения, так и запазды-

вающие темпы роста продолжительности жизни населения. Согласно отчетам о выполнении программы «Развитие здравоохранения», факторами, негативно влияющими на здоровье их жителей, являются: во-первых, растущая смертность населения трудоспособного возраста, в том числе от заболеваний системы кровообращения, новообразований, а также у мужчин – от внешних причин⁶; во-вторых, проблемы функционирования здравоохранения (дефицит финансовых ресурсов, нехватка врачей, отсутствие узких специалистов, проблемы кодирования причин смерти, низкая тер-

⁵ Годовой отчет о реализации ГП «Развитие здравоохранения НАО» за 2018 год. URL: <http://medsoc.adm-nao.ru/zdravoohranenie/nacionalnyj-proekt-zdorove/otchyoty-po-gr-nao/2018>; Отчет о реализации Государственной программы Республики Тыва «Развитие здравоохранения на 2018–2025 годы» за 2018 год. URL: <https://minzdravtuva.ru/docs/gosprog/otchet/otchet20190131-4.html>

⁶ О государственной Программе Курганской области «Развитие здравоохранения» (с изменениями на 29 мая 2019 г.). URL: <https://kurganobl.ru/gosudarstvennaya-programma-kurganskoy-oblasti-razvitie-zdravoohraneniya>; Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Развитие здравоохранения Забайкальского края» за 2018 год. URL: <http://www.chitazdrav.ru/taxonomy/term/132>; Отчетные формы и сведения о выполнении государственной программы «Развитие здравоохранения» в Республике Марий Эл на 2013–2025 годы. URL: <http://mari-el.gov.ru/minzdrav/Pages/20132020.aspx>

риториальная доступность медицинских услуг⁷); в-третьих, поведенческий фактор (недостаточная приверженность населения к ведению здорового образа жизни, низкая активность при прохождении профилактических осмотров и диспансеризации, несвоевременное обращение населения за медицинской помощью⁸).

Улучшение общественного здоровья в регионах данного типа возможно в процессе эффективной реализации Национального проекта «Здравоохранение» с 2019 года по таким направлениям, как «борьба с онкологическими заболеваниями», «борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями», «обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами»⁹.

Кластер «Низкий I_{HR} – Высокая LE» ($I_{HR} < 0,200$; $LE > 75,0$) включает 8 регионов. В него из группы типичных регионов перешли Белгородская, Ленинградская области, а также Ставропольский и Краснодарский края. За этот период в них существенно выросла и приблизилась к среднероссийскому значению ресурсообеспеченность здравоохранения как в части среднелюдских бюджетных расходов, так и в части обеспеченности врачами и средним медицинским персоналом. Вместе с тем стоит отметить, что для перечисленных регионов характерны запаздывающие темпы роста продолжительности жизни при ее высоких значениях.

В 2018 году в состав данного кластера входят регионы Северного Кавказа, которые сохраняют лидерство в стране по продолжительности жизни (Ингушетия – 1 место, Дагестан – 2, Кабардино-Балкарская Республика – 4, Карачаево-Черкесская Республика – 5 и Чеченская Республика – 8 место), благодаря особым природно-климатическим условиям и биосоциаль-

ным особенностям жителей Кавказа. Также в него вошли Тамбовская, Калининградская и Ростовская области, занимающие, соответственно, 26, 29 и 22 места по продолжительности жизни среди 85 субъектов РФ. При этом ресурсообеспеченность здравоохранения во всех перечисленных регионах по-прежнему является достаточно низкой.

Таким образом, результаты проведенного исследования показали пространственные различия в формировании общественного здоровья населения в регионах России, в том числе географические, климатические, экологические и т. д. Рост числа типичных регионов за период 2010–2018 гг. доказывает эффективность проводимой медико-демографической политики в субъектах Федерации, а также сокращение пространственных дисбалансов в доступности медицинских услуг и здоровье населения.

Однако, на наш взгляд, полученная картина является не вполне объективной, поскольку, как правило, субъекты Федерации представляют сведения по достижению показателей в сфере здравоохранения за отчетный период, а также поквартальный мониторинг в течение отчетного года, в то время как принципиальной основой оценки эффективности финансирования здравоохранения и достижения заявленных показателей органами региональной власти должен быть учет временного лага. Это позволит определить соразмерность и своевременность финансовых расходов, потраченных на решение задачи, и полученного на их основе мультипликационного эффекта (снижение заболеваемости, смертности населения, увеличение продолжительности жизни), а также более интегративного результата – сохранения и преумножения общественного здоровья.

⁷ О государственной Программе Курганской области «Развитие здравоохранения» (с изменениями на 29 мая 2019 г.). URL: <https://kurganobl.ru/gosudarstvennaya-programma-kurganskoy-oblasti-razvitie-zdravooxraneniya>; Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Развитие здравоохранения Забайкальского края» за 2018 год. URL: <http://www.chitazdrav.ru/taxonomy/term/132>; Отчетные формы и сведения о выполнении государственной программы «Развитие здравоохранения» в Республике Марий Эл на 2013–2025 годы. URL: <http://mari-el.gov.ru/minzdrav/Pages/20132020.aspx>

⁸ Информация о достижении целевых показателей и показателей результативности государственных программ Красноярского края в 2018 году. URL: <http://www.econ.krskstate.ru/gosprog/otchgp>

⁹ Национальный проект «Здравоохранение». URL: <https://futererussia.gov.ru/zdravooxranenie>

Заключение

В заключение подведем некоторые итоги. Целью данного исследования выступали выявление и оценка взаимосвязи располагаемых ресурсов здравоохранения и продолжительности жизни населения в российских регионах. Реализация авторского подхода позволила получить следующие результаты.

Во-первых, авторами обоснован методический инструментарий по оценке располагаемых ресурсов здравоохранения и их взаимосвязи с достигнутыми показателями продолжительности жизни населения в российских регионах на основе адаптации методологии ОЭСР по оценке здоровья населения различных стран и эффективности функционирования национальных систем здравоохранения.

Во-вторых, на основе реализации указанного методического подхода предложено деление регионов на «типичные» и «нетипичные», определяющее те субъекты, в которых наиболее остро стоит проблема низкой продолжительности жизни и/или ресурсообеспеченности здравоохранения, что не позволяет им выполнять стратегические цели по повышению про-

должительности и улучшению качества жизни населения.

В-третьих, сделан вывод об эффективности использования ресурсов здравоохранения в контексте повышения продолжительности жизни населения российских регионов, а также сокращения пространственных дисбалансов в доступности медицинских услуг и здоровье населения.

Теоретическая значимость полученных результатов заключается в развитии теоретико-методологического аппарата исследования ресурсообеспеченности системы здравоохранения, практическая значимость – в обосновании прикладного инструментария для оценки взаимосвязи располагаемых ресурсов здравоохранения и продолжительности жизни населения. Настоящее исследование предназначено научным работникам, студентам и преподавателям университетов, представителям органов исполнительной власти различного уровня, специализирующимся на вопросах, касающихся повышения эффективности финансирования здравоохранения в частности и реализации государственной медико-демографической политики в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асланов Д.И. Факторы и условия, определяющие формирование здоровья человека // Управление. 2011. № 3–4. С. 68–71.
2. Crémieux P.-Y., Ouellette P., Pilon C. Health care spending as determinants of health outcomes. *Health Economics*, 1999, vol. 8 (7), pp. 627–639. DOI: [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1099-1050\(199911\)8:7<627::AID-HEC474>3.0.CO](https://doi.org/10.1002/(SICI)1099-1050(199911)8:7<627::AID-HEC474>3.0.CO)
3. Rolden H.J., Bodegom D. van, Westendorp R. Variation in the costs of dying and the role of different health services, socio-demographic characteristics, and preceding health care expenses. *Social Science & Medicine*, 2014, vol. 120, pp. 110–117.
4. David B.E., Canning D. The Health and Wealth of Nations. *Science*, 2000, vol. 287, no. 5456, pp. 1207–1209. DOI: <http://dx.doi.org/10.1126/science.287.5456.1207>
5. Здоровье во всех стратегиях. Использование возможностей, реализация стратегий / под ред. К. Лерро, Е. Оллила, С. Пена, М. Висмар, С. Кук. Мин-во соц. обеспечения и здравоохранения Финляндии, 2013. 396 с.
6. Куфтова Ю.В., Обухова О.В., Базарова И.Н. Рост расходов на здравоохранение: мифы и реальность // Медицинские технологии. Оценка и выбор. 2019. № 2. Т. 36. С. 24–34.
7. Kutzin J. Политика финансирования здравоохранения: руководство для лиц, принимающих решения. Всемирная организация здравоохранения, 2008. 35 с.
8. Garber A.M. Advances in cost-effectiveness analysis of health interventions. *Handbook of Health Economics*, 2000, vol. 1, pp. 181–221.

9. Dolan P. The measurement of health-related quality of life for use in resource allocation decisions in health care. *Handbook of Health Economics*, 2000, vol. 1, pp. 1723–1760.
10. Adler N.E., Newman K. Socioeconomic disparities in health: pathways and policies. *Health Aff (Millwood)*, 2002, vol. 21, no. 2, pp. 60–76.
11. Финансовое обеспечение и тенденции развития системы здравоохранения в регионе / О.С. Олейник [и др.] // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2017. Т. 10. № 7 (337). С. 738–754.
12. Игнатъев В.М., Игнатъева С.Н. Зависимости показателей здравоохранения от социально-экономических факторов // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Сер.: Естественные науки. 2004. № 1. С. 72–76.
13. Каткова И.П., Катков В.И. Социально-демографические процессы и здравоохранение // Менеджер здравоохранения. 2013. № 12. С. 14–20.
14. Skinner J. Two-Causes and Consequences of Regional Variations in Health Care. *Handbook of Health Economic*, 2011, vol. 2, pp. 45–93. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-53592-4.00002-5>
15. Klein D.J., Brown A.D., Detsky A.S. Investing Wisely in Health Care Capital. *JAMA*, 2016, vol. 316, no. 15, pp. 1543–1544. DOI: <https://doi:10.1001/jama.2016.10605>
16. Калашников К.Н. Ресурсное обеспечение российского здравоохранения: проблемы территориальной дифференциации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 1 (37). С. 72–87. DOI: 10.15838/esc/2015.1.37.5
17. Борисенкова К.А. Исследование региональных различий в государственных расходах на здравоохранение, оказывающих влияние на среднюю продолжительность жизни населения // Экономика России в современных условиях: пути инновационного развития и повышения конкурентоспособности: сб. труд. конф. / под ред. Е.А. Горбашко. СПб.: Экон. ун-т, 2017. С. 52–56.
18. Грицко М.А., Колибина Е.О. Пространственные деформации результативности системы здравоохранения // Пространственная экономика. 2013. № 4. С. 107–121.
19. Гринкевич Л.С., Банина С.А. Анализ финансовых моделей определения расходов на здравоохранение в Российской Федерации // Сиб. финанс. школа. 2016. № 4. С. 86–94.
20. Методический подход к измерению качества жизни населения региона / О.А. Козлова [и др.] // Экономика региона. 2015. № 2 (42). С.182–193.
21. Makarova M.N., Kozlova O.A., Kozlov A.V. *Methodological tools to assess an impact of habitat factors on population health in Russian regions*. The 13th International Days of Statistics and Economics in Prague, Czech Republic on September 5–7, 2019. Conference proceeding. Prague: Libuše Macáková, MELANDRIUM, 2019. 1756 p. Available at: https://msed.vse.cz/msed_2019/sbornik/toc.html (accessed 23.01.2020). DOI: 10.18267/pr.2019.los.186.101

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ольга Анатольевна Козлова – доктор экономических наук, профессор, руководитель центра, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук». Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: olga137@mail.ru

Екатерина Александровна Трушкова – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук». Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: trushkova_ea@inbox.ru

Мария Никитична Макарова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт экономики

Уральского отделения Российской академии наук». Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: maria_makarova87@mail.ru

Kozlova O.A., Trushkova E.A., Makarova M.N.

ASSESSMENT OF THE INTERCONNECTION BETWEEN AVAILABILITY OF HEALTHCARE RESOURCES AND POPULATION'S LIFE DURATION: REGIONAL ASPECT

The article explores a relevant issue of increasing population's life duration on the basis of reducing preventable mortality, morbidity, and improving public health. Its solution is a priority for the socio-economic development of Russia. The purpose of the study is to develop methodological tools for identifying and assessing the interconnection between available healthcare resources and population's life duration in Russian regions. The originality of the work is the adaptation of the system of indicators of Russian statistics to the methodology used by the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) to assess the health of the population and the healthcare efficiency. The analysis was based on Rosstat data for 2010 and 2018 according to four indicators that are similar to ones used in the OECD methodology and characterize the functioning of the healthcare system in Russian regions. The scientific novelty of the research is that the authors, on the basis of used approach, proposed methodological tools for determining the index of resource availability in the regional healthcare system with its subsequent approbation in Russian regions. By comparing obtained regional indices of healthcare resource availability and life duration, the division of Russian regions into "typical" and "atypical" followed by the division of the latter into four clusters, depending on the variant of ratio "healthcare resource availability – life duration", was carried out. In the 2010–2018 period, there was the increase of the number of regions where the policy on healthcare resource availability could be assessed, in general, as efficient. It is concluded that regional differences in the formation of healthcare resource availability require a differentiated approach to the formation and implementation of state policy in this area considering the current dynamics of the demographic component. The results of the study may be useful to federal and regional executive authorities. It could also be interesting to discuss the results in scientific debates and use it in scientific and educational activities.

Life duration, health, healthcare resources, regions, assessment.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ol'ga A. Kozlova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of the Center, Federal State Budgetary Institution of Science "Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences". 29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: olga137@mail.ru

Ekaterina A. Trushkova – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science "Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences". 29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: trushkova_ea@inbox.ru

Mariya N. Makarova – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science "Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences". 29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: maria_makarova87@mail.ru

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.9

УДК 314 | ББК 60.7

© Барсуков В.Н.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕРЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В МЕЖСТРАНОВОМ СРАВНЕНИИ*



ВИТАЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ БАРСУКОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: lastchaos12@mail.ru

ORCID: [0000-0001-7819-8297](https://orcid.org/0000-0001-7819-8297); ResearcherID: [I-8179-2016](https://orcid.org/I-8179-2016)

Старение населения представляет собой многогранное явление, оказывающее влияние на все сферы общественной жизни «стареющих» государств. Данный феномен уже не рассматривается в качестве частной проблемы, а приобретает статус цивилизационного вызова, перехода к новому состоянию не только демографической, но и социальной структуры. Адаптация к этим условиям возможна только при получении достоверной и релевантной информации о механизмах формирования последствий старения населения и сценариях потенциального изменения их масштабов. Целью работы стал сравнительный критический анализ подходов к измерению последствий демографического старения на глобальном уровне и в межстрановом сравнении. В исследовании представлены три основных подхода к измерению коэффициентов зависимости от пожилого населения (КЗПН): традиционный, перспективный и экономический, выделены их сильные и слабые стороны. Главным ограничением (в разной степени для каждого из подходов) выступает невозможность универсализировать критерии определения коэффициентов зависимости в силу разности социальных конструкторов определения непродуцируемых возрастов в каждой отдельно взятой стране мира. Это допущение накладывает отпечаток на точность оценок в контексте международных сравнений. Наиболее точные оценки, касающиеся масштабов последствий старения населения, можно получить только на уровне конкретного «стареющего» государства при учете всех нормативно-правовых и институциональных особенностей функционирования его экономики и рынка труда. Тем не менее, принимая во внимание глобальность и необратимость изучаемого феномена, международные сравнения предоставляют нам достаточно обширные сведения о векторах направленности процесса старения населения

Для цитирования: Барсуков В.Н. Методологические особенности измерения последствий старения населения в межстрановом сравнении // Проблемы развития территории. 2020. № 3 (107). С. 128–143. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.9

For citation: Barsukov V.N. Methodological features of measuring population ageing effects in the inter-country comparison. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 3 (107), pp. 128–143. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.9

и его последствий. В частности, данные расчетов КЗПН в проспективной, традиционной и экономической проекциях позволяют говорить о вероятности трех сценариев развития событий (положительного, инерционного и негативного). Наступление каждого из них напрямую зависит от эффективности политики по реализации ресурсного потенциала «стареющих обществ» и государственной политики регулирования социально-экономического развития в условиях старения населения.

Старение населения, последствия старения населения, коэффициент зависимости.

Введение

Старение населения – это одна из величайших историй успеха человечества, являющаяся отражением прогресса здравоохранения, медицины, социально-экономического развития – факторов, оказавших существенное влияние на борьбу с экзогенной заболеваемостью, профилактику травматизма и снижение риска преждевременной смерти. Однако следует понимать, что рост продолжительности жизни человека и последующее снижение уровня рождаемости неизбежно приведут к увеличению среднего возраста населения. Старение является одной из четырех «метатенденций», которые характеризуют население мира сегодня, наряду с ростом населения (снижающийся, но по-прежнему достаточно высокий), урбанизацией и международной миграцией. Каждая из этих метатенденций будет оказывать долгосрочное влияние на устойчивое развитие в ближайшие десятилетия.

Увеличение продолжительности жизни человека, связанное с особенностями демографического перехода, явилось катализатором роста мирового населения. Однако последующее снижение рождаемости послужило причиной, которая привела к качественному преобразованию демографической системы планеты. Одним из важнейших трендов стала перманентно растущая доля пожилых людей. Подготовка к экономическим и социальным сдвигам, связанным со старением населения, важна для обеспечения прогресса в области достижения целей устойчивого развития (ЦУР). Особенно это касается искоренения бедности (ЦУР 1), внедрения практик здорового образа жизни и благополучия в любом возрасте (ЦУР 3), продвижения гендерной

проблематики равенства (ЦУР 5) и обеспечения производительной занятости (ЦУР 8), снижения социально-экономического неравенства между странами и внутри стран (ЦУР 10), обеспечения инклюзивности, безопасности, устойчивости городской и сельской среды (ЦУР 11).

Представления о наблюдаемых в регионах мира демографических изменениях все больше приобретают системный характер. Количественные (снижение показателей рождаемости и смертности) и качественные (изменение половозрастной и брачно-семейной структур) трансформации мирового населения идут по единым траекториям, различаясь глубиной и интенсивностью протекания. Так, в частности, страны догоняющего развития демонстрируют заметно более высокие темпы снижения рождаемости, смертности в младших возрастах, а также старения населения, чем развитые государства в более ранние периоды [1; 2]. Фактически это вписывается в экономическую концепцию бета-конвергенции [3], но в демографическом ракурсе: развивающиеся страны, завершив стадию реализации демографического дивиденда, стремительными темпами приходят к формату структуры населения западного образца.

Заккрытие «демографического окна» ознаменовало переход к фазе интенсивного нарастания последствий старения населения (необратимого в условиях суженного воспроизводства населения), к числу которых относятся снижение темпов экономического роста, изменение структуры сбережений, рост дефицита пенсионных систем, увеличение нагрузки на социальную инфраструктуру, снижение темпов воспроизводства трудовых ресурсов, возникновение де-

фицита предложения на рынке труда, «старение» рабочей силы (увеличение среднего возраста занятых и безработных) и др. [4–6]. При этом следует отметить, что, несмотря на их разноплановость, в основе лежат единые факторы возникновения в различных комбинациях, следовательно, необходимо применять системный подход к определению сущности демографического старения и комплексной оценке спектра его последствий [7–9]. Понять особенности формирования последствий старения населения можно лишь при одном условии – получении релевантной и достоверной информации о сущности данного феномена в его глобальной и региональной проекциях. В связи с этим цель нашего исследования – сравнительный критический анализ подходов к измерению последствий демографического старения на глобальном уровне и в межстрановом сравнении. В качестве информационной базы выступили данные ООН World Population Prospects, World Population Ageing, статистические данные ОЭСР, ВОЗ (WHO Mortality Database), National Transfer Accounts.

Тренды демографического старения в мире

По состоянию на 2019 год в мире насчитывалось 703 миллиона человек в возрасте 65 лет и старше. В Восточной и Юго-

Восточной Азии проживало наибольшее количество представителей старшего поколения (261 млн), следом в рейтинге идут Европа и Северная Америка (более 200 млн; табл. 1).

По прогнозам ООН в течение следующих трех десятилетий число пожилых людей во всем мире увеличится более чем вдвое и превысит 1,5 миллиарда человек к 2050 году. Это подтверждает глобальность феномена. Наибольший рост числа представителей старшего поколения будет наблюдаться в Восточной и Юго-Восточной Азии: с 261 млн в 2019 году до 573 млн в 2050 году. Самый быстрый прирост в относительном выражении ожидается в Северной Африке и Западной Азии (226%), а также странах Африки к югу от Сахары, где население в возрасте 65 лет и старше может увеличиться с 32 млн в 2019 году до 101 млн в 2050 году (218%). В то же время рост будет относительно небольшим в Австралии / Новой Зеландии (84%) и в Европе / Северной Америке (48%), где население уже значительно старше, чем в других регионах мира.

Для большей наглядности представим условную карту «вклада» отдельных регионов мира в формирование населения в возрасте 65 лет и старше. Ожидается, что Восточная и Юго-Восточная Азия, являющиеся местом проживания наибольшей части (37%) пожилого населения мира

Таблица 1. Изменение численности населения в возрасте старше 65 лет в регионах мира, факт и прогноз

Регион мира	Численность населения в возрасте 65 лет и старше в 2019 году, млн чел.	Численность населения в возрасте 65 лет и старше в 2050 году, млн чел.	Прирост, 2050 год к 2019 году, %
Мир в целом	702,9	1 548,9	120
Страны Африки, южнее Сахары	31,9	101,4	218
Северная Африка и Западная Азия	29,4	95,8	226
Центральная и Южная Азия	119,0	328,1	176
Восточная и Юго-Восточная Азия	260,6	572,5	120
Латинская Америка и страны Карибского бассейна	56,4	144,6	156
Австралия и Новая Зеландия	4,8	8,8	84
Океания	0,5	1,5	190
Европа и Северная Америка	200,4	296,2	48

Составлено по: данные World Population Prospects 2019. URL: <https://population.un.org/wpp>

в 2019 году, сохраняют показатели к 2050 году (рис. 1). Вторая по величине доля представителей старшего поколения наблюдалась в Европе и Северной Америке (28,5%), однако, согласно прогнозам, к 2050 году она сократится до 19%. В странах Центральной и Южной Азии проживала одна шестая часть пожилого населения мира (17%), однако к 2050 году произойдет увеличение примерно до одной пятой (21%). В государствах к югу от Сахары, в Северной Африке и Западной Азии, вероятно, также будет наблюдаться дальнейшее увеличение доли пожилых людей в период между 2019 и 2050 гг.

В 1990 году наибольшую долю населения мира (42%) составляло взрослое население в трудоспособном возрасте (от 25 до 64 лет; возрастные границы согласно методике ООН), вторую по величине группу представляли дети в возрасте от 0 до 14 лет (33%). Несмотря на то что доля пожилых людей (65 лет и старше) в 1990 году составляла всего 6% от общей численности населения, их удельный вес возрастет до 16% в 2050 году. Доля взрослых в трудоспособном возрасте также, согласно прогнозам, увеличится (с 42% в 1990 году до 49% в 2050 году), тогда как доля молодежи (от 15 до 24 лет) сократится с 19 до 14%, а доля детей – с 33 до 21%.

Таким образом, мы можем заключить, что по крайней мере до 2050 года население мира будет по-прежнему находиться в стадии реализации демографического дивиденда (будет наблюдаться рост удельного веса населения трудоспособного возраста), однако параллельно станет возрастать и интенсивность демографического старения. В основном это обусловлено тем, что многие государства демонстрируют максимальные в истории человечества темпы старения. Девять из 10 стран с наибольшим прогнозируемым процентным увеличением доли пожилых людей находятся в Восточной и Юго-Восточной Азии (рис. 2). Наибольший рост прогнозируется в Южной Корее (23%), Сингапуре (21%) и Тайване (20%). Испания является скорее исключением и единственной страной Европы в десятке с наибольшим прогнозируемым увеличением доли пожилых людей к 2050 году.

Статистическая база ООН предоставляет достаточно обширные и глубокие сведения относительно процесса старения населения в странах мира. Но в целом данных, указанных выше, достаточно, чтобы выяснить основные характеристики демографического старения в международном масштабе. Это глобальность и необратимость. Развитые

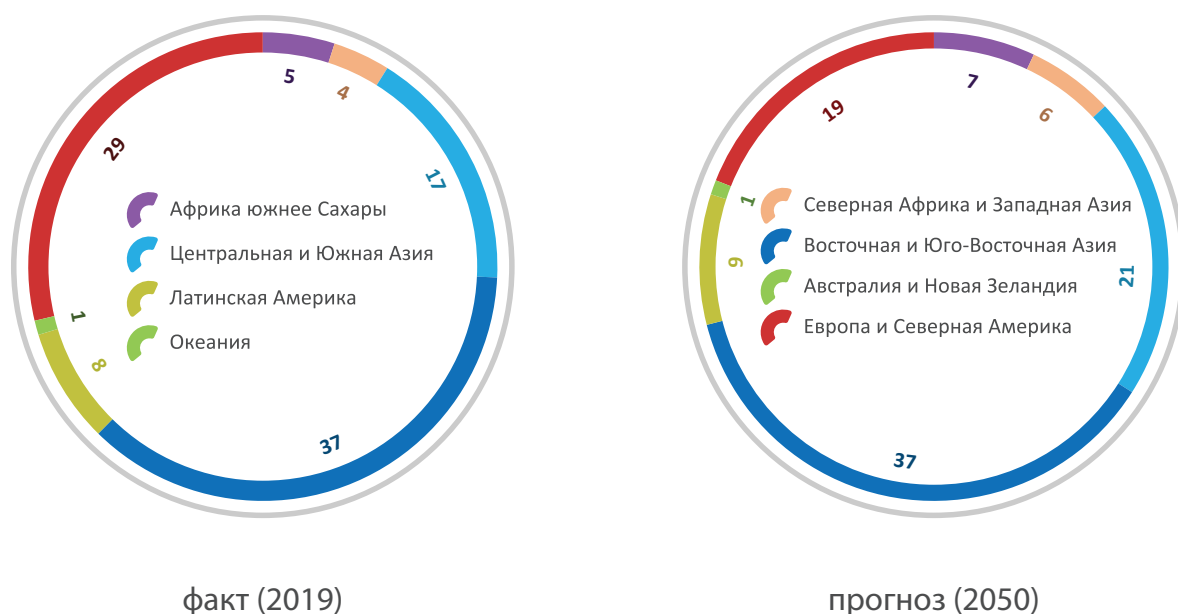


Рис. 1. Структура мирового населения старше 65 лет, факт и прогноз

Составлено по: данные World Population Prospects 2019. URL: <https://population.un.org/wpp>



Рис. 2. Первая десятка стран по показателю роста удельного веса населения старше 65 лет с 2019 по 2050 год, %

Составлено по: данные World Population Prospects 2019. URL: <https://population.un.org/wpp>

страны продолжают умеренно стареть, развивающиеся и наименее развитые будут стремительно их догонять, согласно концепции бета-конвергенции. Таким образом, исследовательский фокус смещается в сторону наименее изученной категории – последствий старения населения. Наибольшую сложность представляет отсутствие единого понимания, как именно следует их изучать и каким образом можно унифицировать систему показателей для стран, находящихся на разных стадиях демографического перехода и имеющих различающиеся нормативно установленные границы социальных возрастов «старости». Тем не менее ученые в области экономической демографии продолжают поиск новых подходов, о которых пойдет речь в следующей части статьи.

Экономико-демографические индикаторы последствий старения населения и их изменение в странах мира

Чтобы описать изменения в возрастной структуре населения, демографы и экономисты используют различные относительные показатели сравнения для отдельных возрастных групп. Самым простым и наиболее распространенным показателем определения демографической старости является

доля населения в возрасте 65 лет и старше (либо 60 лет и старше, в зависимости от методологических оснований исследования). Другой метод, часто используемый в исследовании последствий старения населения, – это показатель демографической нагрузки пожилыми (или коэффициент зависимости от пожилого населения), который рассчитывается как число людей в возрасте 65 лет или старше, деленное на численность населения в возрасте от 20 (либо от 15) до 64 лет [10–12]. Соотношение часто применяется в качестве критерия для определения социальной и экономической зависимости территории от пожилого населения.

Понятие и методы расчета коэффициентов зависимости развивались с течением времени. Во второй половине XVIII века в странах Континентальной Европы промышленная революция привела к фундаментальному переходу от аграрной экономики, основанной на ручном труде, к индустриальной экономике, которая опиралась на механизированное производство. Этот сдвиг коренным образом изменил экономическую, социальную, культурную и политическую жизнь всей Европы и, в конечном итоге, остального мира. Тем не менее экономисты и демографы продолжали уделять основное внимание вкладу в экономику физического

труда, выполняемого в основном мужчинами в возрасте от 15 до 65 лет, а также тому, как этот труд может поддерживать функционирование общества в целом. Концепция коэффициентов зависимости была впервые введена латвийским экономистом, статистиком и демографом Карлом Баллодом в 1913 году. Для классификации населения по возрасту в соответствии со вкладом в национальную экономику он установил следующие возрастные группы [13]:

- 1) взрослые в возрасте от 20 до 60 лет (полностью работоспособны);
- 2) молодежь в возрасте от 15 до 20 лет и взрослые в возрасте от 60 до 70 лет (пониженная трудоспособность);
- 3) молодежь в возрасте до 15 лет и взрослые старше 70 лет (нетрудоспособны).

Основываясь на этой классификации, Баллод предположил, что молодежь в возрасте от 15 до 20 лет и пожилые люди в возрасте от 60 до 70 лет относятся в большей степени к непроизводительной части населения. Взрослые в возрасте от 20 до 60 лет считались полностью продуктивными в том смысле, что они производили больше, чем им нужно для поддержания своего текущего состояния, и, таким образом, могли поддерживать менее производительные возрастные группы. Взрослые старше 70 лет и дети в возрасте до 15 лет считались «бременем» для «сендвич-поколений». Баллод определил «Беластунгское население» (коэффициент бремени) как число лиц в возрасте до 15 лет и старше 70 лет, деленное на количество людей в возрасте от 20 до 60 лет.

Чтобы проанализировать чрезвычайно высокий уровень безработицы в Германии в начале 1930-х гг., немецкий статистик Эрнст Гюнтер [14] также выдвинул гипотезу о влиянии изменения численности и состава населения на экономическое развитие. Он выстраивал свой анализ на предположении, что население в возрасте от 15 до 65 лет составляет основную рабочую силу. Верхняя граница определена им с учетом того, что возраст 65 лет был официально признан в Германии нетрудоспособным и дающим право на получение страховой пенсии по

старости. Гюнтер предположил, что экономический вклад всех людей, включая мужчин и женщин в возрасте от 15 до 65 лет, не обязательно будет одинаковым, в связи с чем ввел более точный, по его мнению, подход к оценке экономического вклада различных возрастных групп с учетом половой принадлежности. Его оценки основывались на том, что большая часть работы требовала физического труда на фабриках и в сельском хозяйстве. Гюнтер посчитал, что мужчины в возрасте от 25 до 40 лет являются наиболее продуктивным сегментом рабочей силы, их экономический вклад был взят за 100, чтобы служить эталоном сравнения. Предполагалось, что все остальные возрастные группы вносят в среднем определенный процент от эталона. Дети в возрасте до 15 лет и пожилые люди старше 75 лет не вносят вклад в экономику, а женщины – только две трети от мужского вклада в каждой возрастной группе.

Фрэнк Ноустайн, первый директор Отдела народонаселения Организации Объединенных Наций (1947–1948 гг.), в 1944 году написал свою знаменитую работу [15], в которой основное внимание уделено влиянию изменения состава населения на политическое, социальное и экономическое развитие. Он отмечал, что изменения в составе населения по возрасту потенциально более важны, чем изменения численности населения в целом. Рассматривая влияние Второй мировой войны на численность и распределение населения в Европе и Советском Союзе, Ноустайн сосредоточился на мужчинах в возрасте 15–64 лет и изучил возможные последствия роста или снижения численности указанной группы для экономического развития послевоенной Европы. Он впервые использовал термин «коэффициент общей зависимости» (или коэффициент общей демографической нагрузки), определив его как отношение количества людей в возрасте от 0 до 14 лет и старше 65 лет к численности населения в возрасте от 15 до 64 лет. Именно в таком формате коэффициент общей зависимости был признан классическим подходом к исследованию

влияния изменения возрастной структуры на экономическое развитие. В наше время экспертами ООН нижняя граница трудоспособности увеличена до 20 лет, поэтому коэффициент экономической зависимости от пожилого населения рассчитывается как отношение численности людей старше 65 лет к численности населения в возрасте от 20 до 64 лет, умноженное на 100. Условно обозначим этот показатель как КЗПН.

С 1990 года КЗПН непрерывно увеличивался во всем мире, но его уровень и интенсивность роста в отдельных регионах не были одинаковы (рис. 3). В 2019 году на 100 человек в возрасте от 20 до 64 лет приходилось 16 представителей в возрасте 65 лет и старше. К 2050 году это соотношение увеличится до 28 к 100.

В Европе и Северной Америке в 2019 году на 100 человек трудоспособного воз-

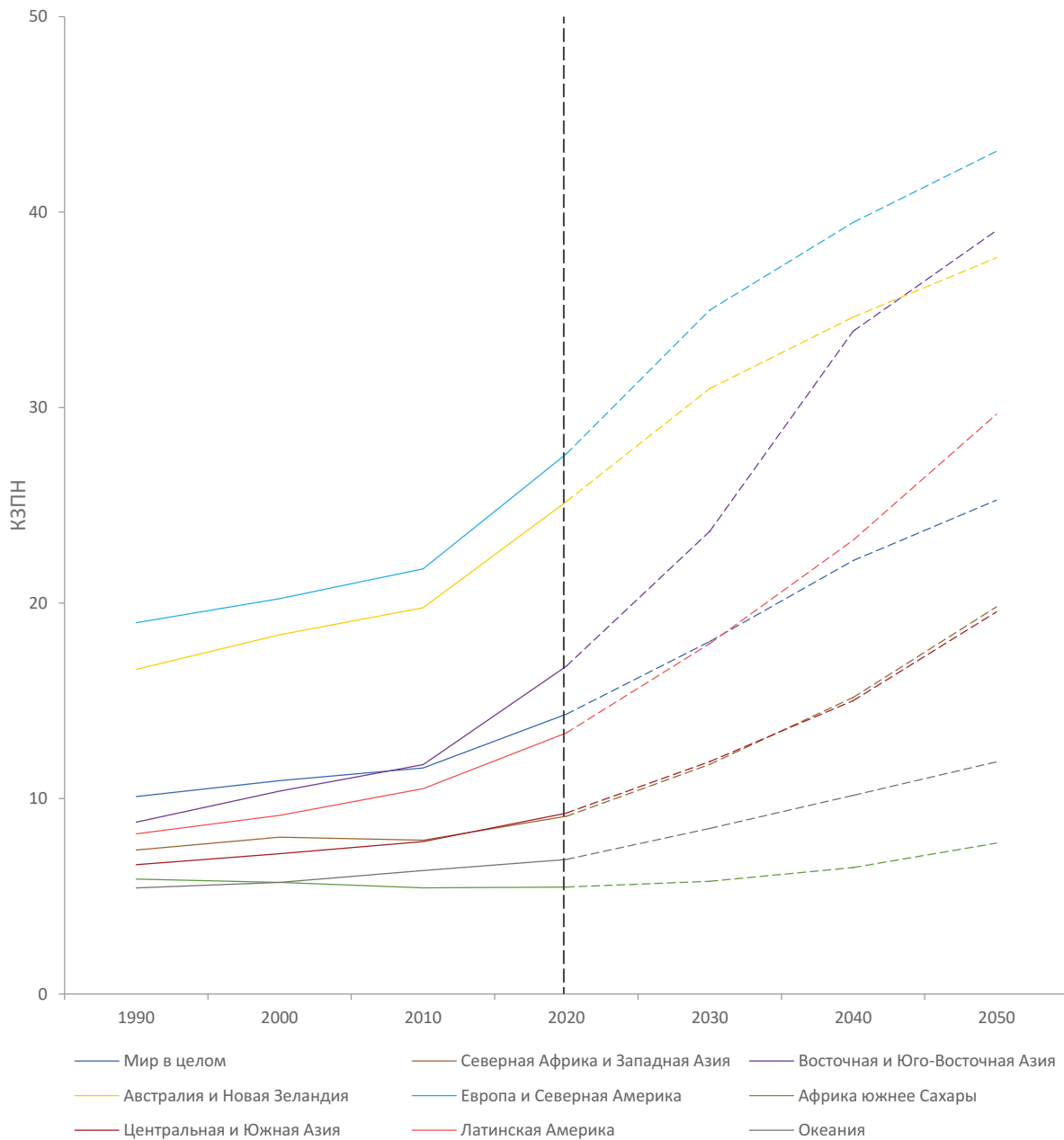


Рис. 3. Изменение коэффициента зависимости от пожилого населения в регионах мира, факт и прогноз

Составлено по: данные World Population Prospects 2019. URL: <https://population.un.org/wpp>

раста приходилось 30 пожилых людей. Прогнозируется, что это соотношение к 2050 году резко возрастет до 49. В Австралии и Новой Зеландии КЗПН увеличится с 27 на 100 в 2019 году до 42 на 100 в 2050 году.

С высокой долей вероятности КЗПН увеличится более чем вдвое в период между 2019 и 2050 гг. в Восточной и Юго-Восточной Азии, в Латинской Америке, в Северной Африке и Западной Азии, а также в Центральной и Южной Азии.

Напротив, КЗПН остается относительно низким в Океании и в странах Африки к югу от Сахары. Ожидается, что КЗПН возрастет в период между 2019 и 2050 гг. лишь с 8 до 14 на 100 в Океании, и с 7 до 9 на 100 в странах Африки южнее Сахары, что обусловлено, преимущественно, сохранением высокой рождаемости и относительно высокими показателями смертности во всех возрастах.

В табл. 2 представлены 10 стран с самым высоким показателем КЗПН в 2019 и 2050 годах. В 2019 году Япония, где на 100 человек в возрасте от 20 до 64 лет приходился 51 человек в возрасте от 65 лет и старше, имеет самый высокий показатель КЗПН в мире. Тем не менее это единственная азиатская страна в топ-группе: из 10 стран с самыми высокими показателями сегодня семь находятся в Европе, две – в Латинской Америке. Все государства, входящие в топ-10 в 2019 году, имели КЗПН больше 35 на 100.

В 2050 году Япония останется страной с самым высоким КЗПН (81 к 100), к ней в списке добавятся еще три государства из Восточной и Юго-Восточной Азии. В топ-10 по-прежнему будут входить страны или регионы Европы и Северной Америки (5) и Латинской Америки (1) с КЗПН выше 65 на 100 в 2050 году, что намного выше значения Японии в 2019 году. При этом очевидно, что в списке государств с самой высокой нагрузкой пожилыми людьми Европа постепенно уступит место азиатским странам, где темпы старения населения несоизмеримо выше.

Классический подход, предложенный Ноустайном, по-прежнему остается одним из наиболее часто используемых в экономико-демографических исследованиях. Однако, учитывая разнообразие стареющих государств в части функциональных возможностей и экономической активности пожилых людей, проживающих в них, а также тот факт, что не все люди в традиционном трудоспособном возрасте продуктивны на 100 процентов своих возможностей, исследователи предлагают альтернативные меры для отслеживания изменений в контексте старения населения. Некоторые из таких альтернативных мер опираются на данные, которые доступны на глобальном уровне или для большого количества стран.

Одной из главных нерешенных проблем в классическом методологическом подходе

Таблица 2. Первая десятка стран по уровню КЗПН, факт и прогноз

2019 год		2050 год	
Страна	КЗПН	Страна	КЗПН
Япония	51	Япония	81
Финляндия	39	Южная Корея	79
Италия	39	Испания	78
Греция	38	Греция	75
Португалия	38	Италия	74
Мартиника	37	Португалия	71
Вирджинские острова	37	Тайвань	71
Франция	37	Гонг Конг	71
Германия	36	Мартиника	68
Болгария	36	Словения	65

Составлено по: данные World Population Prospects 2019. Available at: <https://population.un.org/wpp/>

является влияние рождаемости на трансформацию возрастной структуры и изменение удельного веса населения старших возрастов, что не дает в полной мере оценить старение «сверху», т. е. за счет роста продолжительности жизни в старших возрастах. Решение данного методологического противоречия было найдено в концепции «проспективного возраста», активно развиваемой У. Сандерсоном и С. Шербовым. Предлагаемый ими критерий для определения уровня старости населения – доля населения с ожидаемой продолжительностью жизни 15 лет и менее – позволяет нивелировать влияние фактора рождаемости [16–18]. Соответственно, проспективный коэффициент зависимости от пожилого населения (ПКЗПН) рассчитывается как отношение численности людей в возрасте с продолжительностью жизни 15 лет и менее, приходящейся на 100 человек населения в возрасте от 20 лет и до определяемой верхней границы.

Тенденции ПКЗПН предполагают более медленное увеличение или даже снижение коэффициента зависимости во многих стареющих государствах по сравнению с классическим методом. Эту тенденцию можно наблюдать на глобальном уровне, где проспективный коэффициент зависимости от старости несколько снизился: с 12,9 в 1990 году до 11,6 в 2019 году (-10%), но,

согласно прогнозам, он увеличится до 17,3 к 2050 году (+50%). По сравнению с КЗПН ПКЗПН обычно растет более медленными темпами. Например, первый показатель, согласно прогнозам, увеличится на 79% в период с 2019 по 2050 год, второй – лишь примерно на 50%.

В табл. 3 представлены 10 стран с самыми высокими проспективными коэффициентами зависимости от старости в 2019 и 2050 годах. В 2019 году 9 из 10 стран с наивысшими коэффициентами находились в Европе. Болгария имеет самый высокий показатель ПКЗПН со значением 30 в 2019 году и сохранит лидерство с коэффициентом 36 в 2050 году. Среди 10 стран или районов с ПКЗПН более 32 в 2050 году семь, по прогнозам, будут представлять Европу, одна (Республика Корея) – Юго-Восточную Азию и две (Мартиника и Виргинские острова Соединенных Штатов) – Латинскую Америку.

Таким образом, применение проспективного метода дает несколько иные результаты, согласно которым последствия старения будут наиболее ярко выражены преимущественно в странах Восточной и Южной Европы, а протекание самого процесса старения населения будет менее интенсивным. Однако часто данный метод подвергается критике в связи с тем, что в нем практически полностью игнорируется

Таблица 3. Первая десятка стран по уровню ПКЗПН, факт и прогноз

2019 год		2050 год	
Страна	КЗПН	Страна	КЗПН
Япония	51	Болгария	81
Финляндия	39	Мартиника	79
Италия	39	Италия	78
Греция	38	Южная Корея	75
Португалия	38	Португалия	74
Мартиника	37	Украина	71
Виргинские острова	37	Румыния	71
Франция	37	Босния и Герцеговина	71
Германия	36	Греция	68
Болгария	36	Виргинские острова	65

Составлено по: данные World Population Prospects 2019. URL: <https://population.un.org/wpp/>; WHO Mortality Database. URL: https://www.who.int/healthinfo/mortality_data/en/

фактор экономической составляющей, при опоре, преимущественно, на показатели дожития в старших возрастах, безусловно, отражающие уровень и качество жизни населения, но лишь косвенно.

Более детальную картину экономическо-го эффекта старения населения дает подход, разработанный Р. Ли и Э. Мэйсоном [19–20]. Экономический коэффициент зависимости от старости, или экономический КЗПН, определяется как эффективное число потребителей в возрасте 65 лет и старше (т. е. неработающих), деленное на эффективное число работников всех возрастов (т. е. работающих) и умноженное на 100. Одним из преимуществ этого метода является то, что он включает в себя возрастные различия в доходах и потреблении разных возрастных групп, участие в рабочей силе, безработицу и т. д. Другими словами, это соотношение отражает потребность в ресурсах (потребление) пожилых людей относительно ресурсов, произведенных (трудовой доход) всеми работниками, независимо от их возраста. Растущий экономический КЗПН указывает на то, что число эффективных (чистых) пожилых потребителей на одного работающего увеличивается. Это, в свою очередь, может изменить спрос и способы финансирования потребления товаров и услуг в старших возрастах, в том числе в сфере пенсионного обеспечения и медицинских расходов. Для поддержания заданного уровня потребления пожилые люди в целом имеют следующие возможности: а) получать трудовой доход; б) получать доход от активов или в) получать экономическую поддержку от семей или от программ государственных трансфертов. В качестве альтернативной или дополнительной финансовой стратегии пожилые люди могут принять решение о сокращении своего потребления.

Проведенные расчеты позволяют утверждать, что старение населения приведет к глобальному увеличению с 20 эффективных пожилых потребителей (в возрасте 65+) на 100 эффективных работников (всех возрастов) в 2019 году до 33 на 100 к 2050 году. В настоящее время в Европе и

Северной Америке, а также в Австралии и Новой Зеландии, наблюдаются самые высокие уровни экономического КЗПН – 43 и 36 на 100 соответственно. Столь значительные коэффициенты отражают высокий уровень потребления в старших возрастах по сравнению с остальными группами и быстро растущую долю пожилых людей в населении. Со значительной долей вероятности аналогичные высокие коэффициенты, составляющие около 40 эффективных пожилых потребителей на каждые 100 эффективных трудящихся, будут наблюдаться в двух других регионах в ближайшие десятилетия: Восточной и Юго-Восточной Азии к 2040 году, и в Латинской Америке к 2050 году.

Если обратиться к первой десятке стран по уровню ЭКЗПН (табл. 4), то можно увидеть, что в 2019 году с большим отрывом на первом месте находится Япония – государство, как принято считать, выступающее актуальным примером того, что может ожидать многие развитые страны, входящие в топ-группу, в ближайшем будущем во всех аспектах, связанных с последствиями старения населения. Безусловно, в ситуации с Японией сложился целый ряд конъюнктурных факторов, при которых возрастная структура населения стремится к «столбовой» форме. Сочетание высокой продолжительности жизни и доходов в старших возрастах, вопреки устоявшемуся мнению о положительной стороне данного феномена, влечет за собой довольно существенную нагрузку на общество в целом, т. к. соотношение эффективных потребителей старших возрастов к эффективным трудящимся неуклонно возрастает, что ведет к замедлению темпов экономического роста.

К 2050 году, при сохранении текущих тенденций, в двух государствах (Японии и Греции) численность эффективных пожилых потребителей превысит численность эффективных трудящихся, а в целом ряде стран ЭКЗПН приблизится к значению 100. Темпы роста в сравнении с классическим КЗПН выше, что во многом связано с учетом фактора прироста «чистой» непродуцируемой группы населения старше 65 лет.

Таблица 4. Первая десятка стран по уровню экономического ЭКЗПН, факт и прогноз

2019 год		2050 год	
Страна	ЭКЗПН	Страна	ЭКЗПН
Япония	78	Япония	127
Финляндия	57	Греция	107
Франция	55	Италия	97
Германия	54	Словения	93
Дания	53	Испания	93
Греция	53	Пуэрто-Рико	92
Швеция	52	Португалия	91
Италия	50	Швейцария	89
Нидерланды	50	Германия	89
Виргинские острова	50	Южная Корея	89

Составлено по: данные World Population Prospects 2019. URL: <https://population.un.org/wpp>; OESD Stat. URL: <https://stats.oecd.org>; National Transfer Accounts. URL: <http://www.ntaccounts.org/web/nta/show/Browse%20database>

В отличие от первых двух рассмотренных подходов, ЭКЗПН, на наш взгляд, дает более четкое представление о дальнейших перспективах социально-экономического развития и потенциально возможных вариантах нивелирования последствий старения населения, о которых скажем в заключении. Однако следует отметить, что оценки могут быть еще более точными, если в расчетах учитывать пенсионный возраст отдельно взятой страны, но в таком случае международные сравнения будут затруднены, в том числе по причине отсутствия актуальной информации и невозможности прогнозирования.

Три показателя, представленные в данной работе – коэффициент зависимости от пожилого населения (КЗПН), перспективный коэффициент зависимости от пожилого населения (ПКЗПН) и экономический коэффициент зависимости от пожилого населения (ЭКЗПН) – отражают последствия старения населения с разных точек зрения с применением различных методов. Каждая мера служит уникальной цели, следовательно, ее использование зависит от целей исследователя.

Сравнение ПКЗПН с КЗПН демонстрирует (табл. 5), что ПКЗПН ниже во всех регионах, за исключением Африки к югу от Сахары и Океании. В 2019 году ПКЗПН составлял

только половину КЗПН в Австралии и Новой Зеландии и более половины (60%) – в Европе и Северной Америке, а также в Латинской Америке. Значения ПКЗПН совпадают со значениями КЗПН для Центральной и Южной Азии. Для всех регионов, кроме Австралии и Новой Зеландии, отношение ПКЗПН к КЗПН будет падать в период с 2019 по 2050 год.

Выявленные тренды позволяют нам сделать следующее предположение. Если опираться на основной постулат концепции перспективного старения, согласно которому увеличение продолжительности жизни в старших возрастах ведет к снижению нагрузки на трудоспособное население (парадоксально, но методологически верно), то потенциально в ближайшие десятилетия влияние последствий старения населения на социально-экономическое развитие будет снижаться. Однако следует сделать два важных отступления, позволяющих критически посмотреть на такой подход. Во-первых, определяемая граница перспективного возраста старости даже в развитых странах существенно выше, чем границы законодательно установленного возраста получения прав на трудовую пенсию [21]. Таким образом, в буферной зоне между двумя этими показателями остается большая доля уже непроизводительной части населения, получающей пенсию (в частности, в развитых

Таблица 5. Сравнение показателей КЗПН в трех проекциях, факт и прогноз

Регион мира	Отношение ПКЗПН к КЗПН		Отношение экономического КЗПН к КЗПН	
	2019 год	2050 год	2019 год	2050 год
Мир в целом	0.7	0.6	1.2	1.2
Страны Африки, южнее Сахары	1.4	1.1	1.1	1.0
Северная Африка и Западная Азия	0.9	0.6	1.1	1.1
Центральная и Южная Азия	1.0	0.8	1.2	1.2
Восточная и Юго-Восточная Азия	0.7	0.6	1.1	1.1
Латинская Америка и страны Карибского бассейна	0.6	0.5	1.2	1.1
Австралия и Новая Зеландия	0.5	0.5	1.3	1.3
Океания	1.5	1.1	1.1	1.1
Европа и Северная Америка	0.6	0.5	1.4	1.4

Составлено по: данные World Population Prospects 2019. URL: <https://population.un.org/wpp/>; OESD Stat. URL: <https://stats.oecd.org/>; National Transfer Accounts. URL: <http://www.ntaccounts.org/web/nta/show/Browse%20database>

странах ее удельный вес велик, т. к. возможностей для одновременного продолжения трудовой деятельности и выхода на пенсию существенно меньше, чем, например, в России), которая, согласно данному подходу, формально относится к трудящемуся населению. Во-вторых, темпы роста показателя ожидаемой продолжительности здоровой жизни в возрасте X существенно ниже, чем средней ожидаемой продолжительности жизни в этом же возрасте [21]. Это несоответствие может свидетельствовать о том, что реальные достижения в области продления продуктивной жизни в старости все же несколько ниже, чем рост продолжительности жизни вообще. Оба этих аргумента позволяют нам предположить, что представления о коэффициентах зависимости от пожилого населения в проекции перспективного старения несколько занижают степень важности проблематики, касающейся нарастания темпов последствий старения населения. Безусловно, с точки зрения изменения взглядов на методологические особенности определения возрастов «старости» данный подход является, на наш взгляд, главным прорывом в области изучения старения населения со времен Э. Роскета [22] и А. Сови [23]. Однако «идеальные» параметры расчета коэффициентов зависимости с учетом критерия определения перспектив-

ного возраста «старости» населения вступают в явное противоречие с институциональными особенностями определения социального возраста «старости» (пенсионного возраста) на уровне отдельных государств. В связи с этим оценка социально-экономических последствий старения населения производится с достаточно серьезными допущениями, что позволяет говорить об ее «отрыве» от реальных значений. При этом указанный подход все же направлен на определение реальных границ «старости» населения при нивелировании влияния показателей рождаемости, а расчет ПКЗПН – лишь дополнение, а не первостепенная задача.

В свою очередь, расчет показателя ЭКЗПН основан на том, чтобы устранить допущения относительно социальных возрастов «старости» в отдельных странах и регионах мира. Экономический коэффициент зависимости от пожилого населения несколько выше, чем КЗПН, во всех регионах, причем наибольшая разница наблюдается в Европе и Северной Америке, а также в Австралии и Новой Зеландии (см. табл. 5). Такой результат логичен, если учитывать более высокий уровень потребления в старших возрастах в этих государствах. Напротив, ожидается, что в обозримом будущем экономические последствия старения населения в странах Африки к югу от Сахары, в Северной

Африке и Западной Азии, в Восточной и Юго-Восточной Азии и Океании будут менее серьезными, чем в развитых странах. Это связано с тем, что пожилые люди в большинстве этих государств, как правило, работают дольше, для них не характерен повышенный уровень потребления в старших возрастах. На наш взгляд, показатель ЭКЗПН является наиболее точным среди всех рассмотренных подходов к оценке потенциального влияния последствий старения населения на социально-экономическое развитие, т. к. приближает нас не только к реалиям трансформации возрастной структуры, но и к изменениям в балансе потребления и производства, рынка труда, а также, в конечном итоге, к проблемам поддержания темпов экономического роста в условиях старения населения.

Заключение

Проведенный анализ позволил нам сравнить три наиболее часто используемых подхода к определению последствий трансформации возрастной структуры с вектором «старения». Каждая из методик расчета коэффициентов зависимости от пожилого населения имеет свои преимущества и недостатки. Теоретически мы можем выстроить картину прогнозов относительно последствий старения населения на глобальном уровне. Расчет классического показателя КЗПН, на наш взгляд, следует рассматривать в качестве инерционного сценария, согласно которому процессы демографического старения и нарастания его последствий будут идти параллельно. Проспективный показатель КЗПН (положительный сценарий) отражает возможность сохранения масштаба последствий демографического старения на прежнем уровне и тенденцию к снижению при условии, что потенциал роста продолжительности жизни в старших возрастах будет использован максимально эффективно. Прогноз изменения экономического КЗПН (негативный сценарий), напротив, демонстрирует нам нарастание последствий старения населения, особенно в наиболее развитых странах. Отметим, что по указанным ранее в статье причинам последний вариант

представляется нам наиболее приближенным к реальности. Но при этом не следует ни один из подходов рассматривать как «вещь в себе». Каждый из них дает результаты, которые можно частично подвергнуть критике, но вряд ли можно опровергнуть их общие постулаты. Главным недостатком всех рассмотренных методик являются используемые в них критерии определения возраста «старости» и категории пожилого населения. Их сложно привести к единому знаменателю в силу разности социальных конструктов при определении непроизводительных возрастов в отдельных странах. В первую очередь это касается пенсионного возраста, как нормативного, так и фактического. Даже имея единые демографические критерии, мы не можем систематизировать влияние трендов трансформации возрастной структуры на отдельные сферы, в связи с тем что определяемые нами показатели с высокой долей вероятности не будут совпадать с институциональными характеристиками отдельно взятого «стареющего» общества. Также следует отметить, что качественные характеристики населения «старшего возраста» могут существенно различаться в странах со схожей его долей и численностью.

Таким образом, можно говорить о том, что методологически оценку рисков и возможностей адаптации к последствиям старения населения целесообразно производить в отдельно взятой стране. Это позволит устранить два наиболее важных барьера: разницу в социальных конструктах при определении возраста непроизводительности, а также нормативно-правовых и институциональных факторах регулирования. Однако отметим, что международные сравнения все же не теряют свою актуальность в связи с одной из двух главных характеристик старения населения – его глобальностью. Очевидно, что решение проблемы последствий старения населения будет наиболее эффективным на уровне отдельно взятой страны, но наиболее важные направления их нивелирования должны быть учтены всеми «стареющими» государствами. Во-первых, это касается расширения политики внедрения концепций

активного (продуктивного) долголетия во всех возрастных группах населения. С одной стороны, как было отмечено в статье, на текущий момент увеличение продолжительности жизни влечет за собой рост числа чистых потребителей, что сказывается на сдерживании темпов экономического роста. С другой, если опираться на концепцию перспективного старения, ситуацию можно изменить изнутри, т. е. за счет повышения эффективности при использовании ресурсов роста продолжительности жизни. Но жизни здоровой и продуктивной, что вновь возвращает нас к концепции активного долголетия, повсеместное внедрение которой, на наш взгляд, является наиболее эффективным и долгосрочным ответом на сложившуюся демографическую ситуацию.

Во-вторых, требуются повсеместные институциональные изменения, касающиеся рынка труда и систем пенсионного обеспечения. Параметры функционирования пен-

сионных систем должны быть полностью адаптированы к страновым моделям демографического старения, с расширением накопительного элемента и повышением индивидуальной ответственности граждан за собственные накопления на «старость». Рынок труда должен подстраиваться под новую возрастную структуру работников.

В-третьих, обществам необходимо принять эти необратимые изменения. Эффективная реализация ресурсного потенциала стареющих обществ возможна лишь при устранении существующих барьеров в форме стереотипизации и возрастной дискриминации пожилого населения. При условии эффективного преодоления последствий старения населения применяемые в данной статье термины «нагрузка» и «зависимость от пожилого населения» уже в ближайшем будущем могут стать лишь элементами истории демографической науки.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект 20-010-00036 «Методология оценки рисков и возможностей адаптации к процессу демографического старения в субъектах Российской Федерации».

ЛИТЕРАТУРА

1. Lee R., Mason A. *Population aging, wealth, and economic growth: demographic dividends and public policy*. New York: WESS background paper, 2015. 35 p.
2. Реэр Д. Экономические и социальные последствия демографического перехода: пер. с англ. // Демографическое обозрение. 2014. № 4. URL: <http://demreview.hse.ru/2014--4/150230090.html>
3. Barro R., Sala-i-Martin X. *Economic Growth and Convergence across the United States*. NBER Working Papers 3419, 1990. Available at: <https://ideas.repec.org/p/nbr/nberwo/3419.html>
4. Hagemann R., Nicoletti G. *Ageing Populations Economic Effects and Implications for Public Finance*. OECD Working Papers. New York, 1988. 88 p.
5. Meltem I. Economic and Social Consequences of Population Aging the Dilemmas and Opportunities in the Twenty-First Century. *Applied Research in Quality of Life*, 2015, vol. 10, pp. 735–752.
6. Orlicka E. Impact of population ageing and elderly poverty on macroeconomic aggregates. *Procedia Economics and Finance*, 2015, vol. 30, pp. 598–605.
7. Alper F., Alrep A., Ucan O. The Economic Impacts of Aging Societies. *International Journal of Economics and Financial Issues*, 2016, vol. 3, pp. 1225–1235.
8. Kaplan M., Inguanzo M. The Social, Economic, and Public Health Consequences of Global Population Aging: Implications for Social Work Practice and Public Policy. *Journal of Social Work in the Global Community*, 2017, vol. 1, pp. 1–12.
9. Nerlich C., Schroth J. The economic impact of population ageing and pension reforms. *Economic Bulletin Articles, European Central Bank*, 2018, vol. 2. URL: <https://ideas.repec.org/a/ecb/ecbart/201800022.html>

10. Bloom D., Canning D., Mansfield R., Moore M. *Demographic Change, Social Security Systems, and Savings*. National Bureau of Economic Research, 2006. 22 p.
11. Bloom D., Canning D., Fink G., Jocelyn E. Fertility, Female Labor Force Participation, and the Demographic Dividend. *Journal of Economic Growth*, 2009, vol. 14, pp. 79–101.
12. Prskawetz A., Bloom D., Lutz W. Population aging, human capital accumulation, and productivity growth. *Population and Development Review*, 2008, vol. 33, pp. 125–145.
13. Ballod C. *Grundriss der Statistik; enthaltend Bevölkerungs-, Wirtschafts-, Finanz- und Handels-Statistik*. Berlin: J. Guttentag, 1913. 348 p.
14. Günther E. Der Geburtenrückgang als Ursache der Arbeitslosigkeit? Untersuchung einiger Zusammenhänge zwischen Wirtschaft und Bevölkerungsbewegun. *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, 1931, vol. 79 (134), pp. 921–973.
15. Notestein F. *The future population of Europe and the Soviet Union. Population projections, 1940–1970*. Geneva: League of Nations, 1944. 315 p.
16. Sanderson W., Scherbov S. Average remaining lifetimes can increase as human populations age. *Nature*, 2005, vol. 435 (7043), pp. 811–813.
17. Sanderson W., Scherbov S. Remeasuring Aging. *Science*, 2010, vol. 329, pp. 1287–1288.
18. Sanderson W., Scherbov S. The Characteristics Approach to the Measurement of Population Aging. *Population and Development Review*, 2013, vol. 39, pp. 673–685.
19. Mason A., Lee M., Abrigo M., Lee S. *Support Ratios and Demographic Dividends: Estimates for the World*. New York, Population Division, United Nations, 2017. 52 p.
20. Lee R., Mason A. *Population aging and generational economics: key findings. Population Aging and the Generational Economy*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2011, pp. 3–31.
21. Барсуков В.Н., Калачикова О.Н. Эволюция демографического и социального конструирования возраста «старости» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 34–55. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.2
22. Россет Э. Процесс старения населения. М.: Статистика, 1968. 508 с.
23. Сови А. Общая теория населения. Т. 2: Жизнь населения / пер. с франц. Ф.Р. Окуновой. М.: Прогресс, 1977. 520 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виталий Николаевич Барсуков – научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: lastchaos12@mail.ru

Barsukov V.N.

METHODOLOGICAL FEATURES OF MEASURING POPULATION AGEING EFFECTS IN THE INTER-COUNTRY COMPARISON

Population aging is a multifaceted phenomenon affecting all spheres of public life in the “aging” states. This phenomenon is no longer considered as a particular problem, but rather acquires the status of a civilizational challenge, a transition to a new state of not only demographic, but also social structure. Adaptation to these conditions is possible only if there is reliable and relevant information about the mechanisms of the population aging consequences formation and the sce-

narios of potential changes in their scale. The aim of this work is a comparative critical analysis of the approaches to measuring the effects of demographic aging at the global level and in the inter-country comparison. The author of the study presents three main approaches to the measurement of dependency ratios on the elderly population (DREP): traditional, prospective and economic, and highlights their strengths and weaknesses. The main limitation (to a different extent for each of the approaches) is the inability to universalize the criteria for determining dependency ratios due to the difference in social constructs for determining unproductive ages in each certain select country of the world. This assumption affects the accuracy of estimates in the context of international comparisons. The most accurate estimates concerning the scale of the population ageing effects can be obtained only at the level of a specific “aging” state, taking into account all the legal and institutional features of its economy and labor market. Nevertheless, taking into account the global nature and irreversibility of the phenomenon under study, international comparisons provide us with quite extensive information about the direction vectors of the population aging process and its consequences. In particular, the data from DREP calculations in the prospective, traditional and economic projections allow us to speak about the probability of three scenarios of events (positive, inertial and negative). The advent of each of them directly depends on the effectiveness of the policy to realize the resource potential of the “aging societies” and state policy to regulate socio-economic development in the context of population aging.

Population aging, population aging effects, dependency ratio.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vitaly N. Barsukov – Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: lastchaos12@mail.ru

DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.10
 УДК 316.658 | ББК 60.5(2Рос-4Вол)

© Смолева Е.О.

СЧАСТЬЕ И ДЕНЬГИ: МАТЕРИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ



ЕЛЕНА ОЛЕГОВНА СМОЛЕВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
 Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
 E-mail: riolenas@ramber.ru

ORCID: [0000-0002-6452-1441](https://orcid.org/0000-0002-6452-1441); ResearcherID: [I-8343-2016](https://orcid.org/1-8343-2016)

В статье представлены результаты социологического исследования субъективного благополучия населения в разрезе межстрановых, межрегиональных сравнений, а также изучения субъективного благополучия населения отдельно взятого региона на примере Вологодской области. Противоречивость данных об уровне субъективного благополучия и его связях с материальным положением, резкая динамика данных обуславливают актуальность исследований счастья и удовлетворенности жизнью населения, в т. ч. и на региональном уровне. Целью работы является рассмотрение взаимосвязей между субъективными оценками благополучия и экономическими показателями. Методическая основа исследования – массовые социологические опросы населения, организованные международными исследовательскими организациями, а также ФГБУН ВолНЦ РАН на территории Вологодской области. В работе обобщены данные о месте России в международных рейтингах благополучия в зависимости от макроэкономических показателей. Представлены данные о зависимости счастья от отдельных социально-структурных показателей (возраста, типа населенного пункта, региона, социального статуса в виде уровня дохода), при этом не выявлено прямой связи между уровнем субъективного благополучия и экономическими макропоказателями (ВВП и ВРП на душу населения). На уровне Российской Федерации обобщены данные о доходах, которые необходимы для «нормальной» и «роскошной» жизни и связаны с представлениями россиян о счастье и благополучии. Жители Вологодской области придают большое значение материальному положению, но многие из них считают, что его уровень недостаточен для удовлетворенности материально-финансовой стороной жизни. Проведенные исследования подтверждают наличие не линейной, а более сложной взаимосвязи между уровнем среднедушевого дохода и уровнем счастья. С помощью методов математической статистики определена функция, описывающая зависимость индекса счастья от доходов.

Для цитирования: Смолева Е.О. Счастье и деньги: материальные аспекты субъективного благополучия // Проблемы развития территории. 2020. № 3 (107). С. 144–166. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.10

For citation: Smoleva E.O. Happiness and money: material aspects of subjective well-being. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 3 (107), pp. 144–166. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.10

Зафиксированы эффекты адаптации и насыщения, когда удовлетворенность жизнью сходится к некоторому постоянному значению – порогу насыщения, высказано предположение о наличии аскетических установок достижения счастья населением региона, относящим себя к категории «бедных и нищих».

Субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью, счастье, материальное благополучие, парадокс Истерлина.

В эпоху глобальной конкуренции, когда происходят значительные перемены в общественном и индивидуальном сознании, связанные с серьезной переоценкой ценностей, показатели устойчивого экономического развития стран и регионов уже давно не являются единственными точками отсчета, по которым определяют качество жизни населения. Качество жизни – это «объективно-субъективная характеристика условий существования человека, которая зависит от развития потребностей самого человека и его субъективных представлений и оценок своей жизни» [1, с. 33]. Поэтому наряду с «объективным» подходом к понятию качества жизни, основанным на использовании статистических показателей, широкое распространение получает «субъективный» подход, делающий акценты на субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью, а также на субъективные ощущения счастья или несчастья.

Субъективное благополучие и парадокс Истерлина

«Субъективное благополучие» (subjective well-being) отражает личное восприятие человеком своего состояния и складывается из трех частей: «аффекта (совокупности чувств и настроений человека), счастья и удовлетворенности жизнью» [2, с. 388]. Удовлетворенность жизнью рассматривается как когнитивный компонент субъективного благополучия, не смешивающийся с аффективными компонентами, и определяется как глобальная оценка реальной жизни через призму субъективных стандартов «хорошей жизни», которые конструируются человеком самостоятельно или усваиваются в готовом виде из социального окружения. Общий уровень удовлетворенности в каждый конкретный момент времени сви-

детельствует о степени расхождения между жизненной реальностью и личными стандартами «хорошей жизни».

Другим индикатором субъективного благополучия выступает счастье как постоянная, полная и обоснованная удовлетворенность своей жизнью, ее условиями, раскрытием человеческих возможностей [3, с. 49–71]. Оно делится на эпизодическое и атрибутивное, при этом измерению поддается чаще всего именно первое, крайне зависимое от времени и событийных колебаний. Удовлетворенность жизнью и оценка людьми того, насколько они счастливы, хотя и тесно связаны друг с другом, но не являются идентичными понятиями: коэффициент корреляции удовлетворенности жизнью и уровня счастья не превышает 0,5–0,6 [4].

С точки зрения А.А. Кроника, можно выделить четыре способа, которые используют люди для обретения счастья, и четыре вида соответствующих им установок: гедонистические, аскетические, деятельные, созерцательные. Установки являются следствием восприятия человеком важности и достижимости его целей, удовлетворения потребностей. Так, гедонистические установки связаны со стремлением человека к полностью удовлетворяющим его потребности объектам. Аскетизм обусловлен действием принципа минимизации потребностей в случае осознания невозможности удовлетворить их в полном объеме. Труднодостижимость жизненных целей заставляет включаться механизмы защиты психики, направленные на упрощение целей. Именно действие этих психических механизмов определяет удовлетворенность человека собственной жизнью даже в том случае, когда объективные характеристики (низкий социальный статус, трудности материального характера, отсутствие карьерного роста и т. д.) говорят об об-

ратном [5]. Однако некоторые ученые именно вследствие того, что люди могут быть счастливы не потому, что они хорошо живут, а потому, что имеют низкие уровни ожидания, считают недостаточным использовать только субъективные показатели благополучия в сравнительных исследованиях [6].

Наибольшие дискуссии вызывает вопрос зависимости уровня счастья от денег вследствие противоречивости полученных различными учеными результатов [7]. Влияние денег/дохода на переживание чувства удовлетворенности жизнью и счастье попало в поле зрения американских исследователей в 70-е гг. XX века. Научная группа под руководством Ричарда Истерлина обнаружила, что доходы американцев за рассматриваемый период существенно выросли, а доля счастливых людей практически не изменилась. Истерлин определил, что существует эффект насыщения: люди, преодолевшие уровень доходов, при котором удовлетворены все основные потребности, не ощущают роста удовлетворенности жизнью с ростом дохода [8]. Эти исследования вызвали широкий резонанс в научных кругах, поскольку выводы ученых поставили под сомнение традиционное стремление общества к увеличению потребления в виде достижения роста реального ВВП на душу населения.

При изучении парадокса Истерлина ученые обратили внимание на продолжительность временного периода, в рамках которого реализуются поиски связи между доходом и уровнем счастья или удовлетворенности жизнью. Так, в более ранних исследованиях [9, с. 1–22] показана положительная связь роста дохода и уровня удовлетворенности жизнью в краткосрочном периоде. Но в долгосрочном периоде получен обратный результат: уровень счастья во многих странах сохраняет практически постоянную величину на протяжении нескольких десятилетий, несмотря на значительный экономический рост. В 1950–1970 гг. и в Японии, и в США зафиксирован рост ВВП на душу населения, однако это не обусловило роста всеобщего счастья населения страны [2, с. 387].

Последователи Истерлина выявили, что с ростом ВВП на душу населения сокращается неравенство в уровне счастья, т. е. средний уровень счастья не изменяется, а дисперсия уровня счастья внутри развитых стран снижается [10; 11]. Кроме того, постоянный доход и богатство являются лучшими показателями удовлетворенности жизнью, чем текущий доход, так как позволяют человеку быть готовым к чрезвычайным ситуациям и иметь страховку на случай «отрицательных шоков дохода», вызванных, например, потерями из-за болезни или других рисков [12]. Проведенные исследования подтверждают наличие не линейной, а более сложной взаимосвязи между уровнем дохода и уровнем счастья. Выделяют два эффекта, объясняющие причины отсутствия линейной зависимости уровня счастья от дохода: сравнения и адаптации. Согласно эффекту сравнения индивиды сравнивают свой доход с доходом кого-то знакомого, имеющего более высокий уровень благосостояния. Так, в работе Майкла МакБрайда сделан вывод о том, что доход влияет на удовлетворенность жизнью опосредованно через ожидания индивида и ситуации социального сравнения [13]. Завышенные ожидания относительно дохода и сравнение своего дохода с более высокими доходами других негативно влияют на удовлетворенность жизнью, в то время как текущий размер дохода сам по себе не оказывает такого влияния. Согласно теории адаптации люди оценивают свое благополучие относительно того уровня жизни, к которому они привыкли: если уровень жизни становится выше прежнего, то человек испытывает возрастание удовлетворенности. По мере привыкания к новому уровню переживание удовлетворенности актуальной жизненной ситуацией снижается [14, с. 41–89]. Точка насыщения в случае эффекта адаптации – уровень дохода, после которого прирост вероятности удовлетворенности жизнью замедляется – составляет в среднем 26–33 тыс. долл. для всех стран мира, 30–33 тыс. долл. – для стран Евророзны [2, с. 387]. Тестирование на российских данных основных причин парадокса – адапта-

ции к изменениям в доходах и эффекта социального сравнения – позволило сделать вывод о существовании лишь краткосрочной связи между реальным доходом и удовлетворенностью материальным положением, несмотря на их похожую положительную динамику за последние 20 лет. Это свидетельствует о преобладании в российском обществе эффекта адаптации [15].

Но получены и противоположные данные. Стивенсон и Вулферс определили практически линейную зависимость между счастьем и логарифмом дохода, которая наблюдается в развитых, развивающихся странах и в странах с переходной экономикой [16], а Инглхарт с коллегами не подтвердили парадокс Истерлина для межстрановых сравнений, а пришли к выводу об отсутствии эффекта насыщения [17; 18].

В мировой науке продолжает нарастать число исследований субъективного благополучия и его связей с материальным благополучием, в большинстве из которых последнее фигурирует в виде удовлетворения потребностей в экономических ресурсах или наличия дохода, с помощью которого люди могут удовлетворить свои предпочтения [19–21].

Методики измерения и построения индексов благополучия

Однако в прикладных исследованиях субъективного благополучия ученые сталкиваются с рядом проблем методологического характера. Основная проблема субъективного подхода заключается в неопределенности предмета оценки, сравнимости показателей уровня счастья или удовлетворенности жизнью разных людей, т. е. уровень счастья и удовлетворенности жизнью во многом определяется ожиданиями каждого конкретного человека и стандартами, принятыми в той социальной среде, с которой он себя ассоциирует. Предмет исследования – субъективное благополучие – подвержен влияниям различной этиологии (например, настроению). В методическом плане вопросы об общей удовлетворенности жизнью или

ощущении счастья чувствительны к структуре анкеты, формулировкам вопросов, форматам ответа.

Наиболее широко в социологических исследованиях для измерения субъективного благополучия используются Шкала удовлетворенности жизнью (SWLS [22]) и Оксфордский опросник счастья (Oxford Happiness Inventory [23, с. 189–203]). Однопунктные шкалы основаны на допущении, что концепция субъективного благополучия близка к ответу на «глобальный» вопрос о счастье или удовлетворенности [24]. В опросе Gallup International используется «Лестница Кантрила» («The Cantril Self-Anchoring Scale»), которая представляет собой 10-балльную шкалу самооценки. Вершина лестницы определяется как «наилучшая возможная жизнь», а нижняя ступень – как «наихудшая». Испытуемые должны отметить, на какой ступени ощущают себя в данный момент и на какой ступени предполагают увидеть себя через пять лет [25]. К недостаткам однопунктных шкал следует отнести очевидность для респондента предмета исследования [7, с. 28], когда на его ответ могут повлиять некоторые индивидуальные предубеждения.

Другой подход заключается в построении индекса благополучия или индекса счастья. Индекс может иметь одномерное (индекс счастья ВЦИОМ) или многомерное (The Happy Planet Index, OECD's Better life index и др.) строение, может быть определен как на основе данных, полученных в результате опросов населения, так и носить композитный характер, т. е. сочетать объективные и субъективные показатели (табл. 1). Кроме того, существуют примеры построения композитного индекса со взвешенными компонентами благополучия (OECD's Better Life Index), когда сами пользователи определяют важность для себя различных компонент благополучия, что в конечном итоге усиливает субъективность общей оценки [21].

Сравнение индексов счастья и удовлетворенности жизнью, измеренных разными исследовательскими группами, затруднительно из-за использования шкал различно-

Таблица 1. Методики измерения и построения индексов благополучия

Наименование	Методика
Одномерные шкалы счастья и удовлетворенности жизнью	
Всемирное исследование ценностей (World Values Survey)	Вопросы: «Насколько Вы счастливы?» (4-балльная шкала); «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?» (10-балльная шкала)
Европейское исследование ценностей (European Values Study)	Вопросы: «Насколько Вы счастливы?» (4-балльная шкала); «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?» (10-балльная шкала)
Европейское социальное исследование (European Social Survey)	Вопросы: «Насколько Вы счастливы?» (11-балльная шкала); «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?» (11-балльная шкала)
Евробарометр (Eurobarometer)	Вопрос: «В общем и целом вы: очень удовлетворены, частично удовлетворены, не очень удовлетворены или совсем не удовлетворены вашей текущей жизнью?»
Gallup International	Вопрос «Лестница жизни»: «Представьте себе лестницу, где 0 означает худшую из возможных жизнь, а 10 означает лучшую из возможных жизнь. На какой ступеньке между 0 и 10 вы сейчас находитесь?»
Многомерные индексы благополучия	
Индекс процветания Легатиум института (Legatum Prosperity Index)	Индекс процветания – общий индекс общественного благосостояния, включающий измерения показателей различных аспектов жизни общества, состоит из 8 субиндексов. База носит компилятивный характер. Источники данных, использованные для создания индекса: Gallup World Poll, WTO, World Development Indicators, GDP, World Intellectual Property Organization, UN Human Development Report, World Bank, OECD, World Values Survey. Адрес: http://www.prosperity.com
Индекс лучшей жизни ОЭСР (OECD's Better life index)	Индекс – показатель благосостояния по 11 субиндексам: материальных условий жизнедеятельности (жилищные условия, доход, работа) и качества жизни людей (социальная интеграция, образование, экология, государство, здравоохранение, удовлетворенность жизнью, безопасность и баланс между работой и личной жизнью). Источники данных, использованные для создания индекса: Gallup World Poll, EU-SILC, базы данных ОЭСР (stats.oecd.org). Адрес: http://www.oecdbetterlifeindex.org
Всемирный индекс счастья (The Happy Planet Index)	Индекс основан на трех базовых показателях: субъективное благополучие; ожидаемая продолжительность жизни; экологическая нагрузка / экологический след. Источники данных, использованных для создания индекса: Gallup World Poll, UNDP Human Development Report, Edition of the Global Footprint Networks National Footprint accounts. Адрес: http://happyplanetindex.org
Всемирный отчет о счастье (World Happiness Report)	Комплексный индекс, включающий 9 субиндексов. База носит компилятивный характер. Источники данных: Gallup World Poll (6 вопросов), World Development Indicators (WDI), World Health Organization's (WHO), World Bank. Адрес: https://worldhappiness.report/ed
Глобальный индекс благополучия (Gallup-Healthways Global Well-Being Index)	Глобальный индекс благополучия включает пять субиндексов: успех, социальное, финансовое, физическое и общественное благополучие. В основе каждого субиндекса лежат два показателя, которые измеряются по 5-балльной шкале, где оценка 1 соответствует ответу «категорически не согласен», а оценка 5 – «полностью согласен». Адрес: https://www.gallup.com
Источник: составлено автором.	

го типа. Резкая динамика данных приводит к выводу об актуальности изучения субъективного благополучия населения в отдельной стране, а также на региональном уровне.

Целью работы является исследование взаимосвязей между субъективными оцен-

ками благополучия (счастья и удовлетворенности жизнью) и показателями экономического благополучия. Счастье отражает оценку социальной стороны жизни людей (наиболее тесно данный показатель счастья связан с семейной жизнью, социальными

связями и т. п.), а удовлетворенность жизнью – интегральный показатель оценки внешней стороны жизни людей (положение в социальной структуре, материальное положение, другие факторы достижений). Исходя из такого подхода, именно удовлетворенность жизнью в наибольшей степени зависит от социетальных условий и изменений в политической, экономической и социальной сферах жизни страны. Однако, по данным опросов общественного мнения, материальное благополучие занимает стабильно высокие места в рейтинге предположений счастливой жизни россиян. Поэтому мы выбрали оба показателя – счастье и удовлетворенность жизнью – для дальнейшего анализа. В качестве макропоказателей мы используем ВВП (ВРП) на душу населения, а микропоказателей – уровень доходов населения. В соответствии с логикой изложения материала сначала сравнение будет проведено на межстрановом и внутрироссийском (по экономическим районам) уровнях. Здесь мы будем опираться на экономические макропоказатели, а также посмотрим, как работают многомерные и одномерные индексы субъективного благополучия. Далее мы перейдем к рассмотрению влияния на благополучие субъективных оценок (восприятия материального положения и его динамики). Информационной базой будут служить данные общероссийских и региональных опросов общественного мнения.

Методическая основа исследования – массовые социологические опросы населения, организованные международными исследовательскими организациями, а также ФГБУН ВолНЦ РАН на территории Вологодской области.

Эмпирическая база работы:

– «Сбережения и доход: сколько денег нужно для счастья?», Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), опрошено 1600 респондентов в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России, октябрь 2017 года;

– Индекс счастья, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ),

опрашивается 1600 респондентов, с 15.01.2017 представлены данные на основании опросов «ВЦИОМ-СПУТНИК» – ежедневного всероссийского телефонного опроса ВЦИОМ, 1990–2019 гг.;

– «О бедных, богатых и разнице в доходах», еженедельный опрос «ФОМнибус», опрошено 1500 респондентов в 53 субъектах РФ, 104 населенных пунктах, октябрь 2017 года;

– «Цена роскошной жизни», РОМИР, в опросе приняли участие 1500 респондентов в возрасте от 18 до 60 лет и старше, проживающих во всех типах городов и в сельской местности, во всех федеральных округах. Выборка репрезентирует взрослое население России, июль 2019 года;

– «Gallup World Poll», Gallup Media, Gallup International, исследование показателей уровня жизни в разных странах. В нем приняли участие от 1000 до 2000 человек в каждой из 146 стран, методы: анкетирование, телефонный опрос, интервью (в развивающихся странах), 2012–2019 гг.;

– «Legatum prosperity index» («Индекс процветания»), Legatum Institute, в исследовании приняли участие по 1000 человек в каждой из 110 стран, метод: анкетирование, 2017 год;

– «OECD Better Live Index», Organisation for Economic Cooperation and Development, в исследовании приняли участие по 1000 человек в каждой из 38 стран, метод: анкетирование, 2017 год;

– «The Happy Planet Index», New Economics Foundation; индекс рассчитывался на основании данных «Gallup World Poll», 2016 год;

– «World Happiness Report», The Earth institute Columbia University, 2018–2019 гг.;

– European Social Survey, 20 стран в 2018 году, на территории России проводит ЦЭССИ, размер выборки 2416 интервью.

В регионе опрос осуществлялся ФГБУН ВолНЦ РАН на репрезентативной общеобластной выборке. Объем выборочной совокупности составил 1500 респондентов в возрасте старше 18 лет. Репрезентативность социологической информации обеспечива-

лась использованием модели многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения на последней ступени. Районирование осуществлялось по избирательным округам – первая ступень выборки. Вторая ступень включала выделение таких типичных субъектов Вологодской области, как города Вологда и Череповец, Бабаевский, Великоустюгский, Вожегодский, Грязовецкий, Кирилловский, Никольский, Тарногский, Шекснинский районы. Третья ступень – территориальное районирование внутри выбранных субъектов. Четвертая ступень – непосредственный отбор респондентов по заданным квотам по полу и возрасту. Ошибка выборки не превышает 5%. При анализе уровня счастья населения в рамках областной базы данных переменная принимала значения от 0 до 10 (11 различных градаций).

Результаты исследования

Россия по индексам благополучия занимает места или в середине международных рейтингов (в World Happiness Report у России 65-е место из 156, в Legatum Prosperity Index – 74-е из 167; *рис. 1*), или в конце (19-е место в European Social Survey из 20 стран и 33-е место из 38 стран в OECD’s Better Life Index). По данным European Social Survey, жители России менее удовлетворены своей жизнью, чем большинство европейцев – 6,5 балла по

сравнению с 8,2 балла у жителей Финляндии, Швейцарии, 8,0 балла у жителей Норвегии и Нидерландов.

Наиболее часто соседями России по положению в различных рейтингах благополучия становятся или посткоммунистические страны, или развивающиеся страны Латинской Америки. Так, если графически сгруппировать государства по показателям удовлетворенности жизнью и ВВП на душу населения, то Россия занимает место, близкое к среднему значению по показателю удовлетворенности (5,6 балла при среднем 5,4 балла) и достаточно низкое место по показателю ВВП на душу населения (14079\$; данные The Happy Planet Index; *рис. 2*). Ближайшими соседями страны являются Беларусь, Бутан, Туркмения, Украина, Перу. По композитному индексу счастья Россия также находится в нижнем левом углу диаграммы (индекс 18,7 балла; *рис. 3*) вместе с Казахстаном, Эстонией, Латвией. По данным The Happy Planet Index, «удовлетворенные жизнью и богатые» – жители Швейцарии, Норвегии, Люксембурга, а «удовлетворенные жизнью, хоть и бедные» – жители Мексики, Венесуэлы, Бразилии, Панамы (см. *рис. 2*). Если в целом вести разговор о композитном индексе благополучия страны, то к «счастливым и богатым» относятся такие страны, как Норвегия и Бразилия, а к «счастливым и бедным» – Коста-Рика, Колумбия, Мексика, Панама (см. *рис. 3*).

European Social Survey

Болгария (20)	Россия (19)	Финляндия (1)	2018
---------------	-------------	---------------	------

Legatum Prosperity Index

Южный Судан (167)	Россия (74)	Дания (1)	2019
-------------------	-------------	-----------	------

OECD’s Better life index

ЮАР (38)	Россия (33)	Норвегия (1)	2017
----------	-------------	--------------	------

The Happy Planet Index

Чад (140)	Россия (116)	Коста-Рика (1)	2016
-----------	--------------	----------------	------

World Happiness Report

Южный Судан (156)	Россия (65)	Финляндия (1)	2019
-------------------	-------------	---------------	------

Рис. 1. Рейтинг России в международных исследованиях благополучия

Источник: международные базы данных. URL: <http://www.ess-ru.ru>; <http://www.prosperity.com>; <http://www.oecdbetterlifeindex.org>; <http://happyplanetindex.org>; <https://worldhappiness.report/ed>

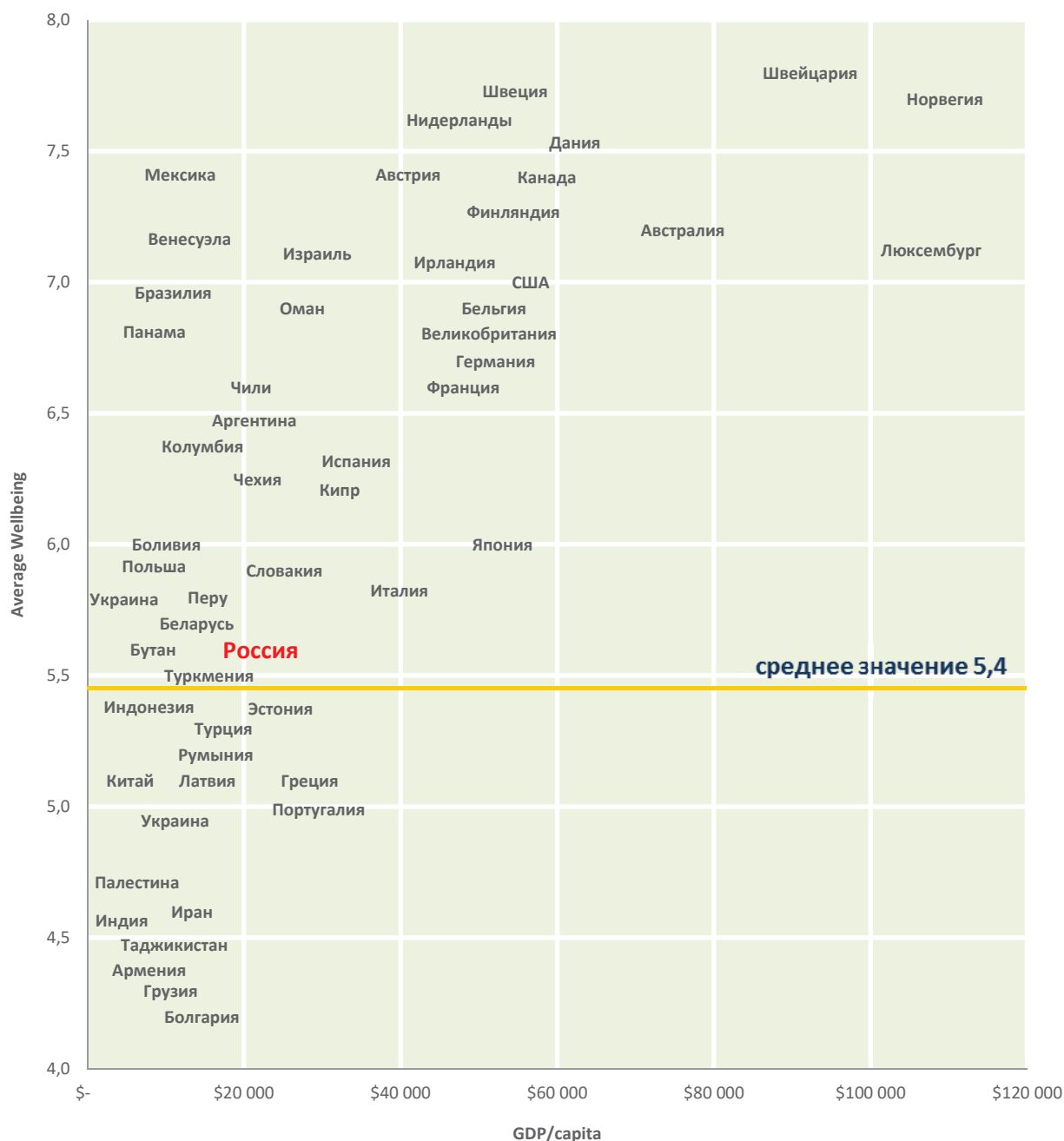


Рис. 2. Корреляция между удовлетворенностью жизнью и ВВП на душу населения, 2016 год
 Источник: The Happy Planet Index. URL: <http://happyplanetindex.org>

Влияет ли на обобщенные показатели счастливой жизни существующее в странах расслоение общества по причине экономического неравенства? Если построить диаграмму, на которой страны будут расположены в зависимости от показателя удовлетворенности жизнью населения и индекса Джини, то мы увидим, что прямой зависимости между данными показателя-

ми нет (рис. 4). Так, население может быть удовлетворено своей жизнью (Швеция – 7,6 балла, Норвегия – 7,7 балла) как при низких (Швеция – 27,3), так и при высоких значениях индекса Джини (Норвегия – 48,1). Россия с уровнем удовлетворенности жизнью в 5,6 балла и индексом Джини, равным 41,6, находится в окружении Бутана, Турции, Перу, Италии.

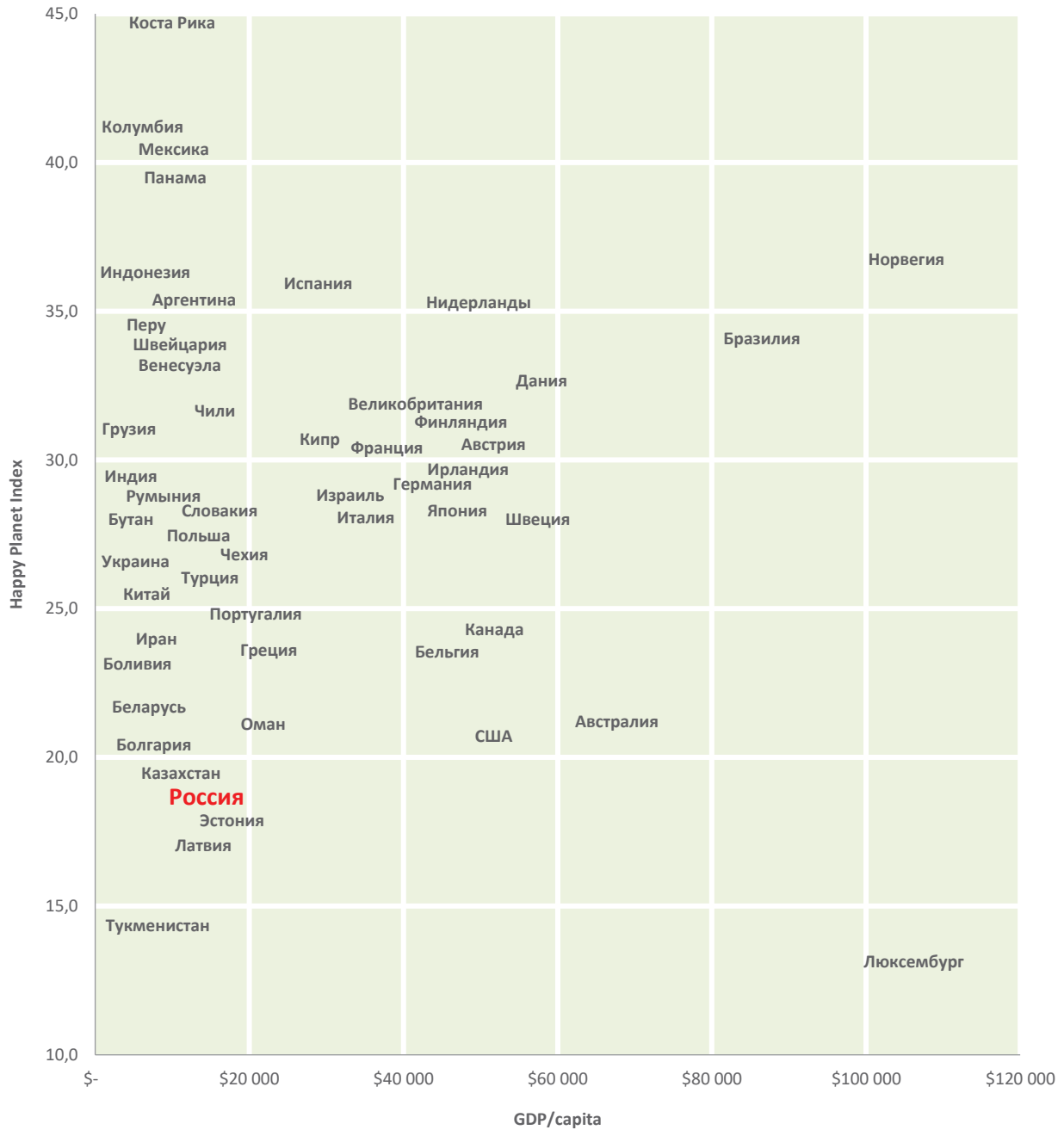


Рис. 3. Корреляция между индексом счастья и ВВП на душу населения, 2016 год

Источник: The Happy Planet Index. URL: <http://happyplanetindex.org>

По нашему мнению, одномерные индексы счастья или удовлетворенности жизнью имеют более четко воспринимаемую связь с макроэкономическими показателями.

Помимо объективных факторов, на динамику индекса счастья влияет субъективность ряда показателей, на основе которых строится индекс благополучия. По данным Gallup International за 2019

год, российский индекс счастья составил 24 п. п. против 50 п. п. в 2017 году. Аналогично низкий уровень индекса счастья был зафиксирован в России в 2013 году (рис. 5). По заключению исследовательского холдинга РОМИР, значительный рост индекса в 2014 году связан с событиями, произошедшими в стране в это время: проведение Олимпийских игр,

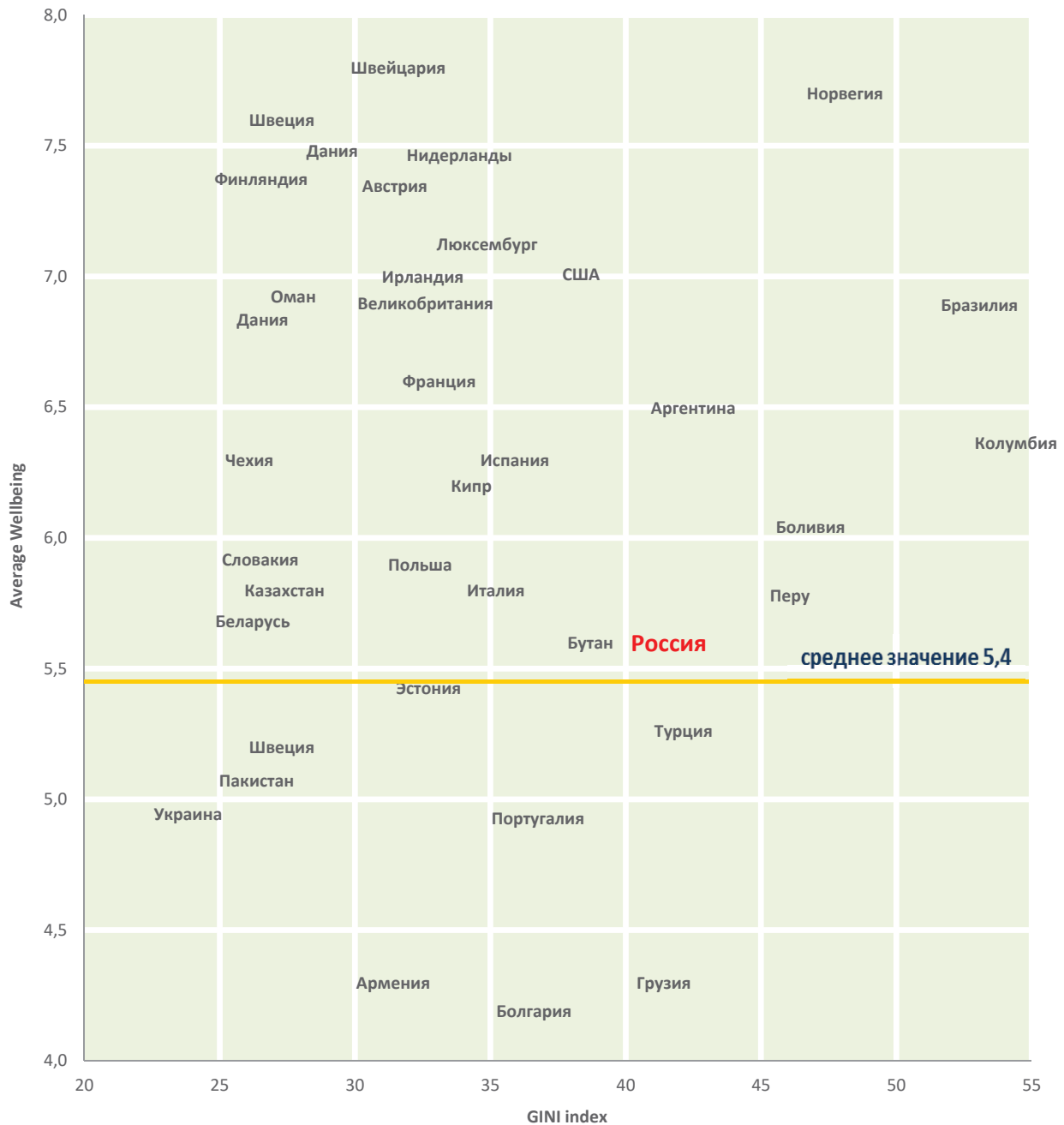


Рис. 4. Корреляция между удовлетворенностью жизнью и индексом Джини, 2016 год

Источник: The Happy Planet Index. URL: <http://happyplanetindex.org>

присоединение Республики Крым к территории Российской Федерации, общий подъем патриотизма.

Опросы общественного мнения, проводимые ВЦИОМ, показывают иную картину (рис. 6). В течение последних пяти лет доля счастливых россиян составляет более 80%, а индекс счастья – от 59 пунктов в ноябре 2014 года до 75 пунктов в апреле 2019 года.

Такое разночтение может свидетельствовать о методологических расхождениях и эпизодическом характере измеряемого «счастья».

Рассмотрим зависимость счастья от отдельных социально-структурных показателей, которые могут быть связаны с экономическими макро- и микропоказателями: возраста, типа населенного пункта, региона,

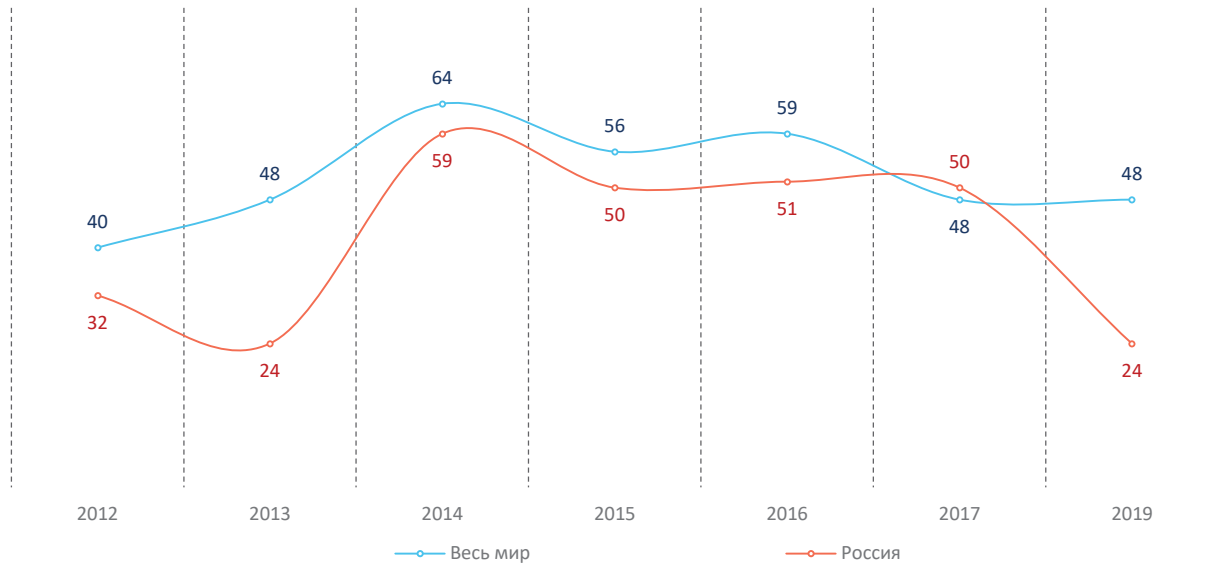


Рис. 5. Динамика индекса счастья в России и в мире

Источник: Gallup International. URL: <https://romir.ru/studies/romir-indeks-schastya-v-mire-i-rossii-prodoljajet-snijatsya>

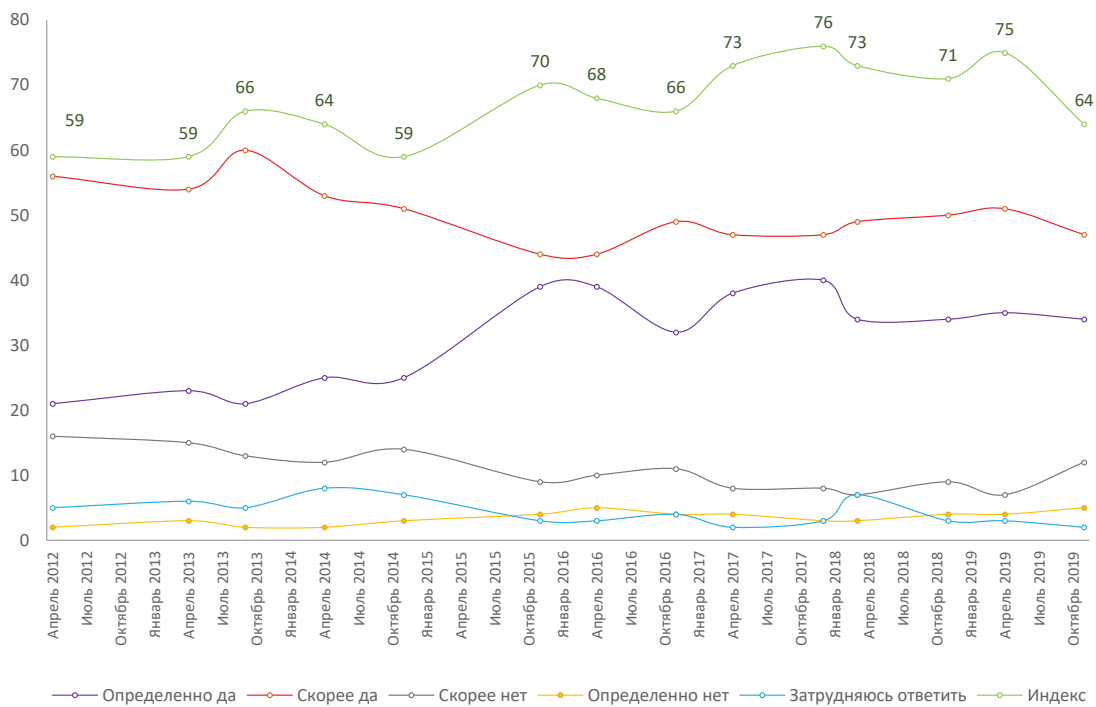


Рис. 6. Динамика индекса счастья в России

Источник: данные опросов ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru>

социального статуса в виде уровня дохода. Традиционно более счастливы молодые люди¹ [26; 27, с. 66–67].

По данным ESS за 2018 год, наиболее счастливы москвичи (7,0 балла по 11-балльной шкале, табл. 2), высокие показатели

ощущения счастья демонстрируют жители городов с населением от 50 до 250 тысяч человек (6,7 балла). Наименее счастливыми себя ощущают жители крупных городов с населением от 500 тысяч человек или сел (6,4 балла).

¹ Счастье есть! / ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116179>

Таблица 2. Данные об уровне счастья населения России в зависимости от размера населенного пункта, % от числа опрошенных

Показатель счастья	Размер населенного пункта									Всего
	1 млн и >	500–999 тыс.	250–499 тыс.	100–249 тыс.	50–99 тыс.	20–49 тыс.	город < 20 тыс.	село	Москва	
Очень несчастливы	0	0	1	5	3	5	3	12	0	29
1	1	4	1	1	3	3	2	6	0	21
2	2	7	5	2	4	3	2	11	2	38
3	15	18	13	9	11	7	7	35	8	123
4	23	14	17	16	19	18	9	52	3	171
5	59	49	37	28	39	45	40	143	15	455
6	59	27	24	16	28	26	25	83	26	314
7	76	60	47	25	46	31	46	85	22	438
8	42	45	43	26	41	25	30	82	32	366
9	14	21	19	15	23	15	17	52	15	191
Очень счастливы	18	16	17	21	31	28	9	76	15	231
Средний балл	6,36	6,38	6,55	6,67	6,73	6,54	6,51	6,44	7,0	6,45

Рассчитано по: данные Европейского социального исследования, 2018 год. URL: <http://www.ess-ru.ru>

Выявление связей между уровнем субъективного благополучия и типом населенного пункта затруднено из-за растущей дифференциации социально-экономического состояния городов. Так, значительно различаются объемы социальных выплат населению и налогооблагаемых денежных доходов жителей внутри групп городов, выделенных по признаку «количество населения», даже по одному федеральному округу:

– города-миллионеры: Санкт-Петербург – 502,9 тыс. руб.;

– крупные города: Архангельск – 372,4; Вологда – 364,7; Петрозаводск – 293,1; Мурманск – 474,5 тыс. руб.;

– большие города: Северодвинск – 468,1; Сыктывкар – 330,1; Псков – 235,7 тыс. руб.;

– средние города: Котлас – 211,6; Воркута – 419,7 тыс. руб.;

– малые города: Нарьян-Мар – 727,1; Новодвинск – 279,5 тыс. руб.

Если брать данные по экономическим районам, то наиболее счастливы жители Урала (7,0 балла, табл. 3) и Волго-Вятского района (6,8 балла). Немного ниже показатели по Центральному району (6,7 балла), Поволжью (6,6 балла) и Дальнему Востоку (6,5 балла). Реже всего счастливые люди

встречаются в Центрально-Черноземном (6,0 балла), Северном и Северо-Западном (6,1 балла) экономических районах. Как мы видим из табл. 3, не существует прямой зависимости между счастьем населения экономических районов России и ВРП. Только для Урала соблюдается закономерность: максимальному среднему баллу счастья (7,0 балла) соответствует высокий ВРП на душу населения (650 тыс. руб.).

У россиян благополучие ассоциируется прежде всего с материальной составляющей. Считают, что «благополучная жизнь – это материальный достаток и отсутствие нужды», более половины жителей страны (54%), 50% мужчин и 58% женщин, однако на важность финансовой стороны не влияет возрастной фактор: 53–55% в различных возрастных группах. А вот от уровня достатка частота выбора данного варианта ответа зависит напрямую: чаще всех о материальной стороне благополучия говорят наиболее бедные, те, кому не хватает денег на одежду и обувь (61%), и наоборот, реже – те респонденты, которые могут позволить себе приобрести автомобиль (43%). Реже других соединяют благополучие и достаток москвичи (42%), чаще – жители крупных городов с на-

Таблица 3. Данные об уровне счастья населения различных экономических районов России, % от числа опрошенных

Показатель счастья	Экономический район										Всего
	Север и Северо-Запад	Центральный	Волго-Вятский	Центрально-Черноземный	Поволжье	Северный Кавказ	Урал	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	Дальний Восток	
Очень несчастливы	2	5	2	6	1	5	2	3	2	1	29
1	4	4	1	1	3	2	1	4	0	1	21
2	4	7	3	0	4	8	2	3	6	1	38
3	16	17	3	12	12	24	14	13	7	5	123
4	18	29	7	10	18	33	16	14	19	7	171
5	41	81	35	27	46	64	53	53	35	20	455
6	38	69	22	11	34	44	42	25	12	17	314
7	44	98	27	15	51	62	62	44	15	20	438
8	25	84	26	9	50	45	54	36	21	16	366
9	16	37	20	3	21	29	31	13	11	10	191
Очень счастливы	12	49	17	11	19	34	53	15	14	7	231
Средний балл	6,13	6,70	6,81	5,98	6,55	6,38	7,02	6,29	6,20	6,50	6,45
ВРП на душу населения, тыс. руб.	606,3	727,5	306,2	394,3	381,9	266,3	649,7	497,5	543,2	644,4	510,3

Рассчитано по: данные Европейского социального исследования, 2018 год. URL: <http://www.ess-ru.ru>; Регионы России. Социально-экономические показатели / Росстат. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13204>

селением от 250 тыс. до 1 млн человек (60%) и городов-миллионеров (58%)². Если для счастливой жизни россиянам важны здоровье – свое и близких (21% респондентов), семья (32%), дети и внуки (19%)³, то для благополучной жизни эти аспекты менее значимы (соответственно 14% – здоровье и 10% – семья)⁴.

Н.Е. Тихонова не выявила статистически достоверную связь между уровнем дохода и удовлетворенностью жизнью, т. е. те группы населения, которые оценивают свое материальное положение как плохое, довольно часто считают свою жизнь удовлетворительной [28, с. 21–22].

По данным других исследований, проведенных в России, связь уровня дохода и

уровня удовлетворенности жизнью не только существует, но и довольно сильна. В работе Н. Андреевской отмечено почти двукратное (по 11-балльной шкале средние 3,76 и 6,82 соответственно) различие в уровне удовлетворенности между людьми с самым низким и самым высоким доходом [29]. Среди самых бедных в России доля неудовлетворенных жизнью составляет более половины (58%), среди людей со средним доходом их уже в два раза меньше, а среди людей с высоким доходом – менее 10%. Однако после достижения определенного уровня дохода его увеличение больше не приводит к соответствующему росту уровня удовлетворенности. В более поздних исследованиях автор делает вывод о наличии сильной свя-

² Инициатива ФОМ: изучение благополучия россиян. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14244>

³ Счастье есть! / ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116179>

⁴ Инициатива ФОМ: изучение благополучия россиян. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14244>

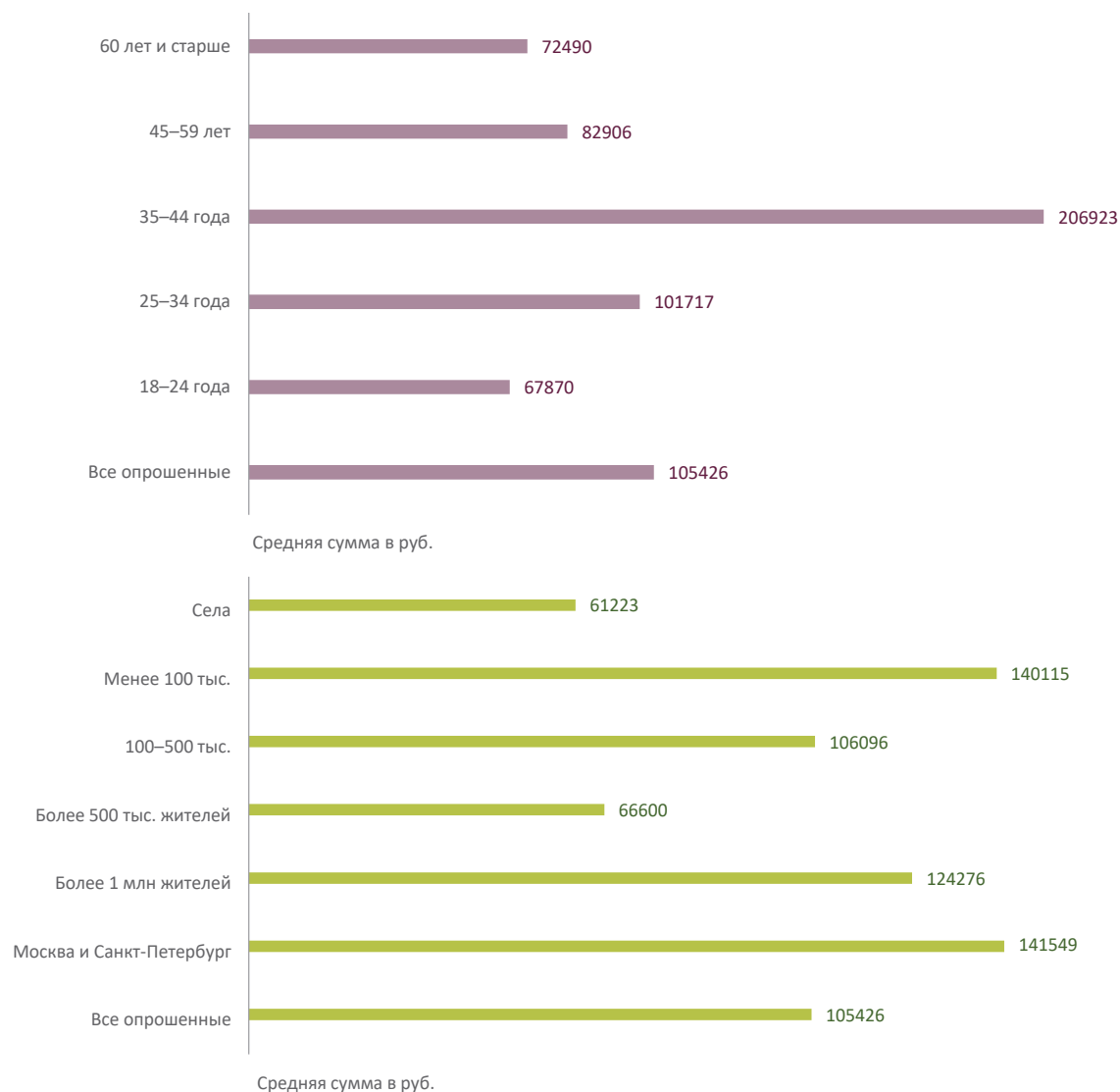


Рис. 7. Величина ежемесячного дохода, необходимая россиянам, чтобы чувствовать себя счастливыми, в зависимости от возраста и размера населенного пункта, средняя сумма в руб.

Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3591>

зи между субъективным расположением на социальной лестнице, доходом и удовлетворенностью жизнью [30, с. 73].

Работа Л.А. Родионовой также подтверждает тот факт, что уровень удовлетворенности жизнью чувствителен к колебаниям в уровне дохода. На основании данных российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ был сделан вывод о положительном влиянии дохода на уровень удовлетворенности в России, однако это влияние нелинейно, име-

ет место эффект адаптации. Уровень дохода, после которого прирост вероятности удовлетворенности жизнью замедляется, составил около 60 тыс. руб. [2, с. 392].

По данным ВЦИОМ за 2017 год⁵, в среднем россиянам необходимо иметь доход чуть более 100 тыс. руб. в месяц, чтобы чувствовать себя счастливыми, при этом жители Москвы и Санкт-Петербурга называют самые высокие цифры дохода (141549 руб. в месяц; рис. 7), а самые низкие – жители сел (61223 руб.) и городов с населением от 500

⁵ Ответы на открытый вопрос «А какой ежемесячный доход вам лично нужен, чтобы чувствовать себя счастливым?» (один ответ, средняя сумма в руб. по ответам тех, кто назвал определенное число). Источник: Сбережения и доход: сколько денег нужно для счастья? Аналитический обзор № 3475 от 25 сентября 2017 года / ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3591>

тыс. до 1 млн человек (66600 руб.). Строгой зависимости между величиной ежемесячного дохода и размером населенного пункта в данных ВЦИОМ не прослеживается.

Возрастная зависимость размера дохода носит пикообразный характер (см. рис. 7). Максимальные запросы к ежемесячному доходу мы наблюдаем в группе россиян в возрасте от 35 до 44 лет (206923 руб.), минимальные – среди молодежи (67870 руб.) и пенсионеров старше 60 лет (72490 руб.), что вполне объяснимо традиционно меньшими потребностями лиц старших возрастных групп и, вероятно, более смутными представлениями об уровне возможного дохода среди учащейся, т. е. не работающей на данный момент, молодежи.

По данным ESS, уровень счастья зависит от реального дохода россиян (рис. 8). Так, респонденты с годовым семейным доходом менее 144 тыс. руб. (или 12 тыс. руб. в месяц) имеют уровень счастья, равный 5,86 балла по 11-балльной шкале. С возрастанием величины годового дохода показатели счастья увеличиваются, о чем свидетельствует линия тренда в виде прямой, находящейся под острым углом к оси абсцисс. Показатель

уровня счастья достигает максимального значения в 7,29 балла при годовом семейном доходе свыше 960 тыс. руб. Мы не наблюдаем никакого эффекта насыщения или замедления роста показателя уровня счастья. Однако семейный годовой доход, являясь величиной абсолютной, не совсем подходит в качестве базы для сравнения.

Для сравнения можно воспользоваться или величиной среднедушевого дохода, или субъективными оценками дохода. Так, по данным ESS, прослеживается четкая линейная зависимость между субъективными оценками дохода и уровнем счастья (табл. 5). Максимальное значение – 7,5 балла по 11-балльной шкале – соответствует доходу, на который можно жить, не испытывая материальных затруднений. 78% респондентов с таким восприятием своего дохода в достаточной мере счастливы (выше 6 баллов по измерительной шкале). Также трое из четырех россиян, кому дохода в принципе хватает, заявляют, что большей частью счастливы: средний балл по группе составляет 7,0. Значительно ниже средний балл по группе россиян, которым трудно прожить на свои доходы, – всего 6,3 балла. Самые низкий

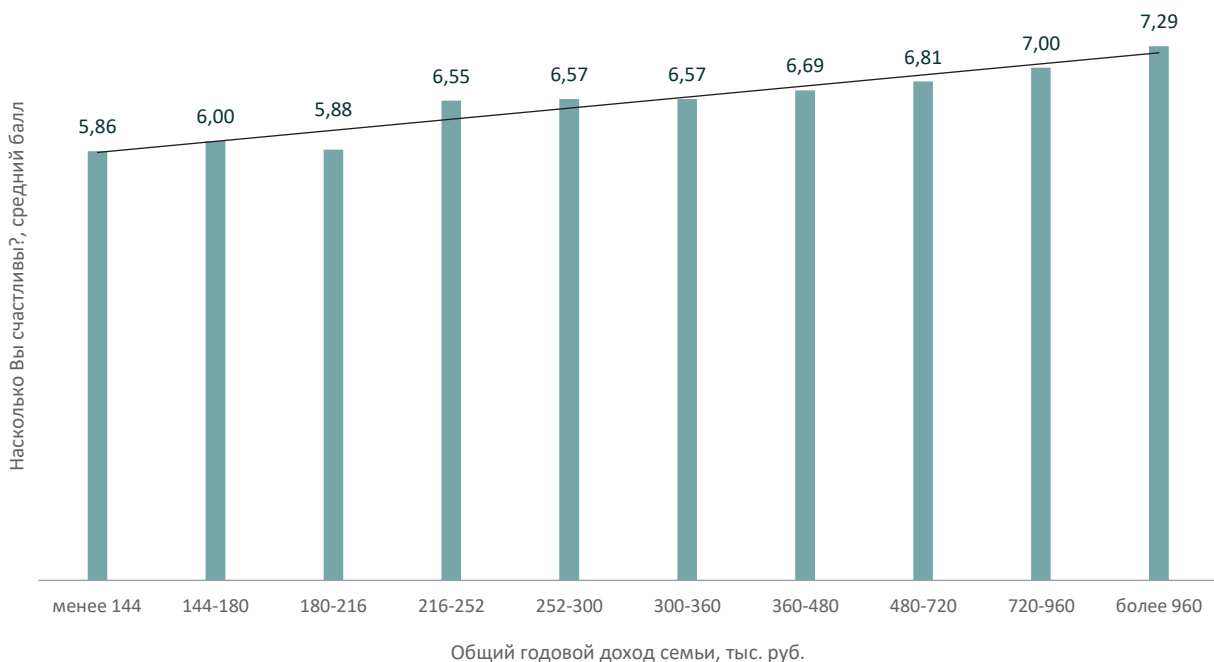


Рис. 8. Зависимость уровня счастья от семейного дохода россиян

Рассчитано по: данные Европейского социального исследования, 2018 год. URL: <http://www.ess-ru.ru>

Таблица 5. Зависимость счастья от субъективных оценок дохода россиян, % от числа опрошенных

Показатель счастья	Высказывание, наиболее точно описывающее уровень дохода семьи			
	живем на этот доход, не испытывая материальных затруднений	этого дохода нам в принципе хватает	жить на такой доход довольно трудно	жить на такой доход очень трудно
Очень несчастливы	1	6	5	16
1	0	2	8	10
2	0	4	19	15
3	4	23	49	45
4	4	50	70	42
5	23	136	203	87
6	10	122	122	54
7	27	175	173	57
8	30	156	149	25
9	15	80	68	26
Очень счастливы	31	99	59	39
Средний балл	7,5	7,0	6,3	5,8

Рассчитано по: данные Европейского социального исследования, 2018 год. URL: <http://www.ess-ru.ru>

уровень счастья в группе жителей России, которым очень трудно жить на свои доходы – только 5,8 балла, т. е. счастливы из них меньше половины (48%).

Представления россиян о денежной сумме, позволяющей иметь все желаемое, зависят от величины и субъективной оценки имеющегося на данный момент денежного дохода. Так, с увеличением ежемесячного личного дохода снижается доля тех, кто определяет эту сумму в размере 20000 руб. и менее, с 11% среди тех, у кого не было дохода, до 4% среди тех, чей доход составляет более 30000 руб. в месяц (табл. 6). При этом респонденты, имеющие реальный доход в размере от 8000 до 12000 руб., чаще других отмечают, что им бы хватило и 20000 руб. в месяц. Далее по этой группе представления о желаемом доходе возрастают до 30000–50000 руб. (об этом мечтает треть респондентов – 32%). Подобная картина может свидетельствовать о достаточно реалистичной оценке уровня желаемого дохода, опирающейся

на скромные потребительские практики. Аналогичное поведение характерно и для населения, чьи доходы составляют от 12000 до 20000 руб. С дальнейшим увеличением реальных ежемесячных доходов величина желаемого дохода также возрастает и составляет для большинства от 50000 до 100000 руб. Понимание субъективного благополучия значительно различается у лиц с разными притязаниями и самооценкой. Очевидно, чем выше уровень притязаний и меньше возможностей для их реализации, тем ниже индекс субъективного благополучия, и напротив, чем больше возможностей их реализации, тем выше индекс благополучия.

Если сравнить запросы на «нормальную» и «роскошную» жизнь, то в 2015 году для «нормальной жизни» россияне просили 68900 руб. в месяц, что в 14 раз меньше уровня доходов для «роскошной жизни». В 2019 году уровень «нормальной жизни» стал стоить 78000 руб. в месяц, для ведения «роскошной жизни» российской семье из

Таблица 6. Зависимость желаемого дохода от реального дохода и субъективных оценок материального положения россиян, % от числа опрошенных

	Население в целом	Ежемесячный доход (личный)							Материальное положение семьи				
		дохода не было	8000 руб. и менее	8001–12000 руб.	12001–20000 руб.	20001–30000 руб.	более 30000 руб.	отказ от ответа	денег не хватает на питание	на питание хватает, на одежду – нет	на одежду хватает, на крупную бытовую технику – нет	на бытовую технику хватает, на автомобиль – нет	на автомобиль хватает
Доли групп	100	10	9	17	28	16	14	6	10	26	35	18	10
20000 руб. и менее	10	11	14	17	10	5	4	6	17	12	8	7	8
20001–30000 руб.	14	10	14	22	20	8	2	7	16	19	13	9	11
30001–50000 руб.	27	27	27	32	35	22	8	19	25	32	28	23	12
50001–100000 руб.	30	35	30	19	23	40	44	32	28	25	32	32	38
100001–300000 руб.	13	10	8	8	6	18	30	23	9	7	12	22	21
Более 300000 руб.	6	7	7	2	5	6	11	12	4	4	7	7	10
Среднее, руб.	126412	114779	99228	65111	90108	142283	247715	212660	91607	103440	135907	139034	165447

Источник: опрос ФОМ. Люди и деньги. Как россияне относятся к деньгам. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/13815>

трех человек в месяц необходимо в среднем по России 965 тыс. руб.⁶

Население страны также оценило важность денег для удовлетворенности жизнью. По данным ФОМ⁷, наличие и количество денег важно для всех категорий населения независимо от их потребительских возможностей. Более половины респондентов, кому денег не хватает на питание (51%; рис. 9), отметили высокую важность денег. С увеличением потребительских возможностей их доля несколько снижается: до 32% у категории людей, кому хватает денег на покупку крупной бытовой техники, но не на автомобиль. Однако в целом выше среднего (от 7 до 10 баллов) оценивают значение денег в своей жизни более 2/3 респондентов вне зависимости от при-

надлежности к группам, различающимся по покупательской способности.

Мы согласны с мнением Р.М. Шамионова о том, что «стандарты» влияния денежного фактора на субъективное благополучие не могут быть автоматически перенесены на российскую модель хотя бы потому, что имеются различия в самих критериях, соотношении «бедных и богатых», а также ценностных ориентациях (менталитете россиян) [31, с. 96]. Сотрудники ФГБУН ВолНЦ РАН проводили исследования детерминант, влияющих на уровень счастья, в 2012, 2015 и частично 2019 гг., в том числе повышенное внимание уделялось ими фактору материального благополучия. Во всех трех исследованиях фиксировалась точка отчета в доходах жителей области в качестве порога, за которым

⁶ Цена роскошной жизни / ПОМИР. URL: <https://romir.ru/studies/cena-roskoshnoy-jizni>

⁷ Люди и деньги. Как россияне относятся к деньгам / ФОМ. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14333>

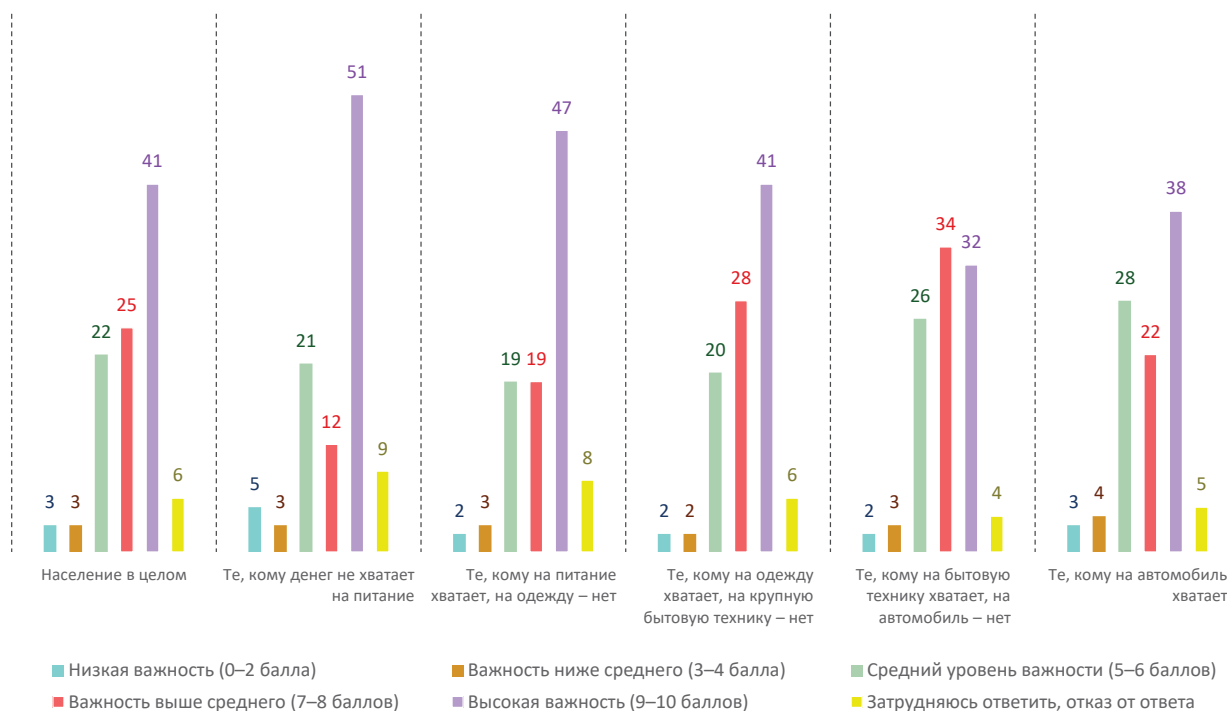


Рис. 9. Важность денег для благополучия россиян, % от числа опрошенных

Источник: опрос ФОМ. Люди и деньги. Как россияне относятся к деньгам. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14333>

фактор материального благополучия терял свою значимость. В 2012 году это значение составляло около 28 тыс. руб. [32]. В 2014–2015 гг. процессы ослабления рубля и роста инфляции должны были вывести эту цифру на уровень выше 40 тыс. руб., но, согласно данным опроса 2015 года, пороговое значение для населения региона остановилось в районе 21 тыс. руб. С помощью методов математической статистики нами была определена функция, описывающая зависимость индекса счастья от доходов населения в 2019 году. Из рассмотренных функций лучше всех аппроксимирует наши данные полиномиальная функция с максимальным коэффициентом достоверности $R^2 = 0,9846$. По графику уравнения аппроксимирующей кривой (рис. 10) видно, что снижение уровня счастья начинается при среднедушевом доходе более 25 тыс. руб. Согласно опросу ФГБУН ВолНИЦ РАН 2019 года, среднемесячный фактический доход на одного члена семьи у счастливых жителей области составил 16843 руб., у тех, кто чувствует себя менее позитивно, – 14381 руб.

Полученные результаты согласуются с данными статистики. Уровень среднедушевых денежных доходов в Вологодской области относительно невысок: как отмечает Вологдастат, на 2018 год он составлял 26982 руб.⁸

Субъективные оценки населением региона своего материального положения свидетельствуют о том, что уровень благосостояния оказывает существенное влияние на состояние счастья. Так, «счастливые» люди значительно реже, по сравнению с остальным населением, идентифицируют себя с «бедными» и «нищими» слоями населения (33% против 66 соответственно; табл. 7), более позитивно характеризуют свое материальное положение (15% против 7 соответственно), меньше обеспокоены проблемами экономического характера, обладают более высокой покупательной способностью доходов. Мы приходим к выводу о том, что фактор материального благосостояния не теряет свою значимость и материальный достаток оказывает влияние на уровень счастья в регионе.

⁸ Динамика среднедушевых денежных доходов населения Вологодской области / Вологдастат. URL: https://volgdatastat.gks.ru/storage/mediabank/%D0%94%D0%B8%D0%BD%D0%A1%D0%94%D0%94_tsm

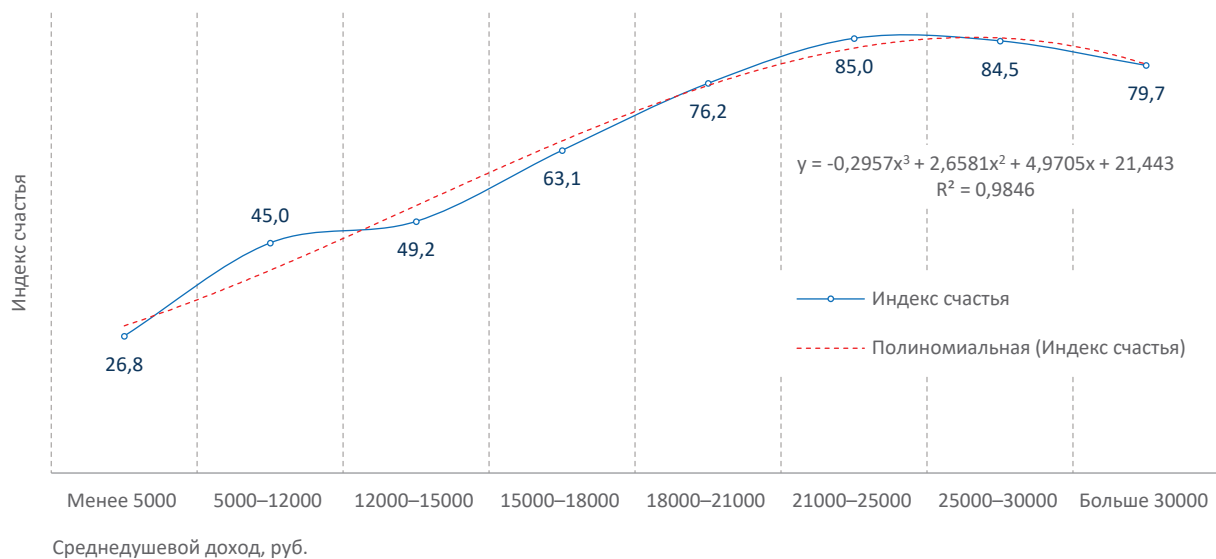


Рис. 10. Зависимость индекса счастья населения Вологодской области от дохода
 Источник: мониторинг социального здоровья ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019 год

Таблица 7. Субъективная характеристика своего материального положения, % от числа опрошенных

Социально-экономические аспекты	Счастливые	Чувствующие себя несчастливymi
Социальная самоидентификация		
Богатые, люди среднего достатка	57	28
Бедные, нищие	33	66
Материальное положение		
Хорошее и очень хорошее	15	7
Среднее	64	27
Плохое и очень плохое	17	61
Покупательная способность доходов		
Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать	4	1
Покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает трудностей, однако покупка автомашины сейчас недоступна	12	10
Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать	53	35
Денег хватает только на приобретение продуктов питания	26	44
Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, приходится влезать в долги	5	11
Источник: мониторинг социального здоровья ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019 год.		

Вклад в ощущение счастливой жизни вносят не только величина среднедушевого дохода и связанная с ней самооценка социального статуса, но и субъективные представления о динамике материального положения. В случае ухудшения последнего в два раза возрастают оценки жизни из разряда

«определенно и скорее несчастлив» (с 16 до 32%; рис. 11).

Итак, в индексы национального или регионального благополучия включаются субъективные показатели, отражающие индивидуальное благополучие, удовлетворенность жизнью. Благополучие основывается

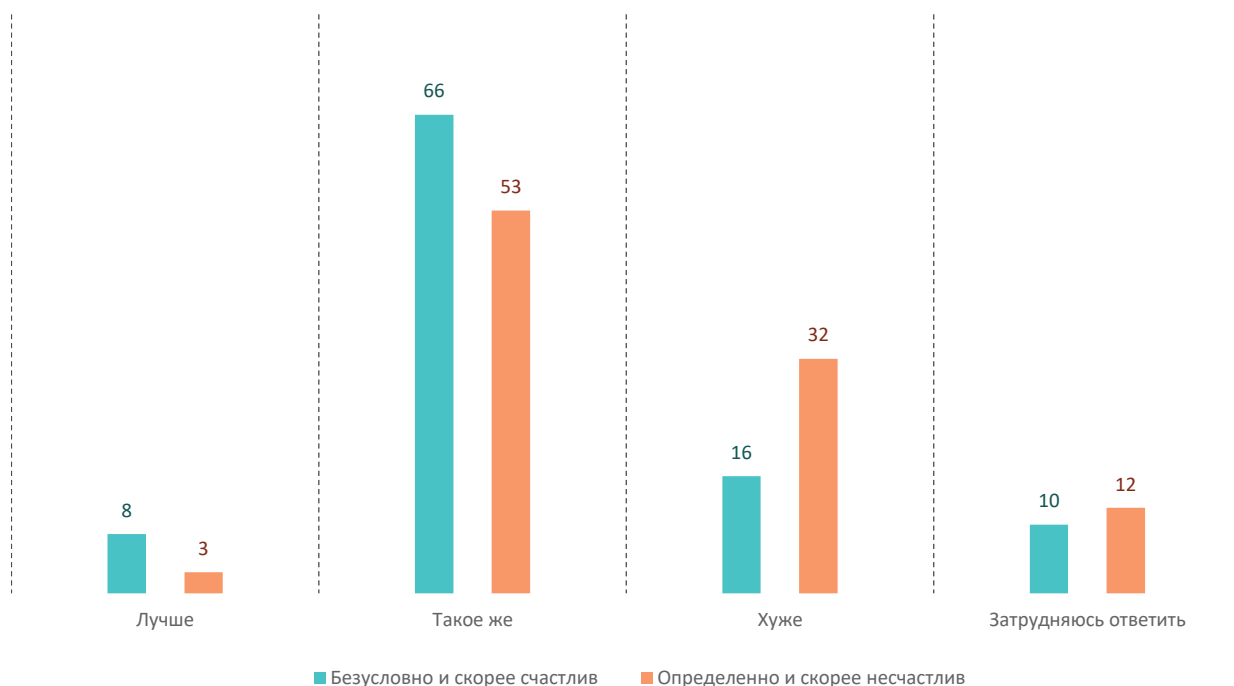


Рис. 11. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете материальное положение Вашей семьи: оно лучше или хуже, чем было год назад?», % от числа опрошенных

Источник: мониторинг общественного здоровья ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019 год.

на хороших материальных условиях жизни, однако прямой связи между уровнем субъективного благополучия и экономическими макропоказателями (ВВП и ВРП на душу населения) не наблюдается. Более явная связь существует между среднедушевым доходом (микропоказателем) и уровнем счастья, но она носит нелинейный характер. На примере населения региона показано, что с увеличением доходов счастье и удовлетворенность жизнью возрастают до определенного предела, т. е. присутствует эффект насыщения. Наличие счастливых людей среди категорий «бедных» и «нищих» свидетельствует об аскетических установках у ряда представителей регионального сообщества. Нами также зафиксирован и эффект адаптации, когда снижение привычного уровня жизни (ухудшение материального положения) сочетается с увеличением доли респондентов, чувствующих себя несчастливыми.

Как мы видим, материальная «составляющая» уровня счастья и субъективной удовлетворенности человека своей жизнью является одной из наиболее весомых, хотя и существует определенный порог, после кото-

рого место рядом с ней занимают другие детерминанты. Наше исследование подтверждает вывод о том, что «от материальных же условий жизни россиянам в основной их массе требуется соответствие некоему минимальному стандарту» [33, с. 59], «значительно большую роль для оценок своей жизни в целом играет в России сегодня, как оказалось, не столько уровень доходов, сколько субъективная удовлетворенность человека своим материальным положением, обусловленная в том числе и уровнем его притязаний, тем образом жизни, который кажется ему минимально приемлемым» [31, с. 57].

Новизна состоит в обобщении в одной работе данных исследований показателей субъективного благополучия на различных уровнях, сравнении региональных показателей счастья, подтверждении на региональных данных эффектов насыщения и адаптации, объясняющих причины отсутствия линейной зависимости уровня счастья от дохода. Мы пришли к выводу, что для практического применения результатов мониторинга общественного мнения в управленческой практике более

подходит показатель «удовлетворенность жизнью», так как он носит менее эпизодический характер.

Материалы исследования могут использоваться органами местного самоуправления в информационно-управленческих

целях. Оценки уровня счастья и удовлетворенности жизнью могут служить своего рода «обратной связью», индикатором восприятия изменений в политической, экономической и социальной сферах жизни страны (региона).

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социол. иссл. 2009. № 1. С. 33–42.
2. Родионова Л.А. Парадокс Истерлина в России // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14. № 2. С. 386–393.
3. Джидарьян И.А. Психология счастья и оптимизма. М.: Институт психологии РАН, 2013. 268 с.
4. Смолева Е.О., Морев М.В. Удовлетворенность жизнью и уровень счастья: взгляд социолога. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. 177 с.
5. Кроник А.А., Ахмеров Р.А. Каузометрия: методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. М.: Смысл, 2008. 294 с.
6. Abdallah S., Thompson S., Marks N. Estimating worldwide life satisfaction. *Ecological Economics*, 2008, vol. 65, pp. 35–47.
7. Аргайл М. Психология счастья. 2-е изд. СПб.: Питер, 2003. 271 с.
8. Easterlin R.A. Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence. *Nations and households in economic growth*, 1974, vol. 125, pp. 89–125.
9. Abramovitz M. The welfare interpretation of secular trends in national income and product. In M. Abramowitz (eds.). *The Allocation of Economic Resources*. Stanford: Stanford University Press, 1959. 254 p.
10. Becchetti L., Massari R., Naticchioni P. *The drivers of happiness inequality: Suggestions for promoting social cohesion*. Bonn, Institute for the Study of Labor (IZA), 2013. 36 p.
11. Clark A., Flèche S., Senik C. Economic Growth Evens Out Happiness: Evidence from Six Surveys. *Review of Income and Wealth*, 2016, vol. 62 (3), pp. 405–419.
12. D'Ambrosio C., Jäntti M., Lepinteur A. Money and Happiness: Income, Wealth and Subjective Well-Being. *Social Indicators Research*, 2020, vol. 148, pp. 47–66. DOI: 10.1007/s11205-019-02186-w
13. McBride M. Money, happiness, and aspirations: An experimental study. *Journal of economic behavior & organization*, 2010, vol. 74 (3), pp. 262–276.
14. Campbell A., Converse P.E., Rodgers W.L. *The quality of American Life*. New York: Russel Sage Foundation, 1976. 600 p.
15. Ларин А.В., Филясов С.В. Парадокс Истерлина и адаптация в России // Экон. журн. ВШЭ. 2018. Т. 22. № 1. С. 59–83.
16. Stevenson B., Wolfers J. *Economic growth and happiness: reassessing the Easterlin paradox*. Munich: Center for Economic Studies and Ifo Institute (CESifo), 2008. 102 p.
17. Inglehart R., Foa R., Peterson C., Welzel C. Development, Freedom, and Rising Happiness: A Global Perspective (1981–2007). *Perspectives on Psychological Science*, 2008, vol. 3 (4), pp. 264–285.
18. Чинакова Н.В. Экономика счастья: современные исследования и дискуссии // Мир экономики и управления. 2016. Т. 16. № 1. С. 101–115.
19. Dolan P., Peasgood T., White M. *Review of research on the influences on personal well-being and application to policy making. Final report for Defra*. London: Defra, 2006. 193 p.

20. Spence A., Powell M., Self A. *Developing a Framework for Understanding and Measuring National Well-being*. London: Office for National Statistics, 2011. 14 p.
21. Кислицына О.А. Измерение качества жизни / благополучия: международный опыт. М.: Институт экономики РАН, 2016. 62 с.
22. Diener E., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. The Satisfaction With Life Scale. *Journal of Personality Assessment*, 1985, vol. 49 (1), pp. 71–75.
23. Argyle M., Martin M., Crossland J. Happiness as a function of personality and social encounters. In J.P. Forgas, J.M. Innes (eds.) *Recent advances in social psychology: An international perspective*. North-Holland: Elsevier, 1989. 543 p.
24. Ferran C., Gonzalez M., Navarro D. Social Psychology and Child Well-Being. In A. Ben-Arieh [eds.]. *Handbook of Child Well-Being*. Dordrecht: Springer Science+Business Media, 2014, pp. 513–554. DOI: 10.1007/978-90-481-9063-8_187
25. Levin K.A., Currie C. Reliability and validity of an adapted version of the cantril ladder for use with adolescent samples. *Social Indicators Research*, 2013, vol. 119, pp. 1007–1047. doi: 10.1007/s11205-013-0507-4
26. Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. Счастье и его детерминанты (статья 1) // Социол. иссл. 2015. № 12. С. 120–132.
27. Смолева Е.О., Морев М.В. Уровень счастья: взгляд социолога: монография / под науч. рук. А.А. Шабуновой. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 119 с.
28. Тихонова Н.Е. Удовлетворенность россиян жизнью: динамика и факторы // Общественные науки и современность. 2015. № 3. С. 19–33.
29. Андрееenkova А.В., Андрееenkova Н.В. Детерминанты удовлетворенности жизнью в России и Европе: сравнительный анализ // Социол. иссл. 2019. № 1. С. 67–81. Doi: 10.32603/2412-8562-2019-5-1-67-81
30. Андрееenkova Н.В. Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью и определяющих ее факторов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 5 (99). С. 189–216.
31. Шабунова А.А. Представления вологжан о счастье // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 1. С. 137–150.
32. Шамионов Р.М. Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы. Саратов: Научная книга, 2008. 296 с.
33. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К. Горшков [и др.]; отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. М.: Весь Мир, 2015. 432 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елена Олеговна Смолева – научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: riolenas@ramber.ru

Smoleva E.O.

HAPPINESS AND MONEY: MATERIAL ASPECTS OF SUBJECTIVE WELL-BEING

The article presents the results of a sociological study of the population's subjective well-being in the context of intercountry and interregional comparisons, and the studies of subjective well-being of the population of a certain select region by the example of the Vologda Oblast. The inconsistency of data on the level of subjective well-being and its relationship to material status, as well as the data sharp dynamics, determine the relevance of research on population's happiness and life satisfaction, including those at the regional level. The purpose of the article is to examine the relationship between subjective well-being assessments and economic indicators. Methodological basis of the research is made up by the mass population polls organized by international research organizations and the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences in the Vologda Oblast. The article summarizes the data about the place of Russia in international rankings of well-being depending on macroeconomic indicators. Data on the dependence of happiness on individual socio-structural indicators (age, settlement type, region, social status in the form of income level) are presented, while the direct relationship between the level of subjective well-being and economic macro indicators (GDP and GRP per capita) has not been revealed. The data on the incomes needed for "normal" and "luxurious" life and related to the Russians' perceptions of happiness and well-being are summarized at the level of the Russian Federation. The Vologda Oblast's residents attach great importance to the state of their finances, but many of them believe that its level is insufficient for satisfaction with the material and financial aspect of life. The research confirms the existence of a more complex relationship between the level of per capita income and the level of happiness, rather than a linear one. Using mathematical statistics methods, a function describing the dependence of the happiness index on income is defined. The author has recorded the effects of adaptation and saturation, when life satisfaction converges to a certain constant value, the saturation threshold, and suggested that there are ascetic attitudes to achieving happiness by the region's population classifying themselves as "the poor and destitute".

Subjective well-being, life satisfaction, happiness, material well-being, the Easterlin paradox.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena O. Smoleva – Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: riolenas@ramber.ru

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИКИ: МАЙ 2020 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.11 • УДК 330.342(470.12) • ББК 65.050.22(2Рос-4Вол)

ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» продолжает знакомить читателей с материалами о состоянии и тенденциях развития экономики России и Вологодской области¹.

Экономическая динамика в настоящее время и в ближайшем будущем во многом будет определяться распространением коронавирусной инфекции в мире. В связи с этим в мониторинг добавляется раздел, посвященный оценкам и прогнозам влияния пандемии COVID-19 на экономику нашей страны. На данный момент доступна статистика по март 2020 года (включительно), т. е. за время, когда эпидемиологическая обстановка еще оказывала ограниченное влияние на экономический рост. Обращаем внимание читателей на то, что приведенные тренды развития отраслей построены исходя из динамики 2009–2019 гг. и пока практически не учитывают спада из-за введения режима нерабочих дней и других проявлений последствий коронавируса.

Согласно предварительной оценке Росстата, общий объем произведенного ВВП страны в I квартале 2020 года увеличился на

1,6% относительно соответствующего периода 2019 года (годом ранее – на 0,4%; *рис. 1*).

1. Производство валового продукта

Важным фактором экономического роста выступает реальный сектор.

↗ Выпуск **промышленности** в январе–марте 2020 года относительно аналогичного периода 2019 года² вырос на 1,5% (*табл. 1*). Основной прирост зафиксирован в сфере обработки (+3,8%), объем добычи полезных ископаемых остался на прежнем уровне. В Вологодской области отмечен рост промышленного производства на 4%, в том числе обрабатывающего – на 3,8%, добыча же сократилась на четверть.

Преобладающей тенденцией динамики промышленности стало заметное оживление в большинстве отраслей. В частности, этот процесс наблюдается в **секторе промышленности конечного спроса**.

↗ В сфере производства пищевой продукции отмечен рост на 8,9% (годом ранее – на 1,8%; *табл. 2*). Прирост во многом был обеспечен увеличением выпуска молочной продукции, в частности сливочного масла (+16,1%) и сыров (+15,5%), а также мяса круп-

Для цитирования: Сидоров М.А. Мониторинг экономики: май 2020 года // Проблемы развития территории. 2020. № 3 (107). С. 167–176. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.11

For citation: Sidorov M.A. Monitoring of the economy: May 2020. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 3 (107), pp. 167–176. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.11

¹ Материалы подготовлены в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № 0168-2019-0005 «Исследование факторов и методов устойчивого развития территориальных систем в изменяющихся мировых геополитических и геоэкономических условиях».

² Здесь и далее по тексту (если не оговорено иное) сопоставляется январь – март 2020 года с январем – мартом 2019 года.

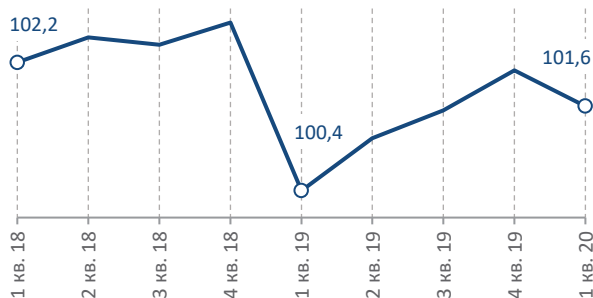


Рис. 1. Динамика производства ВВП России, % к аналогичному периоду предыдущего года

Отметим, что предварительная оценка ВВП за первый квартал 2020 года учитывает только результаты деятельности крупных и средних предприятий нефинансового сектора экономики. На этой стадии оценки принимается гипотеза о том, что малый бизнес развивается теми же темпами, что и крупные и средние предприятия.

Таблица 1. Динамика промышленного производства, % к соответствующему периоду предыдущего года

	3 мес. 2019 г.	6 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.
Промышленное производство					
РФ	102,4	102,2	102,5	102,3	101,5
ВО	101,8	102,1	103,2	102,9	104,0
<i>РКо</i>	99,9	101,3	99,2	99,0	102,5
<i>АО</i>	103,2	102,8	103,3	102,4	101,9
<i>МО</i>	94,2	95,4	99,4	98,9	105,1
<i>РКа</i>	98,3	102,5	107,0	105,6	100,4
Добыча полезных ископаемых					
РФ	105,2	104,3	103,4	102,5	100,0
ВО	111,1	101,3	98,0	98,5	74,9
<i>РКо</i>	98,8	97,1	92,9	94,9	97,1
<i>АО</i>	104,4	104,2	104,3	103,2	103,1
<i>МО</i>	104,6	100,9	100,1	99,3	98,2
<i>РКа</i>	96,6	96,0	97,1	97,3	97,8
Обрабатывающие производства					
РФ	100,8	100,9	102,1	102,6	103,8
ВО	102,0	102,4	103,5	103,1	103,8
<i>МО</i>	101,7	105,5	105,0	103,9	106,0
<i>РКа</i>	100,0	98,9	100,5	100,4	98,5
<i>РКо</i>	73,5	83,8	98,1	98,0	124,7
<i>АО</i>	99,5	106,8	114,0	111,1	103,9

Здесь и далее выделены курсивом показатели регионов Европейского Севера РФ, приведенные для сравнения с динамикой Вологодской области.

Таблица 2. Динамика обрабатывающих производств, % к соответствующему периоду предыдущего года

	3 мес. 2019 г.	6 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.
Пищевое производство					
РФ	101,8	101,8	102,6	103,5	108,9
ВО	110,2	94,4	95,2	99,0	113,1
Ц/б и полиграфическое производство					
РФ	99,3	98,9	99,3	100,2	109,7
ВО	98,8	100,5	105,1	111,4	148,2
Химическое и нефтехимическое производство					
РФ	103,1	103,8	104,9	105,8	107,4
ВО	98,5	101,4	104,8	104,3	111,2
Металлургическое производство					
РФ	98,0	99,3	101,1	102,6	102,4
ВО	102,9	103,8	102,6	101,2	101,2
Деревообработка					
РФ	106,7	106,8	106,2	104,3	98,1
ВО	119,3	115,7	116,1	116,7	101,7
Машиностроение					
РФ	100,0	102,0	104,6	104,2	99,8
ВО	120,7	109,1	110,4	107,3	87,7
Производство стройматериалов					
РФ	105,3	105,4	105,1	104,2	105,0
ВО	118,5	103,8	102,6	101,2	119,0

ного рогатого скота (+9,1%) и мясных полуфабрикатов (+12,7%). При этом существенно сократилось производство водки (-13,6%) и вина (-20,2%), но выросло производство безалкогольных напитков (+10,3%).

▲ В Вологодской области выпуск продовольственной продукции увеличился на 13,1%, что во многом обусловлено успехами мясной и молочной индустрии: существенно расширилось производство мяса крупного рогатого скота (+28%), свинины (+27,5%), мясных полуфабрикатов (+20,8%), а также сливочного масла (+15,4%) и сыра (+13%).

▲ В российском производстве целлюлозно-бумажной и полиграфической продукции индекс выпуска составил 109,7%, что значительно выше, чем в прошлом году (99,3%). На динамику показателя повлиял рост производства бумажных изделий (+10,8%), обусловленный преимущественно увеличением

производства бумаги (+5%) и бумажных полотенец (+14,7%). В полиграфической сфере отмечено резкое увеличение производства этикеток и ярлыков (+22,3%).

▲ В Вологодской области по данному виду деятельности зафиксирован прирост на 48,2%, значительная часть которого связана с оживлением в сфере производства бумаги и картона.

В **секторе промышленности промежуточного спроса** отмечен фрагментарный умеренный рост.

▲ Химическое и нефтехимическое производство в целом по стране выросло на 7,4%. Активно наращивался выпуск лекарственных средств (+11,8%), гербицидов (+66,4%), мыла (+17,1%), а также пластмасс в первичных формах (+20,7%). В Вологодской области отмечено возобновление роста индекса физического объема в химическом производстве до 111,2% (годом ранее – 98,5%), обусловленное значительным подъемом в сфере выпуска калийных удобрений (+60%).

▲ В металлургической отрасли страны производство продукции увеличилось на 2,4%, существенно вырос выпуск легированной стали (+15,8%), порошков медных (+50,4%) и алюминиевых (+27,3%). Также было произведено на 7% больше металлоизделий, в частности конструкций из алюминия на 38,3% и сменных инструментов для станков на 22,8%. Негативным фактором выступило сокращение производства стальных бесшовных труб для нефте- и газопроводов (-8,4%). В вологодской металлургии выпуск вырос на 1,2%, сворачивание производства металлоизделий при этом стало замедляющим фактором (-18,2%).

▼ Деревообрабатывающая индустрия страны сократила выпуск на 1,9%. Динамика показателя во многом объясняется снижением производства стройматериалов из дерева: окон – на 13,8%, фанеры – на 7,5%, древесностружечных плит – на 5,3%, древесноволокнистых плит – на 2,1%. При этом резко выросла заготовка необработанных лесоматериалов (+55,1%) и топливных брикетов (+15,6%). В Вологодской области рост выпуска деревообработки значительно замедлился и составил лишь 1,7%, при этом произошел спад активности во всех основных

направлениях, за исключением деревянной тары и технологической щепы.

В **секторе промышленности инвестиционного спроса** динамика оказалась разнонаправленной.

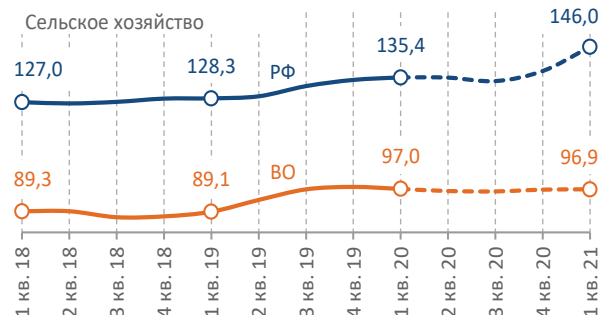
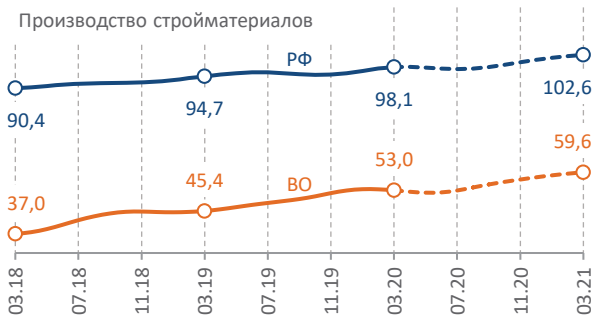
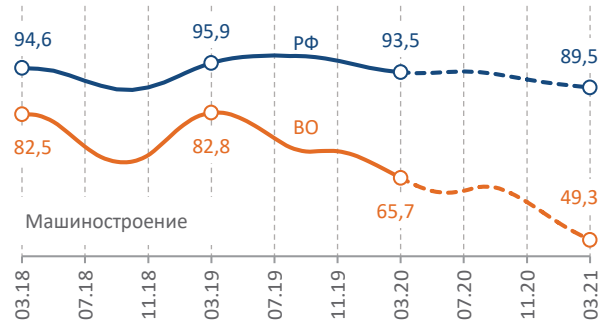
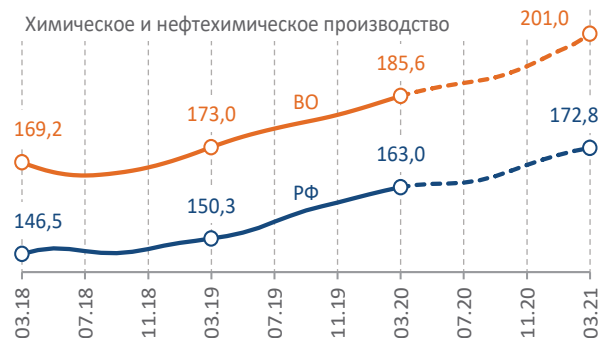
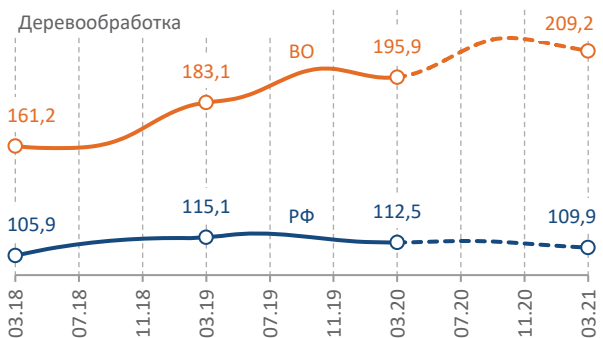
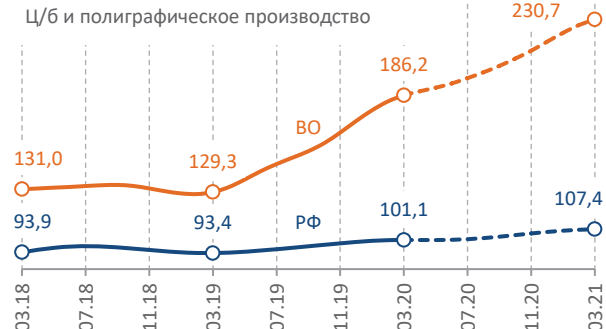
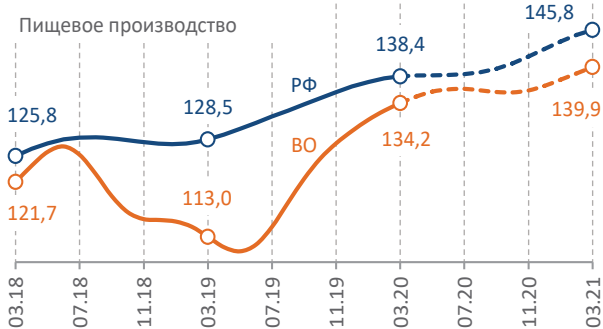
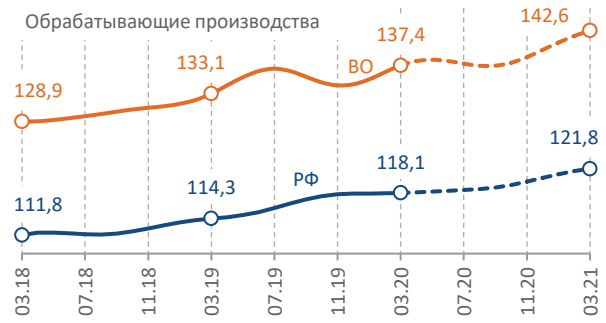
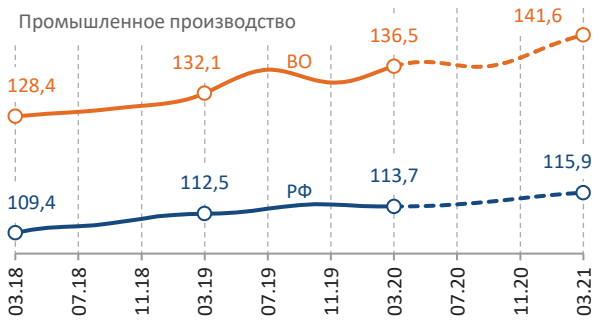
▼ Выпуск машиностроения в целом по стране сократился на 0,2%. При этом развитие отраслей машиностроительного сектора было фрагментарным: производство компьютеров, электронных и оптических изделий выросло на 17,6% (отдельно отметим рост производства компьютеров и их частей на 67,2% и терапевтического оборудования на 29,8%), а общий спад вызван снижением выпуска автотранспортных (-11,6%) и прочих транспортных средств (-12,7%). Одной из причин этого явления стала остановка ряда производств, вызванная прекращением поставок импортных комплектующих. В Вологодской области машиностроение также испытало спад на 12,3% по сравнению с ростом на 20,7% в прошлом году, наиболее пострадало производство подшипников (-25,3%) и тракторов (-76,5%).

«Сейчас на микроуровне мы наблюдаем перенос производств из Китая в Россию. Людям надоело закупать в Китае, и они переносят сюда технологические линии. Реальный сектор из разряда МСП может выиграть, если найдет ниши и если не рухнет те, кто его, по сути, спонсирует своими заказами. Но только в тех случаях, когда есть технологический базис, который надо оперативно удовлетворить. Это будет зависеть от собственности на активы. А в этой части будет распределение, и довольно жесткое»³.

▲ В менее зависимой от внешних рынков сфере производства стройматериалов в целом по стране зафиксирован рост на 5%. Отмечается значительное увеличение выпуска кровельных и гидроизоляционных материалов (+74,8%) и цемента (+47,6%). В Вологодской области продолжил ускоряться прирост выпуска стройматериалов (+19%).

³ Гурова Т. Семи триллионов пока будет достаточно // Эксперт. 2020. № 15–16. С. 36–37.

Тренды развития промышленного и с/х производства в 2018–2020 гг., % к уровню 2008 года



↗ **Сельское хозяйство** в целом по стране увеличило выпуск на 3% (табл. 3). В частности, произведено больше скота и птицы на убой – на 4,6%, молока – на 4,9%. В Вологодской области индекс выпуска сельскохозяйственной продукции составил 107%, в том числе скота и птицы на убой (в живом весе) – 114,7%, куриных яиц – 111,1%, молока – 106,2%.

Таблица 3. Динамика производства продукции сельского хозяйства, % к соответствующему периоду предыдущего года

	3 мес. 2019 г.	6 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.
РФ	101,0	101,0	103,4	104,0	103,0
ВО	102,0	101,6	108,0	108,5	107,0
АО	87,9	89,8	92,3	93,2	100,3
РКо	100,1	99,6	95,8	96,3	112,4
МО	99,3	98,4	98,4	96,7	102,8
РКа	92,0	94,0	96,7	95,8	98,9

Положительная динамика в реальном секторе сопровождалась благоприятным развитием ситуации на **рынке труда**, на котором в наблюдаемом периоде еще не успел сказаться новый режим занятости.

↗ Уровень безработицы в стране снизился на 0,2 п. п. (до 4,6%; табл. 4). В Вологодской области уровень безработицы еще ниже – 4,1%. При этом в стране на 1,3% сократился объем вакансий, регистрируемых работодателями в службе занятости населения, в то время как в Вологодской области отмечен рост на 1,2%, что может быть связано с развертыванием химических производств.

2. Образование доходов

На стадии образования доходов в экономике страны и в Вологодской области усиливались разнонаправленные тенденции.

↗ При незначительно выросших **реальных денежных доходах** россиян **реальная начисленная заработная плата** в среднем по стране повысилась в январе – феврале 2020 года на 8,6%, в Вологодской области по этому показателю также отмечен рост (+11,7%; табл. 5).

Таблица 4. Динамика рынка труда, % к соответствующему периоду предыдущего года

	И кв. 2019 г.	II кв. 2019 г.	III кв. 2019 г.	2019 г.	I кв. 2020 г.
Уровень безработицы, % от численности занятых					
РФ	4,8	4,6	4,4	4,6	4,6
ВО	6,1	3,8	3,7	4,5	4,1
РКа	7,4	7,7	7,6	7,4	7,4
МО	7,0	4,7	4,5	6,2	7,2
АО	6,3	6,4	6,2	6,2	6,2
РКо	6,5	7,3	5,7	7,8	6,6
	3 мес. 2019 г.	6 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.
Потребность работодателей в работниках					
РФ	110,6	111,9	112,3	112,7	98,7
ВО	131,9	131,8	131,6	131,1	101,2
РКо	102,0	104,7	101,6	102,1	101,2
МО	109,7	130,9	137,4	138,5	98,1
АО	107,6	115,6	114,1	114,0	99,1
РКа	102,3	101,4	117,6	129,7	172,2

Таблица 5. Динамика образования доходов, % к соответствующему периоду предыдущего года

	3 мес. 2019 г.	6 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.
Реальные денежные доходы населения					
РФ	99,2	99,7	101,0	101,5	100,9
ВО	93,3	99,7	101,7	99,1	н/д
РКа	99,3	99,7	100,4	100,0	н/д
РКо	95,1	95,6	97,1	97,6	н/д
АО	95,1	97,3	96,9	98,8	н/д
МО	91,0	96,3	97,2	98,7	н/д
	2 мес. 2019 г.	6 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	2019 г.	2 мес. 2020 г.
Реальная начисленная заработная плата					
РФ	105,7	101,8	102,2	103,3	108,6
ВО	105,5	103,6	103,7	104,3	111,7
РКа	105,8	107,6	107,5	107,6	107,3
РКо	103,5	104,3	105,0	105,4	106,9
АО	104,7	105,4	105,6	106,0	105,6
МО	104,1	106,2	107,0	107,4	107,2
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций					
РФ	143,4	123,2	111,6	117,5	70,4
ВО	156,8	82,1	99,0	97,2	17,2
РКа	220,2	175,1	167,6	158,9	51,7
РКо	163,4	114,6	94,3	94,7	37,9
АО	221,7	151,8	142,7	133,9	-
МО	161,9	125,1	157,8	111,0	292,7
Доходы консолидированного бюджета					
РФ	111,5	112,0	112,5	110,2	149,0
ВО	111,9	108,3	111,3	112,2	92,7

❖ **Сальдированный финансовый результат** (прибыль минус убыток) деятельности российских организаций резко сократился и приобрел негативную динамику. Спад с учетом инфляции составил 29,6%. В Вологодской области уровень финансового результата предприятий рухнул до критического значения (-82,8%). Согласно оперативным данным сальдированный финансовый результат предприятий обрабатывающей промышленности региона сократился на 91,5% в первую очередь из-за снижения прибыльности в металлургии (-86,1%) и роста убыточности химической промышленности (в 93,3 р.).

⬆️ Реальные доходы консолидированного бюджета (с учетом внебюджетных фондов) в целом по стране росли значительно быстрее, чем в прошлом году, увеличение составило 49%.

❖ В Вологодской области, напротив, отмечено снижение данного показателя на 7,3%.

3. Конечное использование

Динамика показателей **потребительского спроса** отражает предкризисные настроения на потребительском рынке.

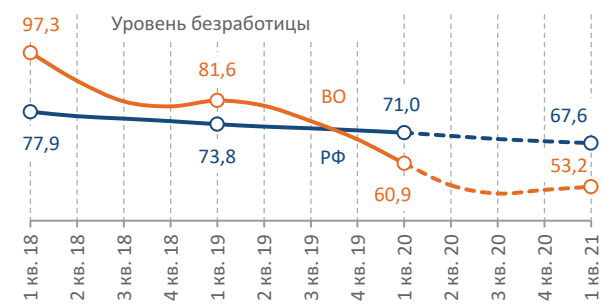
⬆️ Увеличение оборота розничной торговли составило 4,3% (в том числе продовольственными товарами – 3,6%, непродовольствен-

ными – 5%), в Вологодской области – 6,7% (в том числе продовольственными товарами – 3,3%, непродовольственными – 11%; табл. 6).

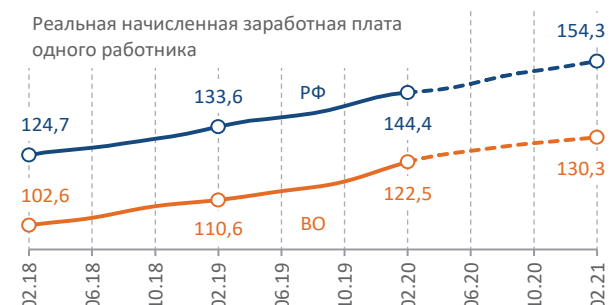
Таблица 6. Динамика потребительского рынка и строительства, % к соответствующему периоду предыдущего года

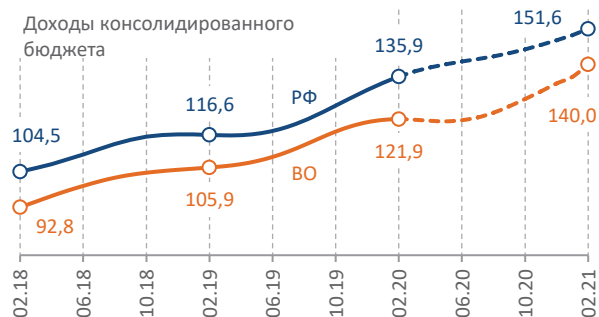
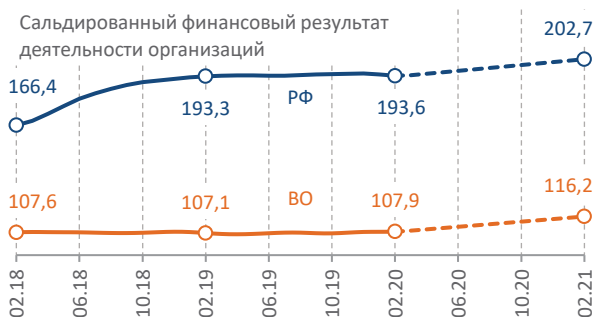
	3 мес. 2019 г.	6 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.
Оборот розничной торговли					
РФ	102,3	102,1	101,8	101,9	104,3
ВО	103,2	104,8	103,9	102,7	106,7
РКа	101,0	101,1	102,3	101,5	105,7
РКо	100,0	100,1	100,2	100,1	100,6
МО	102,9	101,7	100,6	99,5	102,8
АО	99,5	100,2	100,2	100,0	99,8
Объем работ по ВЭД «Строительство»					
РФ	100,1	100,1	100,3	100,6	101,1
ВО	95,1	105,5	86,6	82,8	66,1
МО	67,6	84,3	99,1	89,8	75,3
РКа	55,3	58,3	71,4	65,4	126,9
АО	79,8	81,9	75,7	80,3	75,3
РКо	236,6	211,7	165,6	144,9	96,3
Ввод жилых домов					
РФ	94,8	103,9	106,9	106,2	98,7
ВО	88,6	110,6	109,7	109,0	50,0
АО	156,9	148,5	127,1	102,1	65,2
РКа	117,1	60,5	58,4	81,3	55,1
МО	65,3	85,6	87,5	105,7	70,0
РКо	159,8	146,1	147,0	91,5	23,1

Тренды развития рынка труда в 2018–2020 гг., % к уровню 2008 года

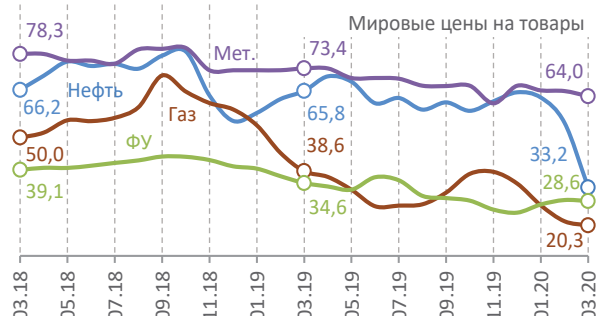
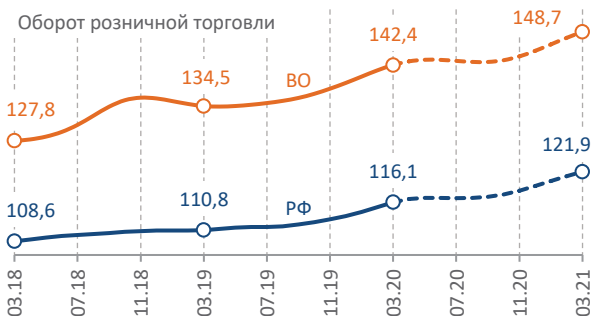
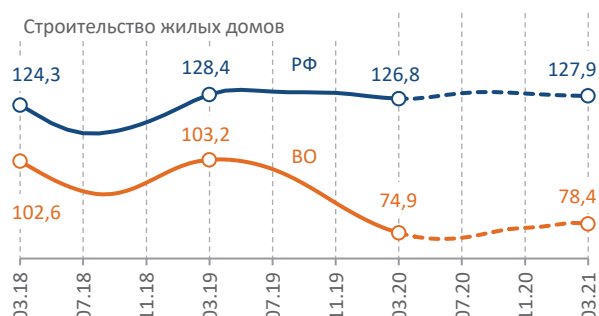
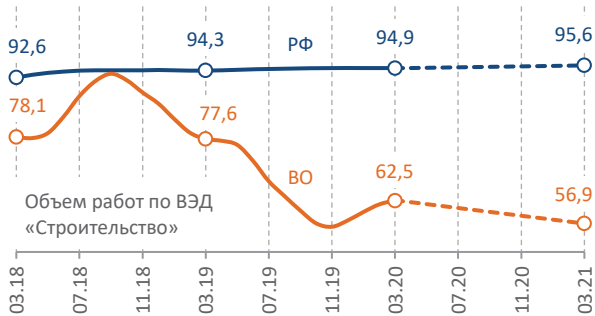


Тренды образования доходов в экономике в 2018–2020 гг., % к уровню 2008 года





Тренды развития строительства и торговли в 2018–2020 гг., % к уровню 2008 года



«Пандемический кризис в первом квартале повлиял на российскую экономику в основном через сжатие внешних рынков, при этом, в отличие от США и стран Европы, внутренний спрос оставался достаточно сильным в течение всего квартала: несмотря на снижение реальных располагаемых доходов населения, розничные продажи и потребление услуг продолжили расти. Нервозность в отношении введения карантинных мер отразилась на избыточных закупках населением продовольственных товаров»⁴.

⁴ Росстат оценил динамику российской экономики в I квартале 2020 года. URL: <https://www.rbc.ru/economics/19/05/2020/5ec2626b9a794768e190207d>

✓ Объем выполненных строительных работ в целом по стране увеличился лишь на 1,1%, в Вологодской области он существенно сократился (на 33,9%). При этом отмечена негативная динамика ввода жилых домов: в целом по стране снижение показателя составило 1,3%, в Вологодской области – 50%.

Во **внешнеторговом секторе** экономики также фиксируется снижение активности.

✓ Экспорт товаров из России в первые два месяца 2020 года снизился на 12,7%, что отчасти обусловлено охлаждением мировой торговли. Цены на большинство ключевых экспортируемых товаров также снизились (табл. 7). Средние цены на нефть пережили спад на 18,9%, на природный газ – на 49,8%, на фосфатные удобрения – на 23,6%, на металлопрокат – на 5,2% (при этом дешевел как

**Таблица 7. Динамика внешней торговли,
% к соответствующему периоду
предыдущего года**

	2 мес. 2019 г.	6 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	2019 г.	2 мес. 2020 г.
Экспорт товаров и услуг					
РФ	100,4	96,4	95,7	94,0	87,3
ВО	115,5	87,6	94,1	91,6	99,5
МО	103,7	111,1	86,3	75,8	39,7
РКО	95,6	99,5	107,1	96,4	83,7
РКА	102,0	76,8	64,8	59,9	75,1
АО	91,9	82,4	102,0	106,7	159,5
Импорт товаров и услуг					
РФ	97,2	97,2	101,2	102,2	101,9
ВО	111,5	107,1	109,4	116,6	151,0
РКО	119,4	90,7	93,0	93,2	81,2
МО	79,8	52,7	64,0	74,0	109,0
РКА	74,2	153,1	126,8	117,9	123,3
АО	61,8	56,4	84,1	90,7	108,1
	3 мес. 2019 г.	6 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	2019 г.	3 мес. 2020 г.
Мировые цены на товары					
Нефть	93,6	92,3	88,6	89,8	81,1
Газ	91,9	74,6	63,8	62,5	50,2
Мет.	100,9	96,4	92,7	92,8	94,8
ФУ	96,9	91,0	85,4	79,5	76,4

«плоский», так и «длинный» прокат; табл. 8, 9). В Вологодской области сокращение экспорта было незначительным – в пределах 0,5%. Импорт в Россию вырос на 1,9%. В Вологодской области зафиксировано резкое ускорение роста импорта – прирост составил 51% (годом ранее – 11,5%).

Оценки последствий COVID-19 для экономики

Одним из показателей, позволяющих судить о состоянии делового климата и характере предстоящих изменений в экономике страны в краткосрочной перспективе, является индекс предпринимательской уверенности (ИПУ). Его результаты основываются на балансах оценок фактически сложившихся уровней спроса, запасов готовой продукции, а также ожидаемого выпуска продукции. В апреле 2020 года ИПУ в добывающей промышленности снизился на 8% относительно апреля 2019 года, в обрабатывающей промышленности уменьшился за рассматриваемый период на 5% (рис. 2). Наименьшая предпринимательская уверенность на протяжении нескольких лет наблюдается в строительном сегменте, при этом относительно прошлого года она выросла на 5%, в розничной торговле осталась на прежнем уровне.

Поскольку в первом квартале не было резких изменений в динамике предпринимательской уверенности, добавим, что в апреле 2020 года ее индекс в добывающих производствах снизился на 6,1%, в обрабатывающих – на 6,5%. Также показательна негативная динамика баланса оценок руководителей организаций относительно спроса на продукцию (портфеля заказов), который в апреле 2020 года потерял 26% в добывающих и 41% в обрабатывающих производствах.

**Таблица 8. Цены на металлопродукцию на мировом рынке (страны ЕС)
за тонну (на начало мая соответствующего года)**

Вид металлопродукции	Единица измерения	2020 г.	2019 г.	2018 г.	2020 г., %	
					к 2019 г.	к 2018 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	долл. США	523	620	745	84,4	70,2
Лист оцинкованный	долл. США	598	690	783	86,7	76,4
Лист горячекатаный	долл. США	445	523	653	85,1	68,1
«Длинный» прокат						
Арматурная сталь	долл. США	483	553	598	87,3	80,8
Конструкционные профили	долл. США	640	773	764	82,8	83,8
Сортовой прокат	долл. США	595	655	685	90,8	86,9

Таблица 9. Цены на металлопродукцию на российском рынке за тонну (на начало мая соответствующего года)

Вид металлопродукции	Единица измерения	2020 г.	2019 г.	2018 г.	2020 г., %	
					к 2019 г.	к 2018 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	руб.	49096	51209	50199	95,9	97,8
Лист оцинкованный	руб.	57615	61554	60712	93,6	94,9
Лист горячекатаный	руб.	43319	45419	45938	95,4	94,3
«Длинный» прокат						
Арматура	руб.	34931	42223	40223	82,7	86,8
Балка и швеллер	руб.	48355	47149	53489	102,6	90,4
Круг	руб.	36114	40324	39010	89,6	92,6
Уголок	руб.	39019	40786	43086	95,7	90,6

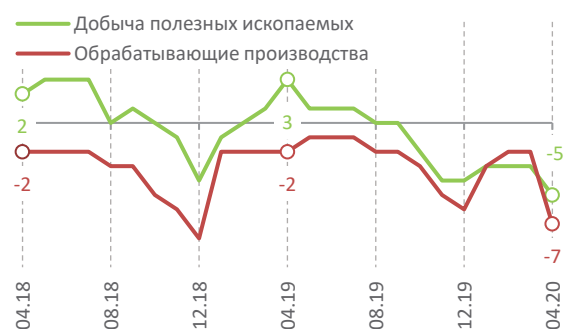
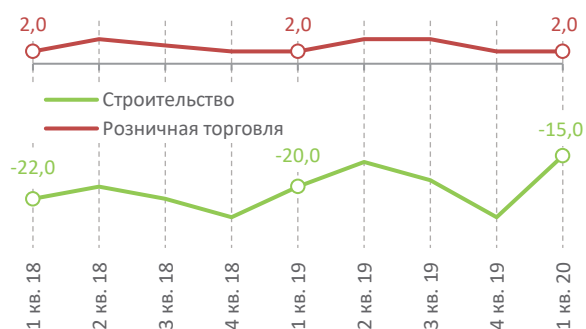


Рис. 2. Индекс предпринимательской уверенности, %

При этом в условиях экономической неопределенности руководители продолжают ожидать увеличения выпуска в ближайшие 3 месяца, хоть и в меньших объемах: на 6% в добывающей промышленности и на 13% в обрабатывающей. Оптимизм отмечается и в оценках общей экономической ситуации в ближайшие 6 месяцев, несмотря на негативные оценки в апреле: в добывающей промышленности оценка экономической ситуации в текущем месяце снизилась на 6%, руководители предприятий обрабатывающих производств апрель оценивают более пессимистично (-14%). Однако позитивные ожидания от ближайших 6 месяцев в этих отраслях промышленности схожи: 7% в

добыче полезных ископаемых и 8% в обрабатывающих производствах.

Экономисты предупреждают о том, что основной удар по ВВП и доходам населения на фоне ограничительных мер придется на второй квартал. В частности, так оценивают ситуацию ученые Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ. По их оценкам ВВП может упасть на 18%, а реальные располагаемые доходы россиян – на 17,5%. По прогнозу института, это будет нижняя точка спада, дальше начнется постепенное восстановление⁵. В полной мере негативное влияние карантинных ограничений на внутренний спрос проявится в апреле – июне, а экономические последствия коронавирусного кризиса будут зависеть от продолжительно-

⁵ Тенденции развития российской экономики в условиях пандемии коронавируса и возможные антикризисные меры. URL: <http://www.inveb.ru/attachments/article/247/%20%D0%B8%20%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%81%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%BC%D0%B5%D1%80-.pdf>

сти ограничительных мер, а также возможности восстановления бизнеса и спроса населения⁶. Высшая школа экономики в своем консенсус-прогнозе представила данные о том, что максимальный спад – более 8% – придется на II квартал 2020 года, экономика будет сокращаться четыре квартала подряд в годовом выражении, а начиная со II квартала 2021 года годовой рост возобновится⁷. Согласно пресс-релизу Банка России, ВВП снизится в 2020 году на 4–6%. В дальнейшем прогнозируется восстановительный рост российской экономики на 2,8–4,8% в 2021 году и 1,5–3,5% в 2022 году⁸.

Спад затронет и сферу занятости: как заявила вице-премьер Татьяна Голикова на правительственном часе в Совете Федерации, число зарегистрированных безработных россиян за нерабочие дни выросло до 1,66 млн человек (+29%)⁹.

В целом экономика в первом квартале 2020 года развивалась под влиянием предкризисных ожиданий и потрясений на

внешних рынках. Рост производства валового продукта замедлился, при этом умеренное увеличение выпуска сохранилось в большинстве отраслей промышленности. На стадии формирования доходов отмечены незначительное повышение доходов населения и резкий спад прибыльности организаций. Потребительский спрос развивался крайне неравномерно под влиянием ситуации неопределенности, которая зарегистрирована и в оценках руководителей предприятий относительно текущей и будущей экономической обстановки. Для поддержки экономического роста важными видятся стимулирование спроса на продукцию ключевых отраслей промышленности, более активная помощь населению и бизнесу, а также проведение оперативных мероприятий по организации безопасной деятельности отраслей сектора услуг. Значимым для регулирования потребительских настроений будет продолжение курса на максимальное информирование и повышение доверия граждан, особого внимания потребует и контроль уровня безработицы.

Источники: Росстат, Вологдастат, Центральный банк Российской Федерации, Федеральная таможенная служба, Федеральное казначейство, www.metaltorg.ru, metalinfor.ru, www.indexmundi.com

*Материал подготовил
М.А. Сидоров
младший научный сотрудник
ФГБУН ВолНЦ РАН*

Обращаем внимание, что в связи с карантинными мероприятиями на территории Вологодской области ФГБУН ВолНЦ РАН временно приостановил проведение опросов населения региона методом анкетирования по месту жительства респондентов, поэтому Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в данном выпуске не представлен.

⁶ Индекс ВВП. Март 2020 г. Комментарий Олега Засова, руководителя направления «Макроэкономика» Института ВЭБ РФ. URL: <http://www.inveb.ru/ru/products/index-gdp/256-index-2020-03>

⁷ Консенсус-прогноз Центра развития. URL: <https://dcenter.hse.ru/prog2>

⁸ Пресс-релиз 24 апреля 2020 года. URL: http://cbr.ru/press/pr/?file=24042020_133000Key.htm

⁹ 482 заседание Совета Федерации. URL: <http://council.gov.ru/events/news/116523>

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

КОНФЕРЕНЦИИ, ЗАСЕДАНИЯ, СЕМИНАРЫ

V МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИЯ «ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЙ»



23–27 марта 2020 года прошла V международная научно-практическая интернет-конференция «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений». Организатором мероприятия выступило ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук».

Для совместного обсуждения актуальных проблем мирового развития, а также отдельных стран и их регионов были приглашены исследователи и практики в области социологии, экономики, общественно-научных представлений, представляющие государственные исследовательские и научные институты, масс-медиа, общественные и коммерческие организации. Формат проведения – онлайн-дискуссия на официальном сайте конференции.

Работа форума была организована по 8 научным направлениям (секциям).

Секция 1. Уровень и качество жизни населения как фундамент эффективной реализации человеческого потенциала.

Секция 2. Потенциал гражданского участия: от теории к практике.

Секция 3. Психологическое самочувствие и духовно-нравственные ценности общества

в современных условиях: тенденции, риски, особенности.

Секция 4. Решение демографических проблем как основа национального развития.

Секция 5. Региональное развитие в контексте приоритетов государственной национальной политики.

Секция 6. Актуальные проблемы социальной сферы. Инновационные изменения в системах здравоохранения, образования, культуры, социального обслуживания и их роль в повышении качества жизни населения.

Секция 7. Человек на рынке труда: мировые тенденции и национальные особенности.

Секция 8. Самореализация молодежи – двигатель социальных изменений.

Итоги мероприятия были подведены 27 марта на пленарном заседании. Его модератором выступила зам. директора, зав. отделом исследования уровня и образа жизни населения ФГБУН ВолНЦ РАН канд. экон. наук О.Н. Калачикова.

В режиме онлайн представили результаты научных исследований по актуальным проблемам развития страны и регионов докладчики из Санкт-Петербурга,

Перми, Коломны, Вологды. Д-р филос. наук, профессор В.В. Козловский свое выступление посвятил вопросам локальных эффектов цивилизационных перемен местного сообщества. Д-р социол. наук, доцент Н.А. Лебедева-Несевря подняла важнейшую тему управления здоровьем россиян в контексте нацпроектов. Не менее интересными стали доклады научного сотрудника ФГБУН ВолНЦ РАН В.Н. Барсукова о мировых трендах перехода от стадии демографического дивиденда к старению населения и магистранта ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет» Н.О. Плюхина по проблеме непрерывного образования взрослых в Российской Федерации.

Во второй части пленарного заседания модераторы подвели итоги по секциям и озвучили имена докладчиков, получивших дипломы первой, второй и третьей степени. Было отмечено, что в конференции приняли участие 160 человек из 53 научных и образовательных организаций, из них 22 доктора наук, 67 кандидатов наук. ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» представили 26 сотрудников. На интернет-форум поступило 702 сообщения, при этом самой популярной (свыше 140 сообщений) стала секция «Потенциал гражданского участия: от теории к практике» (модераторы: научный сотрудник

К.Е. Косыгина и младший научный сотрудник В.С. Каминский).

Для справки: в 2019 году в интернет-конференции приняли участие 113 человек из 35 научных и образовательных организаций, из них 5 докторов наук, 47 кандидатов наук; 28 сотрудников ФГБУН ВолНЦ РАН. На форум поступило 568 сообщений, при этом самая популярная секция – «Общественные настроения как индикатор социальных изменений» (134 сообщения).

По итогам интернет-конференции участникам выданы именные сертификаты, лучшие доклады отмечены дипломами I, II и III степени. В IV квартале 2020 года планируется подготовка сборника докладов конференции с размещением его в РИНЦ.

Значительное увеличение количества докладов, расширение географии участников, проведение пленарного заседания в режиме видеотрансляции с подключением докладчиков из различных регионов подтверждают интерес к проблематике конференции и свидетельствуют о необходимости продолжать организацию подобных дискуссионных площадок.

*Материал подготовила
Ю.В. Уханова
кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
ФГБУН ВолНЦ РАН*

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ФГБУН ВОЛНЦ РАН



Россошанский А.И. Качество жизни населения: вопросы оценки и инструменты повышения: монография / под науч. рук. А.А. Шабуновой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 143 с.

В монографии изложены результаты комплексного исследования качества жизни населения российских регионов. Сформулировано конструктивное представление о содержании категории «качество жизни». Разработана и апробирована методика индексной оценки качества жизни населения, позволяющая анализировать внутривнутристрановую структуру качества жизни и раскрывающая возможности формирования дифференцированных рекомендаций для регионов с различным качеством жизни. На ее основе предложена группировка субъектов РФ. Доказано, что одним из дестабилизирующих факторов качества жизни на внутривнутрирегиональном уровне выступает инфляционная нагрузка на наименее обеспеченные слои населения. Обоснован и представлен перечень организационно-аналитических инструментов, направленных на совершенствование эффективности государственного управления в области повышения качества жизни населения России.

Настоящее издание адресовано научным работникам, сотрудникам органов федеральной и региональной власти, преподавателям и студентам высших учебных заведений экономического профиля.

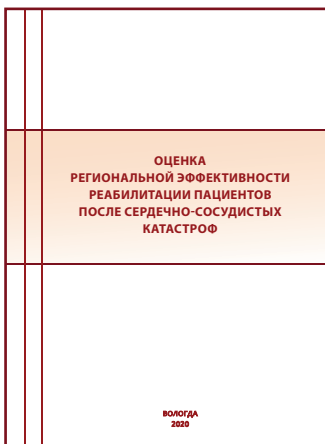


Попов А.В. Трудовой потенциал России: оценка и инструменты повышения уровня реализации: монография / под науч. рук. А.А. Шабуновой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 181 с.

В монографии последовательно, от теоретико-методических основ изучения трудового потенциала, анализа демографических и социально-экономических предпосылок его развития до оценки состояния и уровня реализации трудового потенциала, на примере российских регионов обосновываются направления поиска резервов рабочей силы в условиях неблагоприятной демографической ситуации в стране. Первая глава посвящена содержательному анализу существующих подходов к трактовке категории «трудовой потенциал» и процессу его воспроизводства с акцентом на стадии реализации. Особое внимание уделено разработке методического инструментария комплексной оценки трудового потенциала

территорий в разрезе его количественной и качественной составляющих. Во второй главе представлены результаты апробации авторской методики на материалах государственной статистики по регионам России, а также проведена оценка уровня реализации трудового потенциала. Третья глава содержит практические рекомендации, которые направлены на повышение степени использования накопленных трудовых возможностей и центральное место в которых занимают такие инструменты, как: информационно-аналитическая система мониторинга трудового потенциала, пространственное объединение территорий, типология населения по мотивации к труду и методика оценки влияния экономических факторов на уровень реализации трудового потенциала.

Данная книга может быть рекомендована аспирантам, научным работникам, преподавателям экономических специальностей, а также всем интересующимся вопросами развития социально-трудовой сферы.



Оценка региональной эффективности реабилитации пациентов после сердечно-сосудистых катастроф: науч.-аналит. издание / кол. авторов под науч. рук. В.А. Ильина. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020. 36 с.

Представленное издание является дополнением к научно-аналитическому изданию «Национальные проекты 2019–2024 гг.: анализ и ключевые риски их реализации. Социальная сфера». В нем отражены результаты НИР «Эффективность системы мер реабилитации пациентов, перенесших острый инфаркт миокарда и острое нарушение кровообращения головного мозга (инсульт), на примере Вологодской области», выполненной в рамках научной школы «Проблемы комплексного исследования региональных экономических и социальных процессов» под руководством члена-корреспондента РАН, д-ра экон. наук, профессора В.А. Ильина. Проанализированы динамика смертности населения от сердечно-сосудистых заболеваний, работа системы реабилитации при сосудистых катастрофах, оценена доля удовлетворенной ежегодной потребности в медицинской реабилитации за счет средств внебюджетных фондов в Вологодской области. Результаты исследования могут быть использованы в деятельности региональных органов власти при реализации ключевых направлений государственной политики в сфере здравоохранения, достижения стратегических целей в рамках национальных проектов.

ПРАВИЛА
приема статей, направляемых в редакцию
научного журнала «Проблемы развития территории»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К КОМПЛЕКТНОСТИ МАТЕРИАЛОВ

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы:

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф.И.О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (pdt.isert@mail.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Поля: Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. Шрифт: Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. Нумерация: номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. Оформление 1 страницы статьи

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации

Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов.

Аннотация должна представлять самодостаточный текст, оформленный одним абзацем и выступающий как краткая модель статьи. В аннотации обязательно должны быть отражены актуальность, основная идея и цель проведенного исследования, лаконично изложены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых, перечислены использованные автором методы исследования, приведены основные результаты, кратко сформулированы ограничения/направления будущих исследований.

Текст аннотации должен быть лаконичным и четким, не должен содержать общих слов и пространственных формулировок. Рекомендуется использовать ключевые слова и выражения, которые максимально емко отражают суть исследования. Следует употреблять простые синтаксические конструкции, свойственные академическому письму, избегать сложных грамматических конструкций, длинных предложений.

Примеры аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте: <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nrv1>

7. Требования к ключевым словам

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц

В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS Word. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный (приложение 4).

Для создания графиков должна использоваться программа MS Excel, для создания блок-схем – MS Word, MS Visio, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS Excel в MS Word:

- 1) в MS Excel выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;
- 2) в MS Word правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

12. Оформление и содержание списка литературы

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Список литературы составляется в том же порядке, в котором источники упоминались в тексте статьи, а не по алфавиту (используется ванкуверский стиль оформления).

Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

■ ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

■ Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на журнал «Проблемы развития территории» в отделении ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41318) либо на сайте <http://www.akc.ru>

Редакционная подготовка
Технический редактор, верстка
Корректор

И.А. Кукушкина
М.В. Чумаченко
В.М. Кузнецова

Дата выхода в свет 29.05.2020.
Формат 60 × 84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 21.51. Тираж 500 экз. Заказ № 107
Свободная цена

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС 77-71360 от 17 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ФГБУН ВолНЦ РАН
Телефон: +7(8172) 59-78-03, факс +7(8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru, pdt.isert@mail.ru